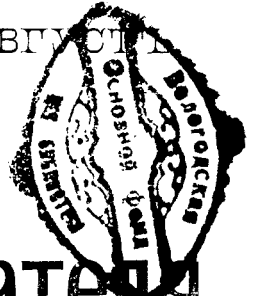

1908. ГОДЪ ВТОРОЙ. ЮЛЬ-АВГУСТЪ

Дневникъ Писателя.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

общедоступное изданіе

А. В. КРУГЛОВА.

Первый изъ народовъ тотъ, у кого лучшія школы. Если онъ не первый сегодня, то будетъ имъ завтра.

Жюль Симонъ.

Безъ родины мы—ничто. Безъ ея органическихъ, расовыхъ духовныхъ стремленій—каждый изъ насъ только зародышь, жалкій недоносокъ, обреченный на вырожденіе.

Боборыкинъ.

Невѣріе—это тонкій слой льда, по которому одинъ человекъ еще можетъ пройти, но цѣлый народъ провалится въ бездну.

Штекеръ.

Редакція „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“—Москва, Тверская, д. гр. Олсуфьевой.

00011Ж

Въ „ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“, кромѣ **А. В. Круглова**, принимали, принимаютъ и будутъ принимать участіе слѣд. ученые и писатели: **П. А. Аксаковъ, Л. Д. Александровъ, Л. Н. Афанасьевъ, М. Н. Б., И. Н. Бабанинъ, Н. Н. Баринъ (Энбэ), А. Ф. Басовъ, С. М. Битюковъ, М. С. Бѣлкинъ, П. И. Бѣляевъ, Д. П. Варлыгинъ, С. В. Витимскій, И. И. Вологодскій, И. Н. Глухаревъ, К. П. Говоровъ, Л. Д. Гончаревскій, А. Н. Догановичъ**, прив.-доцентъ Моск. универс. докторъ **С. М. Доброхотовъ**, полк. генер. штаба **М. А. Дерманъ**, проф. прот. **Н. А. Елеонскій, А. В. Жирневичъ, В. Я. Ивановъ-Енотаевскій, А. Г. Кирмалова, Е. Н. Клетнова, А. А. Коринфскій, М. А. Козыревъ**, прис. пов. **Н. Д. Кузнецовъ, Р. П. Кузовъ, И. А. Купчинскій, В. П. Лебедевъ, Е. Н. Ловецкая**, свящ. **М. И. Менстровъ**, заслуженный профессоръ **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, Н. А. Мучникъ, В. К. Мюръ, А. Н. Никитина, Н. Н. Оглоблинъ, Е. Н. Опочининъ, Х. И. Пахолковъ, Е. А. Полушкина, И. В. Поповъ-Пермскій, Я. Я. Полферовъ, Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ, П. И. Радинъ, П. А. Россіевъ, В. Г. Рязанцевъ, И. В. Роцинъ, И. А. Савченко, Е. И. Свѣтова, К. И. Смирновъ, Н. П. Столянскій**, проф. Моск. универс. **И. Т. Тарасовъ**, профессоръ **А. А. Тихомировъ, Н. П. Третьяковъ, С. Т. Тураганъ, А. А. Федоровъ-Давыдовъ, С. Н. Хазовъ, Ф. И. Черновъ, А. А. Чумакъ, Ф. М. Чеботаревъ, С. Н. Шубинскій, И. П. Ювачевъ** и др. Художники: **С. В. Беклемишевъ, И. Е. Полушкинъ, А. И. Рукина-Коцугъ, А. И. Соколовъ, П. Ф. Яковлевъ** и др.

Тарифъ объявленій въ „Дневникъ Писателя“: на обложкѣ (внутр. 3-я стр.) 50 р. стр.;—25 р. $\frac{1}{2}$ стр.;—13 р. $\frac{1}{4}$ стр. На листахъ передъ текстомъ: стр.—30 р., $\frac{1}{2}$ стр.—15 р., $\frac{1}{4}$ стр.—8 р. Послѣ текста: стр.—20 р., $\frac{1}{2}$ стр.—10 р., $\frac{1}{4}$ стр.—5 р. За объявленія о книгахъ самимъ авторамъ-издателямъ 40% уступки.

Полный комплектъ „Дневника Писателя“ за 1907 г. (12 №№ и премія „СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ“) продается въ конторѣ редакціи за 2 р. 50 коп., безъ преміи 2 р. За перес. въ Евр. Россію добавл. 50 коп. т.-е 3 р. Для Сибири пер. по разстоянію.

А. Рудина-
Кочурт.

Изъ дневника.

Въ эту ночь,
Въ эту лунную, знойную ночь—
Мнѣ не спится:
Не могу я тревоги унять,
И давно пережитое сердцемъ—опять
На яву начинаетъ мнѣ сниться.

Эта ночь
Мнѣ напомнила южную ночь:
Пеленою закутаны степи,

А за ними вдали—
Словно стражи въ папахъ—легли
Бѣлоснѣжныя горныя цѣпи.

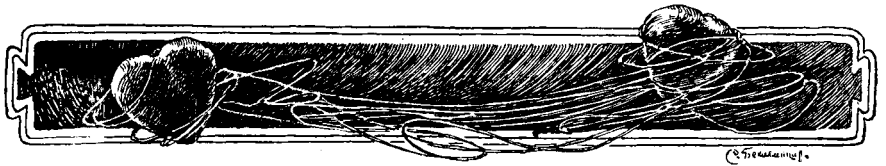
Въ эту ночь,
Въ эту лунную, знойную ночь
Вспоминается южное море:
Волны спятъ. Челноки
Словно чайки бѣлѣютъ. Дрожать огоньки
Рыбаковъ на безбрежномъ просторѣ.

Въ эту ночь,
Напоенную чарами ночь—
Мнѣ не спится:
Сердце бьется тревожно и хочетъ опять
Соловьинымъ напѣвамъ внимать
И въ плѣнительной сказкѣ забыться.

А. Кругловъ.

А. Кругловъ

Жасминъ.

(РАЗСКАЗЪ).

III *)

Прошло пять грустныхъ и долгихъ лѣтъ, и я изъ живой и жизнерадостной дѣвочки — „бѣсенка“, какъ меня называла въ шутку милая бабушка, превратилась въ унылую, задумчивую и никому не нужную двадцатидвухлѣтнюю дѣвушку.

Черезъ полгода послѣ празднованія моего рожденія, наступили наши любимыя, веселыя святки. Къ бабушкѣ опять наѣхало множество гостей и особенно всякой молодежи. Въ домѣ, что называется, стоялъ дымъ коромысломъ.

Утромъ ѣздили къ обѣднѣ, днемъ катались съ горъ и на тройкахъ, вечеромъ рядились въ разные костюмы домашняго приготовленія. Пѣли подблюдныя пѣсни, бѣгали слушать разговоры подъ окна или на перекрестокъ дорогъ и, прикладывая ухо къ землѣ, приговаривали:

— Залай, залай, собачка, на родной сторонкѣ!

Обыкновенно каждая гадалыщица слышала лай собаки въ той сторонѣ, куда стремились ея мысли. Я въ этотъ разъ лая не слыхала. Горничная Дуняша потихоньку всемъ намостила мосты, т. е. подъ изголовья нашихъ кроватей наставила блюдечекъ съ водой и поверхъ ихъ положила лучинки, что должно было изображать мосты, по которымъ, во снѣ, наши суженые должны были перевести насъ за руки. Крестьяне встарину никогда не ходили подъ ручку, а женихъ вель невѣсту за руку или вѣрнѣе рука въ руку. Не помню, что приснилось моимъ товаркамъ, но я видѣла страшный сонъ и проснулась съ такимъ крикомъ и плачемъ, что разбудила моихъ сосѣдокъ. Утромъ, когда я рассказала мой сонъ Агафьюшкѣ, она пришла въ ужасъ и тоже заплакала.

— Не хорошій сонъ, дорогая моя барышня, не хорошій и пронеси-то его Господь.

— Да что же онъ означаетъ?—допытывалась я.

— Ну, что означаетъ? То и означаетъ, что не хорошо.

Но что собственно было не хорошо, я такъ и не добилась. Дошелъ мой сонъ и до бабушки. Старушка со своей милой полулукавой улыбкой потрепала меня по щекѣ и сказала:

(*) Окончаніе. См. „Дн. Писат.“—№ № 5—6, 1098 г., стр. 4.

— А ты, бѣсенокъ, что вчера за ужиномъ изволила покушать? Вѣрно, чего-нибудь перекушала, вотъ такой и сонъ потому приснился. Глупости все! развѣ можно вѣрить всякимъ снамъ? Спой лучше мою любимую пѣсенку; ты уже мнѣ давно ея не пѣла.

Я запѣла, но непонятная тоска грызла мнѣ сердце. Да и бабушка слушала пѣсню какъ-то разсѣянно. Я замѣтила, точно она къ чему-то прислушивалась или что-то вспоминала. Вечеромъ у насъ былъ назначенъ праздникъ для крестьянъ; крестьяне — рядились въ вывернутые полушубки и въ незатѣливые домашніе костюмы вродѣ цыгана, вымазаннаго сажей, подпоясаннаго краснымъ кушакомъ, съ кнутомъ въ рукахъ, или цыганки, у которой черезъ плечо былъ накинута красный платокъ и т. д. Всѣ эти ряженые являлись въ нашу большую кухню, гдѣ они пѣли, плясали, а ихъ угощали пивомъ, медомъ и сладостями. Въ концу вечера бабушка всегда приходила туда и собственноручно дарила каждому какую-нибудь вещицу, пригодную въ деревенскомъ домашнемъ быту. Погода стояла ясная, но очень холодная. Луна свѣтила во всемъ своемъ блескѣ и величїи и заливала свѣтомъ поля и райскїй садикъ, который, какъ нарядная невѣста, стоялъ покрытый бѣлой пеленой изъ инея и блестѣлъ милліонами огней. Картина была дѣйствительно величественная, и бабушка, возвращаясь домой отъ ряженыхъ, залюбовалась ею и дольше обыкновеннаго пробыла на дворѣ. За ужиномъ она почувствовала ознобъ и головокруженіе. Ночью уже ей сдѣлалось такъ плохо, что поскакали въ городъ за докторами, а черезъ пять дней бабушка уже отошла на вѣчный покой. Похоронили ее въ родовомъ склепѣ около деревенской церкви. Горе и тоска моя была неописуемы. Я ничего не сознавала и впала въ какой-то столбнякъ. Ближайшіе наслѣдники бабушки и мои опекуны перевезли меня въ столицу и поселили у одной моей дальней родственницы. Она занимала очень большую квартиру на одной изъ главныхъ улицъ. Двѣ лучшія комнаты выходили окнами на улицу, а всѣ остальные во дворъ. Впрочемъ это было почти не замѣтно, такъ какъ всѣ окна были затянуты тюлевыми занавѣсями, поверхъ которыхъ шли толстыя портьеры и какія-то еще коротенькія фантази и длинныя шторы. Свѣтъ не могъ проникнуть въ комнаты, которыя даже въ ясный день оставались въ полумракѣ. Это особенно поражало послѣ деревни, гдѣ въ окна открывались широкія панорамы, а также лѣзли вѣтками жасмины и жимолости. Послѣ этого сумракъ столичной квартиры моей родственницы давилъ меня, какъ кошмаръ. Да и вообще вся городская жизнь сдѣлалась для меня пыткой. Я словно перестала жить, а начала прозябать и вѣроятно угодила бы въ домъ для душевно-больныхъ, если-бъ на мое счастье не встрѣтила одного хорошаго знакомаго изъ райскаго садика. Дѣтямъ родственницы понадобился законоучитель, и къ моей несказанной радости, имъ оказался одинъ изъ сыновей нашего сельскаго священника. Теперѣшній отецъ Григорій, котораго моя бабушка и мы всѣ когда-то называли Гришей, пре-

красно окончилъ курсъ и получилъ мѣсто въ одной домово́й княжеской церкви. Въ свободное отъ службы время онъ давалъ уроки и былъ рекомендованъ моею родственницею. Этотъ человекъ, полный вѣры и кротости, научилъ и меня покорности во́лѣ Божіей и смиренію подъ Его Крестомъ. Я стихла, такъ сказать, и начала было сживаться съ моимъ положеніемъ, но меня ожидала новая гроза.

Въ одинъ грустный день моя родственница очень тонко, но чувствительно дала мнѣ понять, что мои опекуны такъ хорошо опекали меня, что я превратилась буквально въ сандрильону, если не считать нѣкоторыхъ золотыхъ вещей, бывшихъ на мнѣ, и тѣмъ спасенныхъ отъ расхищенія. Опекуны мои были все люди важные, занимавшіе видныя мѣста съ солиднымъ окладомъ. Я же оставалась беззащитной сиротой, за права которой не кому было вступиться, и потому принуждена была жить изъ милости въ домѣ родственницы. Но эта роль оказалась не по мнѣ. Я знала языки, прошла хорошую школу музыки и пѣнія, и потому мнѣ легко было найти себѣ мѣсто. Объ этомъ я сообщила о. Григорію, прося его содѣйствія. Онъ прекрасно понялъ меня и черезъ короткое время нашелъ мнѣ мѣсто у княгини В., въ домово́й церкви которой онъ служилъ священникомъ.

IV.

Стоялъ чудный, теплый день. Опять благоухали жасмины, красуясь въ цвѣту, какъ разубранная невѣста въ своемъ бѣломъ нарядѣ. Но эти серебристые, благоухающіе жасмины цвѣли уже не въ райскомъ садикѣ моею незабвенной бабушки, а въ паркѣ роскошной дачи княгини В. На дачѣ княгини шла большая суматоха. Горничная какъ угорѣлая бѣгала то съ утюгами, то съ лентами, то съ горячими или остывшими щипцами. Княгиня была не въ духѣ и всѣ домашніе это чувствовали и трепетали. Княгиня собиралась ѣхать въ свою городскую церковь, чтобы присутствовать на свадьбѣ дальней родственницы — миллионерки, пожилой и очень капризной дѣвицы. Последняя долго разбирала жениховъ, пока, наконецъ, не остановила вниманія на одномъ молодомъ человекѣ, родители котораго были нѣкогда обязаны отцу невѣсты. Всѣхъ занимала эта свадьба, потому что знали своеправіе невѣсты и сильный характеръ жениха. Я поступила къ княгинѣ за три дня до этого событія и меня нисколько не интересовало узнавать имена и фамиліи будущихъ новобрачныхъ. Я только постоянно слышала разныя предположенія насчетъ ихъ будущей семейной жизни. Наша княгиня увѣряла, что несчастный молодой мужъ сбѣжитъ черезъ недѣлю изъ дому. Сестра княгини оспаривала это, утверждая, что онъ покоритъ капризную миллионерку своей желѣзной во́лѣ. Все это я слышала понево́лѣ, присутствуя съ моею ученицей за общимъ столомъ. Но скоро я забывала объ этомъ и въ свободныя минуты стремительно бѣжала въ садъ, гдѣ среди любимыхъ бѣлыхъ жасминовъ отдавалась

прошедшему, вспоминая мою добрую старушку. Такъ было и въ этотъ день. Зная, что мнѣ на свадьбу ѣхать не надо, я сорвала нѣсколько вѣтокъ жасмина, нѣкоторыя изъ нихъ зриколола къ волосамъ, а другія несла, чтобы поставить въ вазу. Идя въ мою комнату, я услышала раздраженный голосъ княгини. Оказалось, что парикмахеръ, Шарль, опоздалъ на цѣлый часъ. Княгиня сдѣлала ему строгій выговоръ. Гордый французъ извинился, но надулся. Не извѣстно почему, но воздушная прическа княгини въ этотъ разъ не удалась. Шарль перечесалъ княгиню, но послѣдняя опять осталась недовольна. Пришлось передѣлывать прическу еще разъ. Лицо княгини покрылось красными пятнами, а руки Шарля стали нѣсколько дрожать; дѣло не спорилось. А между тѣмъ часовая стрѣлка все ближе и ближе подвигалась къ урочному часу, назначенному для вѣнчанія. Роскошная коляска уже давно стояла у подъѣзда. Видный кучеръ едва сдерживалъ сытыхъ, холеныхъ коней, которые нетерпѣливо пофыркивали и стучали копытами, отбиваясь отъ назойливыхъ мухъ. Конюхъ съ картузомъ въ одной рукѣ и волосяной метелкой въ другой чуть не въ сотый разъ смахивалъ съ коляски пыль, а княгиня все еще не выходила. Когда я проходила мимо княгини, послѣдняя круто повернулась въ мою сторону и сказала:

— М-ле Ростовцева, ваша прическа съ этими бѣлыми цвѣтами несравненно изящнѣе той, которую М-ег Шарль желаетъ соорудить на моей несчастной головѣ, разболѣвшейся благодаря его усердію! Мнѣ несмыслимо ѣхать на свадьбу сію минуту; я должна раньше отдохнуть. Если у васъ есть подходящій туалетъ, я бы васъ очень просила ѣхать съ Лили безъ меня; я приѣду потомъ, прямо на домъ къ молодымъ. Вѣнчаютъ невѣсту въ нашей церкви и даже вашъ знакомый о. Григорій. Поѣзжайте, милая, одѣться вы успѣете, а о прическѣ вамъ нечего и думать, оставьте ту, какая у васъ есть. Эти жасмины вамъ удивительно къ лицу и вы сегодня необыкновенно интересны.

Княгиня поцѣловала меня и легонько вытолкала за дверь, чтобы показать мнѣ, что всякіе протесты излишни и время терять нельзя. Мнѣ оставалось только повиноваться, что я и сдѣлала. Надѣвъ мое лучшее бѣлое платье, я черезъ какихъ-нибудь четверть часа мчалась съ Лили въ нашъ городской палаццо. Съ нами вмѣстѣ приѣхала въ церковь одна изъ близкихъ родственницъ княгини съ сановнымъ супругомъ въ шитомъ мундирѣ и съ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ десяти, одѣтымъ въ бѣлый костюмчикъ. Мальчикъ пошелъ впереди насъ, а мы двинулись за нимъ, причемъ моя ученица шла со своей родственницей, а мнѣ довелось идти съ важнымъ сановникомъ. Пѣвчіе, увидѣвъ такое шествіе и бѣлые цвѣты у меня на головѣ, приняли меня за невѣсту и грянули концертъ: „Гряди, Голубица“. Женихъ, стоявшій поодаль съ серьезнымъ лицомъ, быстро повернулся въ мою сторону, ожидая конечно увидѣть свою невѣсту. Взгляды наши встрѣтились и мы узнали другъ друга. Женихъ оказался тотъ дерзкій молодой человекъ, который такъ нескромно подслушалъ когда-то мое дѣтское гаданье и такъ своевольно завладѣлъ

тогда моей вѣткой жасмина. Мы оба смутились; сконфузились и пѣвчіе, понявъ свою ошибку. Чтобы не дать замѣтить мое смущеніе другимъ, я посиѣшила смѣшаться съ приглашенными и прошла за одну изъ колоннъ, гдѣ никто меня не могъ видѣть. Въ церкви опять воцарилась тишина въ ожиданіи запоздавшей невѣсты. Уставшія дамы усѣлись на стулья. Престарѣлые сановники начали перешептываться, опираясь на колонны. Регентъ поминутно вынималъ часы и громко хлопалъ крышкой, какъ бы показывая этимъ свое недовольство. Отецъ діаконъ покашливалъ въ руку, нѣсколько разъ высовываясь изъ сѣверныхъ дверей, но невѣста не появлялась. Приѣхала даже наша княгиня, успокоенная и какъ всегда съ томнымъ выраженіемъ глазъ. Она успѣла обойти всѣхъ дамъ и понемногу съ каждой поговорить. Вернулись шафера, посланные за невѣстой. Блѣдные, разстроенные, они идутъ къ жениху и что-то быстро шепчутъ ему. Женихъ—Глѣбъ Борисовичъ Дунайскій—блѣднѣетъ какъ мертвецъ и вотъ, вотъ кажется, что онъ упадетъ въ обморокъ. Его окружаютъ мужчины. Всѣ о чемъ-то перешептываются, жестикулируютъ и наконецъ зачѣмъ-то отправляются въ алтарь. Дамы, заставъ дыханіе, съ любопытствомъ смотрятъ на двери, ведущія въ алтарь. По церкви облетаетъ вѣсть: невѣстѣ не понравился букетъ и жемчужный фермуаръ, который женихъ настоятельно требовалъ, чтобы она надѣла, такъ какъ въ этомъ ожерельѣ вѣнчались его мать и его бабушка. Невѣста этого сдѣлать не захотѣла и прислала жениху отказъ. Какъ съ ней ни бились, ни уговаривали ее, она стояла на своемъ и, разорвавъ въ клочки подвѣнечную вуаль и букетъ, велѣла шаферамъ эти обрывки отвезти жениху. Услыхавъ это, большинство приглашенныхъ немедленно разѣхалось. Мы же пока оставались, потому что княгинѣ нужно было о чемъ-то очень важномъ поговорить съ священникомъ. Пѣвчіе, не получивъ еще своего гонорара, тоже оставались пока на клиросѣ и сердитый регентъ еще громче хлопалъ крышкой своихъ часовъ.

Прошло довольно много времени. Но вотъ отецъ Григорій выходитъ одинъ изъ алтаря и направляется къ намъ. Поздоровавшись наскоро съ княгиней, онъ обращается ко мнѣ.

— Я пришелъ къ вамъ сватомъ, Нина Николаевна,—промолвилъ онъ.—Глѣбъ Борисовичъ проситъ вашей руки и, если вы не отринете мое ходатайство, то онъ проситъ меня сейчасъ же и повѣнчать васъ. Ваша вѣтка жасмина у него хранится и онъ ее вамъ отдастъ по приѣздѣ домой. А я смѣю посовѣтывать вамъ исполнить, какъ видно, волю Божию. Я ручаюсь за Глѣба Борисовича. Онъ вамъ дастъ счастье, только вы-то ему въ вашей любви не откажите. Онъ обѣщаетъ даже райскій садикъ купить и увезти васъ туда.

Я стояла растерянная и не знала, на что рѣшиться. Глѣба Борисовича я знала мало, но мое сердце было свободно. Сознаніе, что Глѣбъ Борисовичъ угадалъ мое завѣтное желаніе жить въ бабушкиномъ садикѣ, располагало меня въ его пользу. Къ тому же я очень вѣрила религіозному и умному отцу Гри-

горю, знала, что худого онъ мнѣ не пожелаетъ и не будетъ сватать человѣка, за котораго бы онъ не могъ ручаться. Всѣ эти мысли мигомъ промелькнули въ моей головѣ и я вопросительно взглянула на священника. Тотъ, понимая, что происходило у меня на душѣ, отвѣтилъ на мой взглядъ благословеніемъ. Осѣнивъ меня крестомъ, онъ сказалъ:

— Судьба всѣхъ насъ въ рукахъ Господнихъ! Иная годами ждетъ суженаго, а выйдетъ замужъ—смотришь и нѣтъ счастья.. а иногда браки совершаются въ два три дня и въ результатѣ—счастливая семейная жизнь. Рѣшайтесь, моя родная, и да благословить васъ Господь. Замолвите и вы ваше слово,—обратился онъ къ княгинѣ,—въ пользу моего жениха, а я пока пойду къ ожидающему меня Глѣбу Борисовичу, да пошлю сейчасъ взять бумаги Нины Николаевны. Онъ вѣдь у меня хранятся. Уѣзжая на дачу, она всѣ цѣнныя вещи и бумаги свои оставила у меня.

Черезъ какой-нибудь часъ времени пѣвчіе снова пѣли мнѣ концертъ. И я, хотя взволнованная, но не грустная, стояла рядомъ съ моимъ женихомъ, который буквально переродился и точно помолодѣлъ на десять лѣтъ.

Отецъ Григорій съ особенномъ чувствомъ соединилъ наши руки, а я горячо молилась, чтобы Богъ помогъ быть мнѣ истиннымъ другомъ и помощницей моему мужу.

Е. Свѣтова.

На отдыхъ.

(Изъ „Поминокъ жизни“).

Я помню эти дни: уставши отъ работы,
Изъ города ушли мы въ глушь лѣсовъ родныхъ
И отдыхали тамъ безъ думы и заботы
Подъ говоръ ручейковъ и пѣнье птицъ лѣсныхъ.

Бродили мы въ поляхъ, желтѣвшихъ спѣлой рожью,
Плели съ тобой вѣнки изъ луговыхъ цвѣтовъ,
А въ праздничные дни съ крестьянской молодежью
Водили хороводъ подъ шутки стариковъ.

На ловлю рыбную мы ѣздили съ сѣтями,
Въ глухомъ бору съ тобой собирали мы грибы,—
И были нашими желанными гостями
Внучата Яковá—хозяина избы.

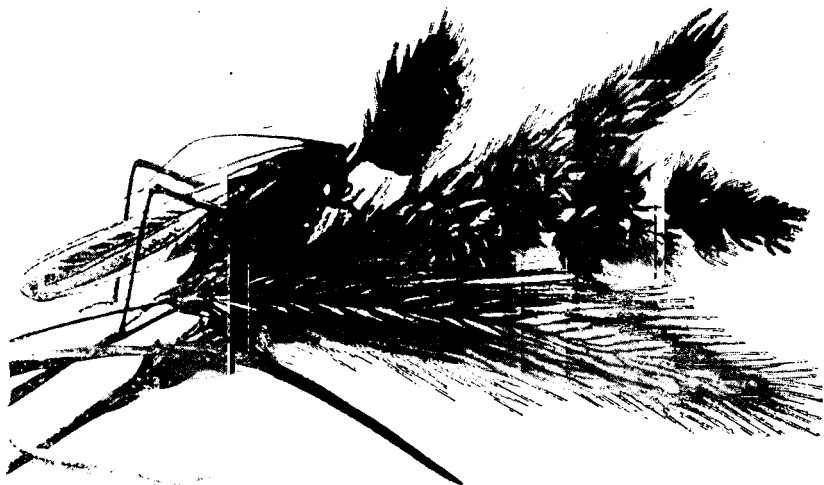
Мы пили съ ними чай; и былью или сказкой
Охотно маленькихъ гостей я развлекалъ,
И поздно вечеромъ, ободренные лаской,
Со смѣхомъ малыши спать шли на сѣноваль.

Открывъ окно, еще подолгу мы сидѣли,
Въ мечтаньи сладостномъ глядя на небеса...
Но тѣни ночи шли... и дали все темнѣли...
И тихій сонъ слеталъ на нивы и лѣса...

Ложились спать и мы, далекіе заботы,
Здоровой устали и счастья полны...
Такъ отдыхали мы съ тобою отъ работы
Тогда, въ глуши лѣсовъ родимой стороны.

А. Кругловъ.

Софронъ Колуновъ.

(РАЗСКАЗЪ).

IV. *)

Подходя къ церковному дому на другомъ концѣ села, Колуновъ встрѣтился съ самимъ о. Нефедомъ, возвращавшимся съ гумна, гдѣ у него вѣяли рожь. Священникъ былъ средняго роста, коренастый, съ широкимъ загорѣлымъ лицомъ и пышными рыжеватыми волосами, съ застрявшими въ нихъ теперь соломинками. Лично занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, онъ, по внѣшности, почти ничѣмъ не отличался отъ крестьянъ, съ которыми жилъ въ большой дружбѣ. Они цѣнили своего трудолюбиваго батюшку и шли къ нему за всякими совѣтами.

Внимательно присмотрѣвшись къ подходившему, о. Нефедъ узналъ его.

— Никакъ Софронъ?.. Ты ли это?

— Я, батюшка, я,—огозвался тотъ, прося благословенія.

— Откуда Богъ принесъ?.. Давно ли вернулся?

Крестьянинъ неопредѣленно махнулъ рукою и отвѣтилъ:

— Только утресъ вернулся, да вотъ къ вамъ поспѣшилъ...

Дѣло такое у меня вышло...

— Дѣло, говоришь ты?—значительно повторилъ священникъ, поглаживая густую бороду.

— Да, дѣло,—подтвердилъ мужикъ.

— Коли такъ, то сядемъ на лавочку и потолкуемъ.

Священникъ вошелъ въ калитку на чистый большой дворъ

*) См. „Дн. Пис.“ №№ 5—6, 1908 г., стр 21.

и опустился на скамью возлѣ стѣны дома, жестомъ пригласивъ Софрона сѣсть съ нимъ рядомъ.

Колуновъ присѣлъ на край скамьи и глубоко вздохнулъ.

— Старецъ Анфимъ-то померъ!—сразу началъ онъ съ того, что его такъ мучило.

— Да, умеръ еще въ прошломъ году, — подтвердилъ о. Нефедь.

— То-то вотъ оно что.. А вѣдь онъ наложилъ на меня послушаніе.

— Знаю я это: послалъ тебя странствовать.

— Да... Какъ же мнѣ быть теперь?

— Нести послушаніе.

Софронъ всколыхнулся.

— А если мнѣ не вмоготу, батюшка?.. Спинушку я притомилъ, всё ноженъки приходилъ... съ устали тѣло отдыха просить... Наладился я дома остаться... Что же, всё живутъ по человѣчески, а я маюсь, какъ каторжный, гдѣ день, гдѣ ночь... Моченьки моей больше нѣту!

Колуновъ приходилъ все въ большее и большее возбужденіе и выкрикивалъ свои жалобы уже самымъ высокимъ тономъ.

Священникъ слушалъ его, облокотясь на колѣни и опустивъ голову. Онъ умышленно не прерывалъ старика, давая ему волю излить свое горе.

Когда, наконецъ, у Софрона изсякъ запасъ жалобъ, то онъ смолкъ.

Молчалъ и священникъ, обдумывая случай. Потомъ о. Нефедь поднялся и обратился къ старику:

— Да, вотъ оно что... Дѣло-то выходитъ нелегкое...

Крестьянинъ ударилъ себя по колѣнямъ.

— Прямо, не знаю, какъ мнѣ и быть!

— Оно, конечно, принимая во вниманіе слабость человѣческую, можно и смутиться духомъ... Тогда надо молиться... Помощи Божіей просить для укрѣпленія...

— Не могу я больше, не могу!—простоналъ Софронъ.

— Могъ бы я и разрѣшить тебя отъ послушанія...

— Разрѣшите, батюшка!—взмолился Колуновъ.

— Стой!.. Кончить не даль... Экой, какой!.. Ну, такъ вотъ я говорю: разрѣшилъ бы, если бы другой кто послушаніе наложилъ, а не Анфимъ... А это вѣдь такой былъ человѣкъ... самъ, не бойсь, знаешь!

— Что и говорить: заслужилъ у Бога!

— Ну, то-то вотъ... Такъ мой совѣтъ тебѣ, другъ, не противиться волѣ праведника.

— О-хо-хо!

Крестьянинъ поникъ головой.

— Не противиться тѣмъ болѣе,—продолжалъ о. Нефедь наставительно,—что вѣдь онъ самъ хотѣлъ сказать тебѣ, до какихъ поръ нести послушаніе.

— Это точно...—подтвердилъ старикъ.

— Вотъ и ожидай указанія...

— А дотолѣ какъ же? Мнѣ все и скитаться?

— Да... Но можешь приходить домой отдохнуть и повидать своихъ... Поживешь, сколько пожелаешь, наберешься силъ, а тамъ—и снова въ путь!

— Сколько же мнѣ жить-то тутъ?—уныло спросилъ мужикъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Это—по желанію... Живи хоть недѣлю, хоть двѣ, а то и поль-года... Только чувствууй, что сколько бы ни сидѣлъ на мѣстѣ, а въ путь все же надо будетъ собраться... Потому особенно къ жилью не прилѣпляйся и раздѣляй свое время между страствованіями и домомъ.

Такая перспектива хотя и не улыбалась Софрону, но все же примиряла его со своей судьбой... Подумавъ, онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту батюшки и промолвилъ:

— Ну, видно, такъ и быть тому... Этакъ-то я и праведника не обижу, да и волю свою соблюду... Оно хоть не совѣмъ...

— Но все же...

— Положимъ... Могу я вѣдь и больше у своихъ прожить?

Священникъ развелъ руками.

— Кто же мѣшаетъ?... Отъ тебя зависить... Вѣдь на побывку запрету не положено?

— Нѣтъ...

— Ну, вотъ... За чѣмъ же дѣло?

Лицо посѣтителя прояснилось отъ словъ священника, который такъ просто и легко рѣшилъ мучительный вопросъ.

Софронъ поблагодарилъ о. Нефеда и, успокоенный, отправился домой.

V.

На слѣдующій праздничный день Софронъ былъ у обѣдни. Онъ подалъ на проскомидіи поминаніе за покойныхъ родителей и отслужилъ по нимъ панихиду. А дня черезъ три отправился пѣшкомъ въ Вышинскій монастырь, поклониться могилкѣ старца Анфима. Въ началѣ слѣдующей недѣли онъ вернулся домой на полный отдыхъ.

Семейные продолжали ухаживать за нимъ, какъ за гостемъ, и никто не ожидалъ отъ него какой-либо работы или помощи. Старикъ то валялся цѣлый день, предаваясь сладкимъ мечтамъ, а то съ утра до ночи бродилъ безцѣльно въ лѣсу. Изрѣдка, отъ скуки, онъ принимался помогать что-нибудь по хозяйству сыновьямъ или брался исполнять какое-нибудь порученіе. Но къ этому его никто не неволилъ. Дни проходили для него въ полной беззаботности и праздности; поэтому, въ короткое время, Софронъ замѣтно поправился. Но онъ не могъ найти лишь душевнаго равновѣсія. Все его задѣвало и беспокоило. Онъ обижался на Семена, когда тотъ дѣлалъ распоряженія помимо него.

— Отца и знать ужъ не хочешь,—обиженно замѣчалъ онъ.—Нѣтъ того, чтобы посоветоваться, такъ куда! Отецъ составилъ, изъ ума выжилъ!

Семена задѣвали слова старика. Но сдержанный по натурѣ,

онъ подавлялъ въ себѣ раздраженіе и спокойно, но вѣско отвѣчалъ:

— Не прогнѣвись, батюшка, ты уже отсталъ отъ нашего дѣла; а я не то что совѣтъ съ тобой радъ всегда держать, но готовъ хоть сейчасъ все хозяйство сдать тебѣ на руки.

Но этого старикъ не хотѣлъ и, махнувъ рукою, возражалъ:

— Куда же мнѣ теперь?.. Я уйду опять...

Семенъ принялъ во вниманіе слова отца и сталъ спрашивать его совѣта во всѣхъ дѣлахъ, хотя поступалъ нерѣдко по необходимости и по своему. Этимъ навлекалъ онъ на себя новые упреки... Ссоръ между сыномъ и отцомъ не происходило только потому, что характеръ у Семена былъ очень миролюбивый и мягкій. Когда Софронъ очень донималъ сына, за послѣдняго вступалась мать и вскидывалась на мужа:

— Перестань ты его точить! Онъ лучше тебя хозяйство-то повелѣ! Чужіе къ нему за совѣтомъ ходятъ... А тутъ все не по тебѣ!.. Не глупѣе тебя... Не даромъ въ почетѣ у добрыхъ людей!

Напоминаніе Марѣ, что сына его уважаютъ сосѣди, всегда бѣсило Софрона, котораго раньше не долюбивали въ деревнѣ.

Съ бранью по адресу жены, старикъ спѣшилъ удалиться.

Какъ-то Семенъ ѣздилъ въ городъ и пробылъ тамъ трое сутокъ.

Въ его отсутствіе отецъ засталъ Аксинью разговаривавшей у колодца съ сосѣдскимъ парнемъ—Архипкой. Это показалось старику подозрительнымъ. Подозрѣнія его усилились, когда на другой день всѣ Колуновы ушли въ лѣсъ за грибами и опять встрѣтили тамъ Архипку. Парень остался въ ихъ компаніи и все время балагурилъ съ бабами. Софронъ сообщил свои подозрѣнія вернувшемуся Семену и придалъ такую окраску простой случайности, что невольно встревожилъ сына.

Семенъ сталъ кидать на жену ревнивые взгляды и брови его хмурились все болѣе и болѣе.

Аксинья, никогда не видѣвшая мужа сердитымъ, оробѣла, принявъ виноватый видъ, и потомъ заплакала.

Когда улеглись всѣ спать, то подъ пологомъ у Семена съ женой долго шель тихій разговоръ, а потомъ раздались воцли Аксиньи. Оба они соскочили съ кровати и мужъ оттаскалъ жену за косы.

Такая расправа Семена съ женою случилась впервые за всю ихъ десятилѣтнюю совмѣстную жизнь. Она подняла на ноги весь домъ.

Марѣа бросилась на помощь къ невѣсткѣ и оттащила ее отъ разъяреннаго мужа.

— Будетъ тебѣ!.. Опомнись!—закричала она на сына, помогая плакавшей Аксиньѣ встать съ пола.

У невѣстки текла изъ носа кровь и Марѣа увела ее въ сѣни вымыться и привести себя въ порядокъ.

Аксинья рассказала свекрови, что злые люди позавидовали ея миру и ладу съ мужемъ и наплели на нее небылицъ.

Но ни Марѣа, ни ея невѣстка не знали, что этимъ лихо-

дѣмъ являлся ни кто иной, какъ Софронъ. Семень не сказалъ, что узналъ это отъ отца.

Однажды старикъ былъ чѣмъ-то занятъ въ избѣ, когда топилась печь и возлѣ нея обряжалась Ѳекла. Свекровь спросила что-то у невѣстки.

Ѳекла отвѣтила отрывисто.

— Не знаю, маменька, поищи сама.

Молодуха не любила, когда мѣшали ея дѣлу.

Но Марѳа и не была придирчива. Отвѣтъ невѣстки она оставила бы безъ вниманія, если бы его не отмѣтилъ Софронъ. Онъ покачалъ головою и произнесъ:

— Вѣдь будто она тебѣ, Марѳа, и не ладно отвѣчаетъ...а?

Старуха не отозвалась.

Колуновъ продолжалъ:

— Развѣ такъ годится: безо всякаго-то почтенія къ свекрови?.. Вѣдь свекровь все равно, что мать.

— Будетъ тебѣ!—сердито оборвала его жена.

— А мнѣ—что? Я развѣ за себя?.. Нынче и молодежь уваженія къ себѣ требуетъ, а не то что старики.

Марѳа, наконецъ, вскипѣла. Разозлилъ ее мужъ, но досаду свою она излила уже на обоихъ.

— Ну, и чего ты привязался?.. Отстань!.. А ты, Ѳекла, и вправду: завсегда ровно собака... Слова тебѣ не скажи, сейчасъ облаешь!

— Выдумывай больше!—огрызнулась молодуха.—Вотъ сама сейчасъ ни за что меня обругала. А я только не люблю, какъ мнѣ подъ руку говорятъ, да дѣлу мѣшаютъ.

— Такъ ужъ ты послала бы свекровь-то къ черту!—подзадорилъ Софронъ.

Ѳекла была горяча и невоздержанна на языкъ. Она разомъ вскипѣла и крикнула:

— А ну-те, васъ и обоихъ-то...

Но ее оборвала благоразумная Аксинья.

— Что ты? Перестань!.. Аль сдурѣла!

Марѳа впервые потеряла самообладаніе. Она подскочила къ невѣсткѣ съ клюкой и, стуча послѣдней о полъ, закричала на Ѳеклу:

— Ахъ, ты, толстомыся, чего выдумала! Отѣлась на нашихъ хлѣбахъ, да и къ черту насъ!.. Вотъ, прогону къ мужу: извозничай съ нимъ!.. Ахъ, ты...

Софья и Василиса схватили на руки своихъ маленькихъ дѣтей и, въ испугѣ, покинули избу.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы не Аксинья. Она напустилась на Ѳеклу, а потомъ уговорила и успокоила Марѳу, которая едва не ударила непокорную невѣстку. Однако миръ была восстановленъ лишь съ большими усиліями. Эта ссора оставила по себѣ въ домашней атмосферѣ какой-то осадокъ. Добрыя отношенія между свекровью и невѣсткой были, если и не порваны, то во всякомъ случаѣ уже поколеблены.

Всѣ невѣстки жили въ большомъ ладу между собою; но

Софья съ Василисой сошлись особенно. Онѣ сдѣлались настоящими подругами. Ихъ близость внушила Софрону подозрѣніе.

— И чего онѣ все шушукуются?—замѣтилъ онъ одиначе Марей.—Это навѣрное не спроста.

— Еще чего городишь!

— Смотри сама: все по угламъ сидятъ, да шушукуются.

Марейа это вскорѣ замѣтила.

— Что вы тамъ хоронитесь, да колдуете?—замѣтилъ онъ какъ-то.

Скрывать молодухамъ было нечего и онѣ посвятили и свекровь въ свой разговоръ. Но „хоронились“ онѣ въ присутствіи свекра, котораго онѣ стѣснялись. Безотчетно онѣ даже боялись его и избѣгали, словно чуя въ немъ своего недоброжелателя, какимъ онъ, впрочемъ, вскорѣ и оказался. Случилось это такъ: Василиса ушла въ свою деревню навѣстить родителей. Софья възгрустнулось дома. Софронъ, замѣтивъ это, повелъ съ нею бесѣду, стараясь по своему приласкать и ободрить молодуху. Между прочимъ онъ вывѣдалъ у нея въ подробности о семейномъ положеніи Василисы. Софья рассказывала обо всемъ съ искренностію и простотою неспорченной натуры.

Когда же вернулась Василиса, старикъ не утерпѣлъ и передалъ ей о рассказахъ Софьи, прибавивъ, что та осуждаетъ бездомовство и бѣдность ея родителей и пьяницу брата.

Это глубоко уязвило Василису, тѣмъ болѣе, что въ оправданіе своихъ родныхъ она ничего не могла сказать... И бѣдной женщинѣ пришлось страдать молча и въ одиночку... Она ничего не сказала Софьѣ, но дружба съ нею уже была нарушена.

Софья удивлялась произошедшей перемѣнѣ въ Василисѣ, которая стала часто плакать и сторониться дотолѣ любимой снохи-подруги.

Не чувствуя вины за собою, Софья между тѣмъ ясно видѣла, что между нею и Василисой пробѣжала черная кошка.

И это отчужденіе было тѣмъ мучительнѣе для обѣихъ, что Василиса избѣгала всякихъ объясненій, на которыя пробовала ее вызвать Софья.

Василиса обыкновенно отвѣчала уклончиво:

— Да ничего... Это тебѣ такъ показалось... И чего говорить-то?.. Спроста сблтънешь что лишнее, а люди воспользуются, да тебя же и обнесутъ за это да осудятъ...

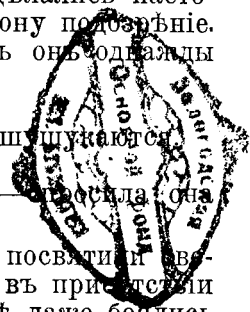
Она не прибавляла ничего больше.

Но Софья поняла, что Василиса въ чемъ-то подозрѣваетъ ее и сердится за это.

Не поладили Софронъ и съ сосѣдомъ Вавилою. Были у нихъ еще старые счеты между собою, но ихъ не вспоминали, пока Колуновъ не задѣлъ Вавилу намекомъ на сомнительное поведение его дочери, городской портнихи. Тогда Вавила гнѣвно обрушился на Софрона и отчиталъ его не только за настоящую, но и за прошлую обиду, прибавивъ въ заключеніе:

— Какой ты странникъ?.. Ты просто страмникъ!

00611Ж

Софронъ тоже не остался въ долгу. Послѣ этой ссоры между сосѣдями по прежнему возобновились враждебныя отношенія.

Съ другимъ сосѣдомъ, Евтихіемъ, ссоры хотя и не вышло, но тотъ дулся на старика за поклепъ на его сына Архипку.

Односельчане постепенно вооружались противъ Софрона и свое враждебное чувство перенесли на всѣхъ его домочадцевъ. Послѣдніе невольно страдали изъ-за дурного характера старика.

Но смуты возникали съ появленіемъ Софрона не только въ родной семьѣ и въ Варасовѣ. Гдѣ бы онъ ни останавливался на временное жительство, вездѣ кончалось непріятностями. Въ монастырѣ у Черниговской Божіей Матери Софрона сильно избилъ одинъ послушникъ за наущничество на него; въ Толгѣ онъ перессорилъ между собою монаховъ, сплетничая имъ другъ на друга. Когда же вина его открылась, онъ съ позоромъ принужденъ былъ уйти. Изъ Тотемской обители его выгнали за вѣчныя ябеды на братію; а въ одномъ селѣ, гдѣ Софронъ нанялся въ работники, онъ такъ вооружилъ противъ себя хозяина, что тотъ едва не утопилъ его въ рѣкѣ во время рыбной ловли.

Непріятности очень мучили и озлобляли Софрона. Онъ бѣжалъ изъ одного мѣста въ другое, рассчитывая гдѣ-нибудь найти себѣ успокоеніе и не сознавая, что причиною раздоровъ былъ онъ самъ.

VI.

Софронъ съ Трофимомъ насаживали овинъ. Отецъ подавалъ на вилахъ снопы, сынъ принималъ и ставилъ ихъ на настилкѣ плотными рядами. Работа была кропотливая и Колуновы долго возились съ нею, обливаясь потомъ. Старикъ самъ вызвался подсобить Трошкѣ. Онъ хотѣлъ показать дѣтямъ, что не даромъ ѣсть ихъ хлѣбъ.

Сверху раздался голосъ Трофима:

— Будетъ, батя!.. Полнехонька!

Софронъ отбросилъ вилы и сладко потянулся.

Насадку кончили къ солнечному закату.

Вышелъ изъ овина и парень, утирая рукавомъ катившійся съ лица потъ.

Старикъ улыбнулся и хвастливо произнесъ:

— Вотъ, какъ мы: за себя, значить, еще постоимъ! Ничего, что старъ, а работаю наравнѣ съ молодымъ.

Трошка передернулъ плечами съ презрительнымъ видомъ.

— Это что?.. Пустое дѣло!

Онъ сплюнулъ въ сторону и, поднявъ шапку, откинулъ назадъ густые бѣлокурые волосы. Онъ нѣсколько походилъ на отца, только его круглое, румяное лицо съ толстыми губами дышало большимъ добродушіемъ.

Возлѣ овина были заготовлены дрова, которые Колуновы быстро переносили и сложили въ печь, послѣ чего ее затопили.

— А и важную же ригу безъ меня дѣтушки срубили!— воскликнулъ Софронъ, любясь новой постройкой.

Трофимъ широко улыбнулся.

— Почесть я одинъ на нее бревна возилъ всю лѣтошнюю зиму,—самодовольно отозвался парень.—А Семень съ Петромъ рублили ее.

— Молодцы, ребята!—похвалилъ старикъ.—Прочно слажена... Вѣку ей не будетъ.

Изъ печи вышибло густые клубы дыма. Онъ потянулся подъ настилкой, съ трудомъ пробираясь кверху и окутывая снопы словно туманомъ.

Дымъ заѣлъ глаза Колуновымъ. Чтобы избавиться отъ него, они легли передъ печкой. Дрова въ очагѣ тотчасъ же вспыхнули яркимъ пламенемъ. У огня такъ пріятно было погрѣться и расправить усталые члены.

Трошка дѣловито замѣтилъ:

— Чтобы жарче было, закутаемъ печь пораньше; а щели всѣ я еще утрось заткнулъ: духу ни откуда не потянетъ.

— Тутъ будетъ ровно въ банѣ,—согласился отецъ.—Хоть парься!

— Какъ есть!.. Завтра—праздникъ, закута весь день простоитъ, значить и снопы дюже усохнутъ... Въ поведѣльникъ обмолотимъ.

Семнадцатилѣтній парень разсуждалъ, какъ степенный мужикъ. Въ немъ сказывалась порода землепашца. Со временемъ Трошка обѣщалъ сдѣлаться хозяйственнымъ крестьяниномъ.

Отецъ съ удовольствіемъ замѣчалъ это и одобрительно поддакивалъ:

— Такъ, такъ, сынушка: дѣло говоришь!

Софронъ повернулся спиной къ огню.

— У насъ дѣловъ сколько хочешь,—произнесъ Трошка тѣмъ же тономъ.—Одно прикончилъ, глядь—другое на очереди!

— А ноябрьскую зиму ты что же дѣлалъ?

— Дронковское сѣно въ Питеръ возилъ.

— О!.. Поди, много досталъ?

— Мы—артелью... На мою долю—полтора ста очистилось.

— Ну?!—удивился отецъ.

— Вѣрно слово!

— Такъ выходитъ: ты—богачъ!.. И если не пьешь и въ карты не играешь, такъ куда же ты дѣваешь деньги?

— Этими глупостями у насъ никто не занимается, потому Семень мотовства не любитъ. Вѣдь онъ у насъ страхъ какой строгій! Я, говоритъ, вамъ замѣсто отца, коли онъ въ отлукѣ... Всѣ его и слушаемся... А онъ распоряжается, какъ хочетъ... Отдалъ я ему, значить, деньги; онъ сейчасъ Гнѣдка купилъ, да крышу на избѣ починилъ... Потомъ—въ подати ушла малая толика... Такъ-то Семень и обсказалъ мнѣ: что куда пошло и сколько... Я все и знаю... И такъ онъ каждому братану объясняетъ.. Всѣ хотятъ знать до точна, куда идутъ ихъ трудовыя денежки. На это онъ у насъ дока: все упомянуть и высчитаетъ, какъ по пальцамъ.

Въ отзывѣ Трофима о большакѣ звучало восхищеніе.

— Такъ, сынокъ, такъ...—машинально повтораль старикъ, въ сердцѣ котораго возникло завистливое чувство къ своему старшему сыну. Почему у Семена хозяйство идетъ лучше, нежели шло у него? Почему его дѣти не хотѣли слушаться, а Семену повинуются?.. Почему у него въ избѣ стоялъ настоящій содомъ отъ вѣчной ругани, а у Семена всѣ живутъ согласно и никогда не слышать крика?.. Почему у него царила нищета въ домѣ, а у сына—полный во всемъ достатокъ?

Съ подозрительной пытливостью воззрися Софронъ на сына, поправлявшаго кочергой въ печкѣ разсыпавшіяся полѣнья.

„А можетъ мой дурень и брешеть что-нибудь не такъ... или хигрить со мною?“—подумаль старикъ. И онъ захотѣлъ поддѣть парня.

— Ну, вотъ, ты говоришь, что полтораستا отдашь Семену... А себѣ-то сколько же оставилъ?

Софронъ лукаво подмигнулъ сыну.

Тотъ его совершенно не понялъ.

— Какъ это, батя: себѣ?

Онъ повернулъ къ отцу круглое, наивное лицо, на которомъ выразилось неподдѣльное удивленіе.

— Ну, въ свой карманъ, говорю, сколько положилъ?—поясниль старикъ.

— Въ карманъ положилъ?—переспросилъ Трошка.—Да ничего... У насъ же все общее... Всѣ такъ отдаютъ въ одну казну... А если кому понадобится на какое дѣло, Семень сейчасъ и дастъ... Только что самовольно оставлять себѣ онъ не дозволяетъ... Это, онъ говоритъ, не порядокъ... Что же будетъ, коли я оставлю, да ты оставишь, да онъ опять тоже... А дому-то что? Лучше же тогда раздѣлиться безъ грѣха, да и дѣлу конецъ!

— Вонъ оно что...—протянулъ отецъ.—А почему же бы и не раздѣлиться вамъ?

Тришка свистнулъ.

— Поди-ка, скажи братамамъ,—куда!.. И слушать не хотятъ!.. Говорятъ: что кучиѣ, то сятнѣе... Теперь одинъ за всѣхъ и всѣ за одного... А тамъ-то—кругомъ одинѣшенекъ... Нѣтъ, что пустое-то и говоритъ!.. Семена наши всѣ уважаютъ. Выдѣломъ-то онъ страшаетъ братьевъ.

— Вишь ты!—воскликнулъ старикъ съ возрастающимъ чувствомъ зависти.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ Софронъ поборолъ въ душѣ приливъ остраго чувства.

— А какъ ты смѣкаешь, сынокъ,—слащавымъ тономъ началъ онъ,—по Божьи ли этакъ-то поступаетъ Семень?

Трофимъ учащенно заморгаль, стараясь вникнуть въ вопросъ, котораго онъ не понялъ.

— Какъ это, батя?—переспросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Да я вотъ про Семена говорю: правильно ли онъ съ вами поступаетъ?

— Ну, это что брешить даромъ: какъ есть правильно!—съ полной увѣренностью отвѣтилъ Трошка.—Онъ у насъ все разумѣть... на всякое дѣло дошлый!

Такое довѣріе къ Семену, его замѣстителю, больно укололо самолюбіе старика, и онъ загадочно произнесъ:

— Дока-то онъ дока, только вотъ что скажи мнѣ: съ какого бока?

Ему хотѣлось посбавить у Трошки его досаднаго довѣрія къ брату.

Помолчавъ, парень произнесъ:

— Что ты говоришь, батя, не вдомекъ мнѣ...

Старикъ достигъ цѣли, заронивъ зерно сомнѣнія въ душу сына.

— То-то не въ домекъ,—съ укоризною произнесъ отецъ.— А вотъ ты поразмысли-ка самъ все хорошенько, да обсуди: такъ ли оно выйдетъ?

Таинственные намеки старика озадачили и сбили съ толку Трошку. Но прямолинейная натура его не скоро разставалась съ усвоенными взглядами. Парень почесалъ спину и поежился.

— Что-жъ, кабы я одинъ,—произнесъ онъ въ свое оправданіе,—а то вѣдь и всѣ братья тоже... Они старше меня... Не бойсь, коли бы что неладно Семень поступилъ, они сейчасъ же смѣкнули бы да вычитали ему... Петруха-то у насъ грамотей отмѣнный... Онъ вѣдь сюда навъзжаетъ... Своего тоже не упустить... Какъ бы не такъ!.. Да и другіе—прочіе тоже... пальца въ ротъ не положить... А между прочимъ они всѣ къ большаку съ полнымъ уваженіемъ.

Трошка побѣдоносно взглянулъ на отца, чувствуя неопровержимость своихъ доводовъ.

Софронъ понялъ, что на прямомъ пути ему не сбить сына. Слѣдовало сыскать окольную лазейку. И онъ подумалъ... Помолчавъ, онъ заговорилъ тѣмъ же слащавымъ тономъ:

-- Эхъ ты, несмышленишъ!. Братья тебѣ не указъ.

Онъ остановилъ на сынѣ любовный взглядъ.

— Почему такъ?—живо спросилъ парень.

— Потому, что они всѣ женатые, а ты—холостой. Они работаютъ на свои семьи, а ты—на другихъ... Много-ль тебѣ одному надо? Значитъ вся лишка въ ихъ карманы переходить. Имъ выгодно дарового работника-то держать.. Кто же самъ себѣ врагъ? Вотъ они и не перечесть Семену... Ну-ка, что скажешь на это?

Трофиму никогда это не приходило въ голову. Онъ молчалъ, ошеломленный и подавленный слышаннымъ... Въ мозгу у него все перепуталось. Мутная волна захлестнула чувства къ большаку и другимъ братьямъ. На чистую поверхность души всплыли какіе то грязные подонки.

Старикъ видѣлъ произведенное впечатлѣніе на сына и торжествовалъ.

Онъ положилъ руку на плечо Трошки и растроганно промолвилъ:

— Дитячко мое меньшее, кабы не любилъ я тебя, то не сталъ бы тебѣ и глазъ открывать... Вѣрь слову: жалвючи ска-
зываю... Со стороны-то оно виднѣе... Заступиться за тебя неко-
му, а самъ ты еще умою не раскинулъ, не обмозговалъ всего...

Не найдя возраженій, Трошка принялъ на вѣру всѣ доводы
отца.

„Старъ человекъ, больше моего на свѣтѣ прожилъ, больше
и видѣлъ... стало быть, такъ оно и есть!“—разсуждалъ онъ про
себя.

На лицѣ его отразилось сильное душевное страданіе и онъ
выкрикнулъ истерическимъ тономъ:

— Батя, что же это значитъ? Родные братья, выходить,
моимъ трудомъ корыстуются!.. Иначе я былъ бы уже въ до-
статкѣ теперь!

Отецъ нѣсколько растерялся отъ внезапной перемѣны въ
сынѣ и его стремительности. Онъ поспѣшилъ промолвить успо-
коительно:

— Ну, ну, полно тебѣ!..

Но Трошка приходилъ все въ большій азартъ.

— Я не батракъ имъ больше!—крикнулъ онъ рѣшительно.

— Пусть мое отдадутъ добромъ, не то я изъ глотки вырву!

Онъ угрожающе сверкнулъ глазами.

Старикъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и принялся
уговаривать и утѣшать сына... Но все было напрасно. Парень
поднялся съ измѣнившимся лицомъ, съ котораго исчезло добро-
душное выраженіе. Напряженный взглядъ его горѣлъ злобой.
Трошка былъ страшень.

Не отвѣчая на разпросы отца, онъ вышелъ изъ риги, въ
которую больше и не вернулся.

Софронъ закрылъ трубу, заперъ дверь овина и, кряхтя,
попелся домой.

Отсутствіе Трофима встревожило домашнихъ и мать побѣ-
жала искать его по селу.

Было уже поздно, вездѣ ложились спать и Трошки никто
не видѣлъ.

Семень былъ въ городъ и его сжидали домой на завтра.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Анна Догановичъ.

Стихотворенія.*)

П. О. Порфирьевъ.

I.

„Свѣте тихій“... пѣнье клира въ темномъ храмѣ раздается.
Тихій вздохъ благоговѣнья вторитъ пѣнію въ отвѣтъ.
Замирая, сердце вѣрить, сердце чувствуетъ, будто льется
На молящихся во храмѣ невечерній тихій свѣтъ.
Двери царскія отверсты... Мирозданія зарница
Осѣнила, озарила довременной бездны тьму.
Какъ сіяла безмятежно эта первая денница,
О, какъ сладко пѣли люди пѣснь Владыкѣ своему!
Но звучитъ печальнѣй пѣнье... Слышенъ плачь грѣхопаденья,

Непреложный Іеговы слышенъ голосъ, будто громъ.
Люди изгнаны изъ рая. Точно тѣни, поколѣнья
Надъ землею проносились, пораженныя грѣхомъ.
Но пророковъ въ утѣшенье посылаетъ Іегова.
И про Свѣтъ Грядущій людямъ проповѣдали они,
И горѣло въ тьмѣ невѣрья ихъ свѣтящееся слово,
Какъ зовущіе къ спасенью путеводные огни.
Свѣтъ Грядущій ближе, ближе... И о тайнѣ воплощенья
Клиръ запѣлъ,—и, озаренный, такъ восторженно въ отвѣтъ
Я шепчу, склонивъ колѣни, полный слезъ и умиленья:
„Слава, слава въ вышнихъ Богу, показавшему намъ свѣтъ!..“

II.

Я весны не люблю и боюсь весны,
Я боюсь ея блѣдноокихъ ночей:
Въ эти ночи мнѣ снятся тяжелые сны,

*) Намъ прислано посмертное изданіе стихотвореній П. О. Порфирова. Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала мы дадимъ рецензію о сборникѣ. А пока, въ видѣ ознакомленія съ музой покойнаго поэта, помещаемъ три его стихотворенія, причемъ послѣднее—отрывокъ изъ превосходной поэмы (Первая любовь), напечатанной цѣликомъ въ сборникѣ.

Вспоминается блескъ угасавшихъ очей.
 Это было давно. Какъ теперь, шла весна
 Изъ-за синихъ морей... Зацвѣтала сирень...
 Но, родная моя, ты лежала больна,
 Тосковала, рвалась и бродила, какъ тѣнь.
 „О, скорѣе на югъ, на спасительный югъ!...“
 Утѣшали тебя, и повѣрила ты,
 Все надѣясь еще побѣдить свой недугъ,
 Все мечтая еще,—тщетны были мечты!
 Тамъ, подъ небомъ чужимъ, гдѣ лазурь такъ ясна,
 Гдѣ безоблачна даль, гдѣ надъ бездной морей
 Чуть шумить кипарисъ въ знойной дремѣ своей,
 Тамъ, вдали отъ семьи, ты грустила одна.
 Минулъ годъ... И опять, вѣя теплою крыломъ,
 Шла весна по полямъ, разсыпая цвѣты,
 Шла при блескѣ денницъ и въ мерцаньи ночномъ,—
 Умереть—догорѣть къ намъ вернулась ты...

Помню ночь. Ты спала. Я окно растворилъ:
 Проносились, крича, журавли за рѣкой...
 Тамъ, въ степи кто-то пѣлъ, одиноко грустилъ...
 Я въ отвѣтъ ему плакалъ, склоняясь надъ тобой.
 Разметавшись въ бреду, вся въ предсмертномъ огнѣ,
 Ты молилась такъ страстно за юность свою,
 То съ испугомъ кого-то звала въ тишинѣ...
 Но кошмаръ оборвалъ мысль больную твою!
 Задыхалась ты... Радость, жизнь моя!.. Съ губъ
 Слабый крикъ, легкій стонъ сорвался и затихъ.
 Предо мною лежалъ холодѣющій трупъ,
 И туманъ разливался въ очахъ голубыхъ...
 О, безумная ночь!..

А въ саду распѣваль
 Соловей, какъ и прежде, встрѣчая восходъ.
 Зарумянилась степь... Пробудился народъ.
 Я, склоняясь надъ тобой, какъ безумный, рыдалъ...
 ...И съ тѣхъ поръ не люблю этихъ блѣдныхъ ночей,
 Я боюсь болѣзненныхъ взоровъ весны:
 Въ эти ночи мнѣ снятся тяжелые сны,
 Вспоминается блескъ угасавшихъ очей.

III

Ужъ ночи свѣтлыя безслѣдно промелькнули.
 Стояли вечера, обычные въ июль,
 Когда надъ рѣчкою, въ отложинахъ полянъ,
 Молочный тянется туманъ;

Въ сѣверныхъ лѣсахъ.

(НАБРОСОКЪ).

Край дебрей, изрѣзанныхъ тропами оленей, пространныхъ озеръ съ трясиными, плавучими островами и множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, совершенно неизвѣстныхъ записному географу...

Сѣверная природа—тоже красавица, только не пылкая, не сверкающая ослѣпительными красками тропической зелени. Но сколько здѣсь живописныхъ мѣстностей! Сколько картинъ, отъ которыхъ забьется восторгомъ сердце каждаго человѣка. Одни лѣса красота. О, какъ хороши они въ своей первобытной дикости! Они разнообразны въ своемъ однообразіи... Вотъ пылаетъ утренней зарею востокъ. Лѣсъ проснулся, „каждой вѣткой встрепенулся“, шелеститъ листвою, точно потягиваясь отъ сна. Птицы одушевили зеленаго гиганта, наполнивъ его нѣдра тысячу свистовъ. Утренній зѣтерокъ свѣжъ. Онъ разноситъ живительные ароматы цвѣтовъ и зелени. Невысохшая еще роса сверкнула преломленными лучами брилліанта при первомъ лобзаніи земли солнцемъ. Птичка сѣла на вѣтку. Эта всколыхнулась,—посыпала самоцвѣтныя сокровища. Зазвенѣли въ травѣ кузнечики, застрекотали стрекозы. Поютъ птицы. Какъ бы гимномъ привѣтствуетъ природа начинающійся день. Цвѣты гордо подняли свои освѣженные головки... Все ожило, пробудилось...

Въ полдень картина измѣняетъ свой тонъ. Деревья щедро освѣщены вертикальными лучами солнца. Воздухъ сухъ. Вѣтеръ не несетъ прохлады. Въ воздухѣ точно носится золотистая пыль, которая прозрачнымъ слоємъ покрыла деревья и зелень. Все блеститъ золотистымъ отблѣнкомъ, сверкаетъ яркостью колера. Лѣсной концертъ какъ бы замираетъ, не смолкая однако. Только

звуки его перешли въ *pianissimo*. Какъ нѣжный любовникъ, солнце лелѣетъ землю въ своихъ жаркихъ объятіяхъ. И земля охвачена полной нѣгой...

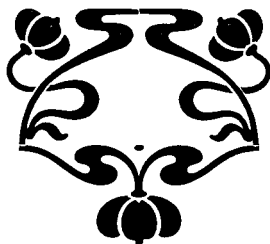
Вечеръ. Прошла сладкая истома. Точно стяхнувши съ себя дивныя чары, деревья заводятъ между собою бесѣду. Рои мошекъ и комаровъ тучами переносятся съ мѣста на мѣсто. Вдова-кукушка затягиваетъ сиротливую жалобу, какъ бы вторя ропоту деревьевъ... Вотъ исчезло за горизонтомъ и солнце. Земля и вода точно вздохнули своей мощной грудью, и вздохъ этотъ въ видѣ пара появился на поверхности и улетѣлъ въ небо. Слабыя фіолетовыя тѣни стали сгущаться, переходя въ лиловые тона. Мракъ окуталъ землю. Дневные концертанты попрятались. Ожили ночныя чудища. Большеглазый филинъ проревѣлъ свое зловѣщее „угу!“ Звукъ прокатился по всему лѣсу... Это крикъ мрака, царство котораго наступило...

Но выплылъ на небѣ серебристый дискъ блѣднолицей луны. Она разлила повсюду свой бѣлесоватый мягкій свѣтъ, проникающій сквозь листву деревьевъ, освѣтивши ихъ. Мракъ разсѣялся... Луна окунула свой смѣющійся ликъ въ тихо журчащій ручеекъ, оставивъ въ немъ свое изображеніе, которое двоится и троится, растягивается въ серебряную полосу отъ набѣгающей ряби струй... Заснувшія деревья стоятъ точно покойники съ неподвижными членами; березы блестятъ своей корою по стволамъ, словно завернуты въ саваны. Иглистыя вѣтви сосенъ кажутся вылитыми изъ стали. Конусообразныя ели плотно сѣли на землю своими вѣтвями. Кажется, что ихъ верхушки воткнуты въ воздушную синеву...

А надъ всѣмъ—небесный сводъ опрокинулся гигантской чашей. Звѣзды усѣяли его воздушную порфиру. Луна въ своемъ царственномъ величїи тихо плыветъ по безграничному эфирному океану, разливая съ необъятной выси своей серебряный свѣтъ.

Такова-то сѣверная, лѣтняя, лунная ночь. Таковы-то сѣверные лѣса лѣтомъ.

А. В. К.

Во мракѣ.

(Изъ жизни слѣпыхъ).

V. *)

Едва Шибуевъ очутился въ каменномъ коридорѣ, какъ въ его умѣ созрѣло рѣшеніе.

— Семи смертей не бывать! — сказалъ онъ и неслышно поднялся по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Нащупавъ выходившее во дворъ окно и осторожно отворивъ его, слѣпой свѣсилъ внизъ голову, придерживаясь за подоконникъ.

— Какъ бы не попасться, — разсуждалъ Шибуевъ, внимательно прислушиваясь; — положимъ, во дворѣ тихо... Вѣроятно, всѣ улеглись. Сторожъ говорилъ, что подь этимъ окномъ находится крыша, шириной аршина полтора... Но далеко ли она?..

Слѣпой осторожно опустилъ внизъ палку и, коснувшись ею крыши, радостно прошепталъ:

— Почти рядомъ — аршинъ съ небольшимъ отъ окна, слѣдовательно, дѣло въ шляпѣ... Только необходимо принять нѣкоторыя предосторожности...

Шибуевъ обмоталъ конецъ палки казеннымъ носовымъ платкомъ, снялъ съ ногъ туфли и поставилъ ихъ въ уголокъ. Затѣмъ онъ снова внимательно прислушался. Кругомъ было тихо и только издалека доносился городской гулъ.

— Къ дѣлу! — ободрилъ себя слѣпой и осторожно началъ спускаться за окно. Ставъ ногами на желѣзную крышу, но все еще придерживаясь за подоконникъ, Шибуевъ пошарилъ палкой. — „Да, шутъ возьми, — со вздохомъ подумалъ юноша, — одинъ шагъ вправо и устроишь кувыркъ-коллегію...“

Его сердце усиленно билось, по тѣлу пробѣгала дрожь. Постоявъ съ минуту въ нерѣшительности и еще разъ прислушавшись, смѣльчакъ слѣпецъ началъ подвигаться влѣво, близъ стѣны, ощущывая палкой по всѣмъ направленіямъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, слѣпой остановился, чтобы перевести духъ. Потъ градомъ катился съ его возбужденнаго лица. Ноги под-

*) Продолженіе. См. „Дн. Писат.“ 1908 г., Май - Іюнь, стр. 31.

кашивались. Мысль, что онъ можетъ каждую минуту оступиться и полетѣть внизъ, мучила рассудокъ и наполняла сердце жуткимъ чувствомъ. Однако медлить было нельзя. Его могли замѣтить снизу, такъ какъ на немъ былъ лѣтній бѣлый халатъ. Кромѣ того гремѣвшая подъ ногами крыша могла привлечь къ себѣ вниманіе. Нужно было спѣшить. Слѣпой присѣлъ на четвереньки и, какъ кошка, вскарабкался на небольшое возвышеніе крыши.

— Когда же конецъ? — подумалъ путешественникъ, снова поднимаясь на ноги. Онъ зацѣпился рукой за открытую раму и радостно встрепенулся.

— Это, вѣроятно, и есть то окно, за которымъ сидитъ Снѣжковъ... Оно должно быть первымъ. И я, разумѣется, не могъ его пропустить, такъ какъ все время не отнималъ руки отъ стѣны... А вдругъ это окно второе по счету и принадлежитъ надзирателю?...

Слѣпого передернуло.

— Нѣтъ, это первое, — снова ободрилъ онъ себя, — я не могъ ошибиться... Однако, что мнѣ предпринять?... Э, будь, что будетъ!...

Шибуевъ притаилъ дыханіе и съ величайшей осторожностью просунулъ голову въ открытое окно. Онъ напряженно прислушался къ тишинѣ и волнующимся шопотомъ позвалъ:

— Снѣжковъ!

Отвѣта не было.

Юноша немного помедлилъ и снова повторилъ свой вопросъ. Послышался шорохъ, а затѣмъ кто-то несмѣло направился къ окну.

„Это онъ“, — рѣшили Шибуевъ и еще назвалъ товарища по имени.

— Кто? — раздался шопотъ изъ комнаты.

Шибуевъ влѣзъ на окно и назвалъ себя. Плѣнникъ удивился и не зналъ, что подумать. Но явившійся, не желая терять времени, дернулъ товарища за руку и шепнулъ ему, чтобы онъ вылѣзалъ въ окно. Тотъ повиновался и легко спустился изъ окна на крышу. Шибуевъ тѣмъ же шопотомъ приказалъ:

— Возьми туфли въ одну руку, а другой берись за конецъ моей палки и слѣдуй за мной, какъ можно ближе къ стѣнѣ...

И бѣглецы одинъ за другимъ поползли по опасной крышѣ, быстро подвигаясь впередъ. Они спѣшили, но не замѣчали этого. Точно какая-то посторонняя сила толкала ихъ впередъ, лишая возможности сознательно мыслить. Шумъ и трескъ жельзной крыши не беспокоили путешественниковъ, видимо забывшихъ всякую осторожность; на ихъ счастье сѣрая облака плотно обволокли небо, не пропуская луннаго свѣта.

— Стой! — скомандовалъ Шибуевъ и однимъ прыжкомъ очутился на подоконникѣ...

Спустя минуту, оба товарища уже находились на площадкѣ лѣстницы, торопливо надѣвая туфли. Только теперь они ясно поняли тотъ смертельный ужасъ, которому они подвергались.

Снѣжковъ даже затрепеталь отъ страха, представивъ себѣ ночное бѣгство по узкой, незнакомой крышѣ, съ которой не трудно было сорваться и слетѣть внизъ. До этой минуты они поступали, какъ автоматы, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета. Шибуевъ, хотя и дѣйствовалъ болѣе сознательно, но и ему все представлялось какъ бы во снѣ. Рѣшивъ освободить товарища, онъ не раздумываль о послѣдствіяхъ, а твердо и настойчиво пошелъ къ своей цѣли.

VI.

— Куда онъ запропастился? Ужъ не въ садъ ли удраль?—спросилъ товарищей Иванъ Ильичъ, поныхивая папирсой.

— На лѣстницѣ болтаеть, — небрежно бросилъ Горбуновъ, медленно шагая по темному коридору. — Шибуевъ на это мастеръ... И пускай!.. А намъ пора на боковую... Небойсь ужъ поздно...

— Первый часъ въ началѣ, — подсказаль Габаевъ. — Только врядъ ли сегодня заснемъ; кажется, Кузя, окончательно спятиль съ ума... Несеть окоlesiцу, ни на минуту не умолкая...

Въ это время отворилась наружная дверь и въ коридоръ кто-то вошелъ.

— Шибуевъ? — негромко спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Онъ самый и не одинъ, — весело отозвался вошедшій юноша.

— Ахъ, повѣса! — шутливо замѣтилъ старикъ, поднимаясь съ дивана. — Съ кѣмъ же ты? Ужъ не вѣдму ли поймаль на лѣстницѣ?

— Вотъ кого! — не безъ гордости заявилъ Шибуевъ, подталкивая впередъ Снѣжкова. — Осязайте и узнаете!

— А ну-ка я пошарю, — сказалъ Иванъ Ильичъ, протягивая впередъ руки. — Ба! кто-то изъ нашихъ, — воскликнулъ старикъ, нащупывая казенный халатъ. — Кто же сей человекъ?

— Эхъ, старина!.. Куда вамъ!.. Я такъ живо узнаю, — похвастался Горбуновъ и быстро ощупаль молчавшаго незнакомца. — Кто, рѣшить не берусь, — улыбаясь заявилъ онъ, — но кудри и ремень принадлежать Снѣжкову.

— Болтай вздоръ, — встрепенулся Иванъ Ильичъ и неожиданно для себя добавилъ: — Пожалуй, и такъ... Чѣмъ бѣсь не шутить!...

— Да, это я, — со вздохомъ промолвилъ Снѣжковъ.

И вдругъ всѣмъ стало ясно, что передъ ними стоитъ ихъ товарищъ, Снѣжковъ, но они недоумѣвали, какъ это случилось, и заговорили не сразу.

— Удивлены? — весело спросилъ Шибуевъ. — Вотъ какъ вашего брата угощаютъ!...

— Дѣйствительно разодолжилъ! — согласился Габаевъ.

Начались разпросы. Шибуевъ разсказаль вкратцѣ объ освобожденіи товарища, не находя въ своемъ поступкѣ ничего особеннаго, кромѣ одной только смѣлости.

— Ахъ, забубенная головушка! — восторженно воскликнулъ Иванъ Ильичъ, удивляясь отвагѣ юноши. — А главное отъ насъ тайкомъ ..

— Ой, батюшки! — разсмѣялся Шибуевъ. — Да развѣ можно вамъ сказать? Одинъ Габаевъ наговорилъ бы столько ужасовъ, что у меня, вѣроятно, закружилась бы голова и я, конечно, не рискнулъ бы полѣзть по страшной крышѣ, но теперь меня интересуеъ тотъ моментъ, когда надзиратель хватится своего узника... Воображаю его испугъ и бѣшенство... О, за это слѣдуетъ выпить!

И Шибуевъ шагнулъ къ ящику съ дровами, гдѣ находилась бутылка.

Когда водка была выпита, Снѣжковъ сѣлъ на диванъ и задумчиво проговорилъ:

— Ужъ больно погано!

— Вотъ те на!... — воскликнулъ Шибуевъ, находившійся въ хорошемъ расположеніи духа — Теперь ли распускать нюни!.. Одно уже то, что ты удралъ изъ-подъ носа надзирателя, должно веселить насъ... Стоитъ только представить себѣ ея фizioномію, когда онъ убѣдится въ исчезновеніи узника, и тогда мы прыснемъ со смѣха...

Шибуевъ дѣйствительно разразился неудержимымъ хохотомъ, уткнувшись лицомъ въ спину старика. Смѣялись и остальные, кромѣ Снѣжкова, который хмурился и молчалъ.

— Гадко! — снова бросилъ Снѣжковъ послѣ небольшой паузы.

Его рѣзкій тонъ показался товарищамъ новымъ. Они настожились.

— Я уже не говорю о томъ, что завтра, вѣроятно, меня снова запрутъ на замокъ, — продолжалъ Снѣжковъ. — Это меня не пугаетъ.. Докольно съ меня и трехъ сутокъ уединенія. За это короткое время я, такъ сказать, переродился и рѣшилъ, что моя нечеловѣческая жизнь не стоитъ тѣхъ волненій, которыми полна моя душа.

— Bravo! — съ какимъ-то азартомъ воскликнулъ Горбуновъ. — Я также убѣжденъ, что мое существованіе не стоитъ и сотой доли того, что мнѣ приходится испытывать...

— Эхъ, ребята! — со вздохомъ промолвилъ Иванъ Ильичъ. — Не мнѣ бы, старику, возражать вамъ! Но что же дѣлать, спрошу я васъ? Гдѣ больше жизни: въ бушующемъ кипучемъ морѣ или въ покрытомъ плѣсенью пруду?

Но старику никто не отвѣтилъ, такъ какъ въ это время въ глубинѣ помѣщенія раздался пронзительный крикъ. Всѣ разомъ притихли и засторожились. Крикъ снова повторился и долго висѣлъ въ воздухѣ. Слѣпцы поспѣшили въ комнаты.

— Святой Лукьянъ! Святой Лукьянъ! — громко раздавалось въ ночной тишинѣ.

Проснувшіеся призрѣваемые зашумѣли, задвигались. Когда немного видѣвшій Габаевъ первымъ вошелъ въ свою палату, онъ едва не споткнулся на кучку барахтавшихся людей. Это

купецъ Салкинъ сидѣлъ верхомъ на Кузѣ и дубасилъ его кулакомъ, злобно приговаривая:

— Вотъ тебѣ, святоша!.. вотъ тебѣ, юродивый!

— Что вы дѣлаете?— закричалъ Габаевъ, схвативши купца за руки.

— Дьяволь!— вспылилъ Шибуевъ, стаскивая Салкина съ Кузи.— Какъ ты смѣешь драться?

— За что вы его?— взмолился прибѣжавшій на крикъ Лукьянъ.— Вѣдь у него затменіе...

— Молчи, Епишка проклятый!— огрызнулся купецъ, нащупывая свою кровать.— Испортилъ дурака, а теперь юлишь, ханжа негодная. Онъ спать не даетъ, а ему спускай!..

Кузю усадили на кровать, но онъ куда-то рвался и неистово выкрикивалъ:

— Святой Лукьянъ! Святой Лукьянъ!

— Что ты, голубчикъ?— ласково отозвался Лукьянъ, подходя къ Кузѣ.— Сотвори молитву.

— Ты кто?— торжественно спросилъ сумасшедшій, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

— Я, Кузя, я, голубчикъ...— отвѣчалъ Лукьянъ.

— Святой Лукьянъ?— недовѣрчиво переспросилъ Кузя, не переставая закрепивать вокругъ себя.

— Да,— подтвердилъ старикъ, рѣшивъ, что его ученикъ окончательно свихнулся.

— Садись,— дружески пригласилъ сумасшедшій и таинственно зашепталъ:

— Я сейчасъ поборолю самого сатану. Ангелъ мнѣ сказалъ, что я много поборолю враговъ...

Вдругъ онъ насторожился и торопливо забормоталъ:

— Вотъ они, нечистые духи!.. Эва, сколько ихъ и всѣ они кувыркаются. Глаза зеленые... языки красные... Страшно!..

Кузя затрепеталъ и, теребя Лукьяна за рукавъ, умоляюще завопилъ:

— Читай скорѣй молитвы!.. Приступактъ!..

Онъ пятился назадъ, открещиваясь отъ кого-то... Его возбужденное лицо, побѣлѣвшее отъ страха, нервно вздрагивало... Единственный слѣпой глазъ, какъ бы испугавшись чего-то, быстро вращался въ орбитѣ, не будучи въ силахъ остановиться...

Стоявшіе у входа въ палату прирѣваемые съ любопытствомъ прислушивались къ происходившему и бросали свои замѣчанія.

— Совсѣмъ спятилъ,— замѣтилъ кто-то.

— Не спятилъ, а нечистая сила вселилась,— возразилъ другой,— слышишь, про нее толкуеть.

— А все Лукьянъ, старый Епишка,— замѣтилъ третій.

— Вѣстимо онъ,— вмѣшался купецъ.— Ему, заживъ, нужно ребра пощупать!

— Удержи языкъ,— прошипѣлъ Лукьянъ, сдерживая негодование.

— Что?—огрызнулся купецъ и, стукнувъ палкой о полъ, зычно добавилъ:—Я тебя, еретикъ!

— Какъ ты смѣешь, дрянъ!—вскипѣлъ Лукьянъ, подбѣгая къ Салкину;—я не еретикъ, а православный христіанинъ!..

— Анчутка ты, а не православный!—кричалъ купецъ, обернувшись лицомъ къ противнику.—Гдѣ ты, ханжа поганая? Становись нога въ ногу... я изъ тебя кишки выдавлю...

Онъ угрожающе размахивалъ огромными кулаками, выставивъ впередъ ногу.

— Мазурикъ! Обжора!—отругивался Лукьянъ, трусливо отступая назадъ.

— Приступаютъ!.. Да воскреснетъ Богъ!—надрывался Кузя, очевидно, принимая всю эту кутерьму за бѣсовекой гвалтъ.

— Перестаньте!—вмѣшалась няня, обращаясь къ расходившимся слѣпцамъ,—я надзирателя позову!..

Стояшіе у входа призрѣваемые поспѣшили убраться въ свои палаты. Кузя продолжалъ отрециваться отъ нечистой силы, громко бормоча какія-то заклинанія. Отъ всего этого кружилась голова. Когда безобразная ругань прекратилась, молодежь попросила няню пригласить надзирателя, но та отказалась наотрѣвъ, заявивъ, что ей не приказано беспокоить начальство.

— Конечно, надзирателя беспокоить нельзя,—пронически замѣтилъ Горбуновъ.—Ему вѣдь ни жарко, ни холодно, если сумасшедшій оглушить кого-нибудь, только бы его не потревожили...

— Да,—задумчиво протянулъ Иванъ Ильичъ, присаживаясь на свою кровать,—хотя и не ново, но дуже гадко!..

Всю эту ночь слѣпцы провели безъ сна, напряженно прислушиваясь къ крикамъ сумасшедшаго, который находился въ крайне возбужденномъ состояніи. Были минуты, когда онъ намѣревался выброститься въ окно въ погонѣ за нечистой силой. Но когда его прикручивали къ кровати, онъ плевался и кричалъ во все горло, призывая на помощь святого Лукьяна... То вдругъ къ несчастному подступала волна неудержимой веселости, и онъ, подпрыгивая на кровати, громко смѣялся, какъ разыгравшійся ребенокъ... И такъ протянулось время до самаго утра...

VII.

Когда служанки готовляли утренній чай, въ помѣщеніе слѣпыхъ, какъ угорѣлый, вбѣжалъ надзиратель и коротко спросилъ:

— Снѣжкова нѣтъ?

Служанки недоумѣвающе поглядѣли на начальника и обѣ въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Вѣдь онъ въ карцерѣ!

— Молчать!—закричалъ надзиратель, топнувъ ногой.—Я васъ спрашиваю: слѣпой Снѣжковъ здѣсь?

Женщины испуганно отступили назадъ. Одна даже уронила

изъ рукъ глиняную кружку, которая разбилась въ мелкіе кусочки.
— Дуры!—раздражительно бросилъ надзиратель и быстро направился въ угольную палату. Но черезъ минуту онъ уже снова кричалъ:

— Нянька! Сидѣлка!

Толстая служанка Марья бросилась со всѣхъ ногъ на зовъ начальника, гремя находившимся у нея въ рукахъ чайникомъ.
— Это кто?—обратился къ ней надзиратель, показывая на стоявшаго у своей кровати Снѣжкова.

Марья стояла блѣдная и растерянная. Она рѣшительно не понимала, какимъ образомъ Снѣжковъ очутился въ палатѣ.

— Хитришь, чертова кукла!—набросился на нее надзиратель, злобно сверкая глазами.—Погоди же!...

Онъ сдѣлалъ угрожающій жестъ въ сторону служанки и, обращаясь къ Снѣжкову, строго спросилъ:

— Кто тебя выпустилъ изъ карцера? сидѣлка?

Но Снѣжковъ угрюмо молчалъ, слегка наклонивъ кудрявую голову.

— Полагаю, ты не блоха,—продолжалъ возбужденно надзиратель,—слѣдовательно, въ шелку не могъ пролѣзть?

— Не сидѣлка, а я освободилъ Снѣжкова,—твердо заявилъ Шибуевъ, спуская ноги съ кровати, на которой онъ спалъ, и отыскивая ими стоявшія на полу туфли.

Надзиратель устремилъ на Шибуева удивленные глаза и съ явнымъ сомнѣніемъ въ голосъ спросилъ:

— Ты?

— Да, я,—подтвердилъ Шибуевъ, уже успѣвшій накинуть на плечи казенный халатъ.—Я тайкомъ прокрался по крышѣ и помогъ Снѣжкову вылѣзти въ окно.

— По крышѣ?—удивленно воскликнулъ надзиратель,—по такой узкой и ночью! И какъ вы не сломали себѣ шеи!... Впрочемъ не то. Какъ ты смѣлъ?

И надзиратель набросился на Шибуева. Онъ называлъ его безстрашнымъ слѣпымъ дьяволомъ, не признающимъ начальства и нравственные законы, посулилъ ему цѣлую гору угрозъ и всевозможныхъ каръ... И, наконецъ, ставъ въ трагическую позу, визгливо выкрикнулъ:

— Этакъ вѣдь и меня украдутъ въ окно... Мало ли на что способны эти слѣпые пройдохи!...

— Изыде, сатана! Провались сквозь землю!...—неистово закричалъ Кузя, размахивая кулаками въ сторону надзирателя.

Тотъ на мгновенье замолкъ, какъ бы пораженный. А затѣмъ, поблѣднѣвъ отъ злости, угрожающе прохрипѣлъ:

— Ладно же! Я вамъ покажу, какъ глумиться надъ начальствомъ.

И онъ, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ палаты.

— Исчезъ!—торжествующе прошепталъ Кузя и широко перекрестился.

Шибуевъ раскатился неудержимымъ хохотомъ и упалъ на

кровать. Онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и громко выкрикивалъ:

— Ой, батюшки!... Я умру отъ смѣха!.. Вѣдь надзиратель въ полной увѣренности, что Кузя сдѣлалъ это сознательно, а не какъ сумасшедшій.

— Такъ ему и надо! — сердито пробурчалъ Горбуновъ, вылѣзая изъ-подъ одѣяла. — Я только задремалъ, а онъ тутъ и есть, окаянный.

— Кузя, братъ, молодець! — весело замѣтилъ Иванъ Ильичъ, — за всѣхъ отомстилъ. Воображаю положеніе надзирателя!

— Плеснули скипидарцу, нечего сказать! — вмѣшался купецъ, по обыкновенію копясь въ своемъ столикѣ. — Теперь, чай, бѣдняга, мѣста себѣ не найдетъ!...

Онъ тихонько захихикалъ.

Утренній чай прошелъ шумно и весело. Много и дружно смѣялись надъ тѣмъ, какъ сумасшедшій Кузя, принявъ надзирателя за нечистую силу, кричалъ на него съ поднятыми кулаками и какъ тотъ, не понявъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, готовъ былъ лопнуть отъ злости... Затѣмъ перешли къ Шибуеву. Одни восхваляли его отважный поступокъ, другіе порицали. Не обошлось и безъ ссоры. Но когда Шибуеву и Снѣжкову вручены были паспорта, призрѣваемые замолкли и опечалились. Всѣ вдругъ почувствовали гнетущую безпомощность и втайнѣ проклинали начальство. Неугомонный Иванъ Ильичъ разразился потокомъ негодованія и предлагалъ подать жалобу губернатору, подъ вѣдѣніемъ котораго находилось ихъ учрежденіе. Горбуновъ на это возразилъ насмѣшливо, что дорога къ губернатору уже и опаснѣе той крыши, по которой Шибуевъ совершилъ путешествіе въ карцеръ и обратно. Но разсуждать пришлось не долго, такъ какъ надзиратель уже нѣсколько разъ заявлялъ о немедленномъ удаленіи изъ богадѣльни исключенныхъ слѣпыхъ. Снѣжковъ взялъ лежавшую на столѣ скрипку, завернутую въ черной коленкоръ, и молча простился съ товарищами. Вообще онъ былъ угрюмъ и молчаливъ. Зато Шибуевъ выглядывалъ совершенно инымъ. Онъ называлъ свой выходъ изъ богадѣльни возрожденіемъ къ новой жизни и увѣрялъ товарищей, что онъ безъ сожалѣнія покидаетъ казенныя стѣны, гдѣ личность сведена къ нулю; онъ молодъ и силенъ и его тянетъ къ самостоятельности. По его мнѣнію все даровое, въ чемъ бы оно ни заключалось, убиваетъ въ человѣкѣ инициативу и притупляетъ сознание собственнаго я.

— Побарахтаемся! — уже весело закончилъ Шибуевъ, пожимая друзьямъ руки. — Скрипка Снѣжкова и мой бась дадутъ намъ возможность заткнуть глотки нашимъ желудкамъ.

Они ушли...

Слова Шибуева звучали бодро и весело, но тѣмъ не менѣе уходъ товарищей произвелъ удручающее впечатлѣніе. Иванъ Ильичъ бросился на кровать и пролежалъ на ней до вечера. Горбуновъ убѣжалъ въ садъ и закружился по дорожкамъ, чувствуя непреодолимое желаніе ругаться. Габаеву тоже было не

по себѣ: обычная философія, которая, по его мнѣнію, придавала мыслямъ и чувствамъ эфирную легкость, на этотъ разъ не могла ему. Уже слишкомъ мрачнымъ рисовалось будущее ушедшихъ товарищей, одѣтыхъ легко и безъ гроша въ карманѣ, а главное совершенно слѣпыхъ и не имѣвшихъ ни одного знакомаго человѣка, у котораго бы можно было имъ переночевать.

Всеволодъ Рязанцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Блѣдный ликъ съ померкшимъ взоромъ,
Плотно сжатая уста...
Самовольнымъ приговоромъ
Жизнь на вѣки отнята!

Кто принесъ душѣ ненастье?
Поселилъ въ ней ночи мракъ?
Кто, какъ другъ, суля ей счастье,
Далъ страданье, словно врагъ?

Распустились змѣи-кóсы,
Рана кровію сочить...
На печальные вопросы
Отстрадавшая молчить.

Повѣсть кончена земная,—
Поздно слать укоръ судьбѣ...
Миръ тебѣ, душа больная,
Изнемогшая въ борьбѣ!

А. Кругловъ.

БЕЗЪ ОТВѢТА.

Миніатюра.

(Посв. О. В. Нондаковой.)

Она лежала въ гробу съ застывшей неопредѣленной улыбкой на устахъ. Ея блѣдное лицо, обрамленное темными волосами, было очень красиво.

— Она выстрѣлила себѣ прямо въ сердце,—произнесъ вблизи меня чей-то голосъ.

„Зачѣмъ? Почему?“ явилось у меня недоумѣніе. Такъ хотѣлось проникнуть въ причины ея смерти и найти отвѣтъ на возникшіе вопросы.

— Этотъ офицеръ—ея женихъ,—произнесъ тотъ же голосъ;—невѣста покончила съ собой наканунѣ свадьбы.

Красивый молодой артиллеристъ напряженно всматривался въ лицо юной самоубійцы, бессильный разрѣшить поставленную ему жизнью загадку... Мучительно страдая, онъ подавлялъ тяжелые вздохи, волновавшіе его грудь.

Что привело дѣвушку къ роковому рѣшенію? Какую сложную душевную драму переживало ея юное сердце, жаждавшее любви и счастья? За что она совершила надъ собою ужасную казнь?

Дама, стоявшая въ церкви впереди меня, сказала своей сосѣдкѣ:

— А знаете, можетъ-быть, тутъ было...

И, склонившись къ уху знакомой, она быстро зашептала ей что-то злорадное и гнусное, оскорблявшее чистое имя покойной темными и жесткими подозрѣніями.

Сначала ея слова покоробили сосѣдку, которая сдѣлала протестующій жестъ.

Но клевета вползла въ уши, какъ змѣя, обвивая жертву все новыми и новыми кольцами.

Ядъ возымѣлъ свое дѣйствіе.

Слушавшая вздохнула и промолвила:

— Чего не бываетъ на свѣтѣ... Можетъ статься, что она не захотѣла открыться жениху и предпочла смерть.

Возмуцало такое злоязычїе около гроба... Становилось тяжело и больно за чужого человѣка и являлось желаніе вырвать у шипѣвшей змѣи ея смертоносное жало.

Отпѣваніе близилось къ концу. Храмъ наполняли торжественные и трогательные звуки несравненныхъ заукокойныхъ мелодій.

Для родныхъ и близкихъ наступала тягостная минута разлуки.

— Со святыми упокой!..

Церковные своды огласились безумными рыданіями.. Колѣни подкашивались сами собою...

При „последнемъ лобзаніи“ мать невѣсты упала въ обморокъ, а жениха едва оторвали отъ дорогого праха...

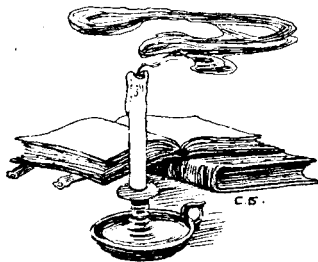
Но вотъ гробъ подняли и понесли.

Чудное юное лицо съ неземнымъ выраженіемъ, масса цвѣтовъ, въ которыхъ утопалъ гробъ, дѣлали погребальную процессію похожей на какое-то фантастическое шествіе самой царицы весны... Очарованіе нарушали только горестныя рыданія близкихъ...

Моросилъ мелкій осенній дождь. Мелодично и грустно перекликались колокола.

Противорѣчїя въ обстановкѣ такъ сильно подчеркивали противорѣчїя человѣческой души...

В. Ивановъ-Енотаевскій.

Пережитое.

(Житейскія и литературныя воспоминанія.)

VIII *).

Осипова я зналъ давно. Познакомился я съ нимъ случайно: въ домѣ его отца нанимала квартиру моя замужняя (младшая) сестра. Какъ-то придя къ ней и не заставъ никого дома, я присѣлъ на лавочку на крыльцѣ. Ко мнѣ подошелъ красивый юноша и предложилъ играть въ мячъ. Это и былъ Виталій Осиповъ. Я тогда учился во 2-мъ классѣ гимназіи; Осиповъ былъ старше меня на два-три года. Послѣ этой встрѣчи я сталъ заходить къ Осипову и мы играли въ мячъ, ходили вмѣстѣ на гимнастику—за городъ, въ архангельскія казармы,—ѣздили ловить рыбу въ Прилуки... Разговоры наши были самые обыкновенные. Одно время Осиповъ помогалъ мнѣ, въ качествѣ добровольнаго репетитора, по математикѣ, причемъ часто самъ не могъ рѣшить задачи и, краснѣя, говорилъ:

— Я потомъ... соображу!

Съ переѣздомъ сестры на новую квартиру, я сталъ къ Осипову ходить рѣже, а тутъ и совсѣмъ прервались наши отношенія.

И вотъ разъ, спустя года три, я встрѣтился съ Осиповымъ на бульварѣ. Мы поздоровались.

— Что же вы перестали ходить ко мнѣ?—спросилъ Осиповъ.

И сейчасъ же познакомилъ меня съ нѣкимъ Ивановымъ, который говорилъ безумолку и либеральничалъ на пропалую.

— Зайду,—сказалъ я.

— Заходите!.. Конечно, не въ мячъ играть!—добавилъ съ улыбкой Осиповъ.

— А вы читаете что-нибудь?—спросилъ Ивановъ.

— Да, я записался въ библіотеку.

— И что же читаете?

*) См. „Дневн. Писателя“, 1908, Май—Юнь, стр. 56.

Я сказалъ.

— Фи, какъ глупо!

— Отчего?

— Ну, что такое Пушкинъ?

— Великій поэтъ!

— Кто вамъ это сказалъ? И вообще, что такое поэзія? Чепуха! Надо читать серьезныя книги.

Осиповъ держался скромно. Онъ былъ даже немножко застѣнчивъ, но говорилъ вѣско и голосомъ, который проникалъ прямо въ душу.

Осиповъ поддержалъ товарища и посовѣтовалъ мнѣ прочесть романъ Тургенева „Отцы и дѣти“, затѣмъ критику на этотъ романъ Писарева.

Ивановъ скоро ушелъ, а мы съ Осиповымъ отправились гулять на сполье, за Петербургскую заставу. Осиповъ говорилъ мнѣ о Писаревѣ, о борьбѣ между старымъ и новымъ поколѣніями, о задачѣ „мыслящихъ реалистовъ“ и т. д. въ этомъ духѣ. Его рѣчи произвели на меня сильное впечатлѣніе.

— Да, да, —сказалъ онъ, прощаясь, —бросьте Пушкина и всю эту стихотворную чепуху.

— Люблю стихи!—воскликнулъ я.

— И сами пишете, можетъ-быть?—съ улыбкой спросилъ Осиповъ.

Я поколебался и отвѣтилъ:

— Да, пишу!

— Вотъ какъ! Ну что же... тогда читайте хотя Некрасова... Но главнымъ образомъ серьезное: Бокля, Льюиса, Молешота, Писарева, Чернышевскаго, Добролюбова... Это—борцы, мыслители!.. Приходите... будемъ вмѣстѣ читать и обсуждать!

Я взялъ романъ Тургенева и „проглотилъ“ его. Потомъ я досталъ Писарева и, запершись въ своей комнаткѣ, дважды прочелъ статью. Домашнимъ я ничего не сказалъ, скрывъ все и отъ Куклина.

Я началъ чуть ли не ежедневно посѣщать Осипова и познакомился съ другими „писаревцами“, какъ они себя называли.

Такъ прошло мѣсяца два.

Пушкинъ заброшенъ. „Желѣзная дорога“ Некрасова выучена наизусть. Моей любимой фразой стала: „мы—мыслящіе реалисты“. Я началъ проглатывать книжки „Русскаго Слова“, „Современника“ и прочелъ: „Что дѣлать“ Чернышевскаго, Милля, „Этюды“ Бибикова, сочиненія Добролюбова... Сближаясь съ Осиповымъ, я сталъ отдаляться отъ Куклина, которому я во всемъ признался и вступилъ съ нимъ въ споръ...

— Совсѣмъ тебѣ не слѣдуетъ читать Добролюбова и Чернышевскаго, —сказалъ Куклинъ.

— Почему?

— Да ты не поймешь ихъ!

— А ты самъ-то понимаешь ли? Впрочемъ, ты за „отцовъ“, вѣроятно!

— Я за то, чтобы учиться, а не хватать верхи!—сказаль Куклинъ...—Ты читай классиковъ и Бѣлинскаго, если хочешь... А Добролюбовъ и не критикъ вовсе.

— Кто же онъ?

— Публицистъ!

— Великій умъ!

— Ну, пусть! Но тѣмъ-то онъ и опасенъ. Онъ тебя всего забереть, и ты сдѣлаешься его подголоскомъ. Что за охота! Ты учишь, читай лучшихъ писателей и, когда будешь въ состояніи критически отнестись къ мнѣніямъ Добролюбова, тогда его и читай.

— А Писаревъ! Онъ кто по твоему?

— Онъ? Да талантливый... вѣрво... Но... его умъ незрѣлый... и односторонній онъ. Всѣ они хотятъ „фабриковать“ изъ юношей борцовъ... А я этой фабрикаціи не сочувствую...

— Вся мыслящая Россія...

— Перестань! —остановилъ меня Куклинъ;—ну, какая вы съ Осиповымъ и К^о мыслящая Россія!

— Мы мыслящіе реалисты.

— Мыслящіе реалисты! Какъ же!..

— А кто же? Ну?

— Не обидишься?

— Говори!

— Панургово стадо... До Базарова-то вамъ еще куда далеко!

— А Рахметовъ?

— Брось! Не хочу слушать!

Я началъ отдаляться отъ Куклина. Въ это время мы жили на другой квартирѣ, а не въ домѣ его брата.

Стихи я продолжалъ писать, но уже въ духѣ Некрасова и показывалъ ихъ не Куклину, а Осипову. Онъ одобрялъ, но замѣчалъ всегда:

— А все же стихи... вздоръ!

Онъ вообще не любилъ „поэзіи“, кромѣ „обличительной“, которую признавалъ, какъ полезное оружіе въ борьбѣ съ отжившими „отцами“. Я находился подъ сильнымъ вліяніемъ Осипова, перешелъ въ „иную вѣру“, по мѣткому выраженію Куклина, но... не могъ согласиться съ „учителемъ“ относительно поэзіи и отстаивалъ ее всѣми силами. Я затосковалъ о Пушкинѣ и снова перечитывалъ его. И вотъ однажды я „совершилъ ужасное преступленіе“, по мнѣнію Осипова. Я сказалъ:

— Писаревъ во многомъ правъ, но Пушкина онъ не понялъ. И Бѣлинскій вѣрнѣе говоритъ о немъ!

Осиповъ впервые разгорячился, даже разсердился на меня. Мы не разошлись, но съ этого дня Осиповъ поэзію оставилъ въ покоѣ. Какъ-то онъ сказалъ при Ивановѣ, указывая на меня:

— Не надо трогать при немъ поэтовъ... особенно глинянаго божка Пушкина... Онъ однопунктно помѣшанъ: во всѣхъ статьяхъ здравомыслящъ, а коснется дѣло поэзіи,—и невмѣняемъ!

Я не обидѣлся и засмѣялся.

Вскорѣ послѣ этого я сказала Куклину:

— Знаешь, Пушкинъ великій поэтъ! Писаревъ ошибается!

— Слава Богу! кажется, выздоравливать начинаешь!—промолвилъ Михайла Михайловичъ.—Пора!..

— Да, но въ остальномъ Писаревъ правъ.

Куклинъ началъ чаще заходить ко мнѣ, мы снова говорили съ нимъ о поэзии и я опять сталъ ему показывать свои стихи.

Но съ „писаревцами“ я не разрывалъ связи.

Я часто ходилъ къ Осипову, мы вмѣстѣ читали, разсуждали, приче́мъ Виталий Степановичъ старался убить во мнѣ всѣ „вредные предразсудки“.

Въ это время семинаристы издавали рукописный журналъ. „Писаревцы“ тоже рѣшили издавать журналъ. Говорятъ, что еще ранѣе мысль о журналѣ возникла у гимназистовъ, но не встрѣтила сочувствія среди начальства.

— Какой журналъ? Зачѣмъ?—спросилъ инспекторъ.

— Для саморазвитія, для выработки хорошей литературной формы.

— Дурь! Надо учиться! Саморазвитіе! Болваны!

Такъ и угасла мысль объ изданіи журнала на легальной почвѣ. Журналъ у „писаревцевъ“ возникъ, конечно, въ „подпольѣ“, тайкомъ отъ инспектора. Во главѣ встали Осиповъ и Лермонтовъ. Сначала журналъ велся тайно отъ насъ, „новыхъ“ членовъ кружка, но потомъ и насъ привлекли къ сотрудничеству. Меня занимала таинственность, съ которой велось изданіе, само по себѣ довольно безобидное, ибо не шло далѣе проповѣди, раздававшейся со страницъ „Дѣла“ и „Отеч. Записокъ“. Еженедѣльно по субботамъ происходили сходки, на которыя мы собирались, словно заговорщики, не открывая правды роднымъ и таясь отъ товарищей, не принадлежавшихъ къ кружку. Мы мнили себя „молодой силой“, которая радикально измѣнитъ жизнь общества и поведетъ страну по пути прогресса. Мы выработали программу жпзни, приче́мъ на первомъ планѣ стояло: „высоко-нравственная жизнь каждаго“. На сходкахъ читались и статьи, предназначенныя для журнала, который назывался „Тѣсный Кружокъ“. Много было наивнаго, дѣтскаго въ разсужденіяхъ и писаніяхъ, но все было чисто, свѣтло и такъ далеко отъ того, что дѣлается и говорится нынѣ! Мы не только не знали кутежей, картъ, но пришли бы въ ужасъ, если бы кто-либо изъ „нашихъ“ былъ уличенъ въ „подобныхъ дѣяніяхъ“. Мы высоко ставили женщину-гражданку, горѣли беззавѣтною любовію къ народу, но у насъ и въ мысляхъ не было призывать его къ насилію. Мы рвались его просвѣщать и этому дѣлу готовы были отдать наши силы, нашу жизнь. Мы настолько были далеки отъ всякаго „веселья“, что даже получили кличку: „монахи писаревскаго толка“. И дѣйствительно, мы были чисты сердцемъ, настроены возвышенно и не подражали „кирсановцамъ“, какъ прозвали въ свою очередь мы тѣхъ прожигателей жизни, которые въ 16—17 лѣтъ уже участвовали въ различныхъ оргіяхъ. Намъ претила всякая грязь, всякая фальшь, и мы, какъ овцы,

готовы были итти на закланіе, чуждые всякой волчьей злобы и жестокости. Мы отрицали многое, но это была *дѣтская дерзость*, которая, правда, причиняла не мало боли нашимъ „отцамъ“, но не была наглостью, переходящею въ кощунство и глумленіе надъ святыней. Мы не хотѣли ничему вѣрить, а хотѣли все изслѣдовать, признавать лишь фактъ, *одно знаніе*. Это скорѣе всего было благоговѣніе ничего незнающихъ учениковъ предъ наукой и ея великими свѣтилами. Мы преклонялись предъ *свѣтомъ* и лишь еще не понимали, что свѣтъ не только въ наукѣ, что не все можно познать умомъ, что у сердца, у чувства есть свое *знаніе*, и потому кромѣ научнаго знанія есть еще другое—болѣе глубокое. Мы не понимали, что есть свѣточи, озаряющіе міръ еще сильнѣе и ярче, чѣмъ свѣточи науки... Мы хотѣли просвѣщать народъ, еще узко понимая самое просвѣщеніе, т.-е. имѣя о немъ ложное представленіе. Мы были *дѣтти*, увлекающіяся, самомящія и невольно отъ этого дерзкія, но чистыя и глубоко любящія трудъ и родину.

Правда, въ послѣдствіи нѣкоторые „монахи писаревского толка“ отказались отъ первоначальной программы (нравственное самосовершенствованіе и постепенное преобразование жизни) и вступили на чисто политическую почву, но это произошло „потомъ“ и уже внѣ роднаго угла. Тогда же всѣ держались одной программы: личное самосовершенствованіе и просвѣщеніе народа (для чего рѣшено итти въ сельскіе учителя и выносить всякую нужду). Принявшихъ потомъ „новую программу“ было не много. Я былъ одинъ изъ тѣхъ, которымъ нравилась задача мирнаго труда на нивѣ народнаго просвѣщенія, увлекало „отреченіе до подвига“, но которымъ совѣмъ были не по сердцу политическая арена и политическая агитація. Это поняли „немногіе“, присоединившіеся къ новому стягу, и между нами и ими образовалась глубокая пропасть. На нашей сторонѣ остался Осиповъ (сильно поправѣвшій, выражаясь языкомъ настоящаго времени); къ людямъ „новой программы“ примкнулъ Лермонтовъ.

Я былъ воспитанъ въ религіозномъ духѣ и по натурѣ былъ всегда немного мистикъ. Меня съ дѣтства увлекало все чудесное, и потому моя душа не могла всецѣло съ сочувствіемъ откликнуться на разрушеніе „предразсудковъ“, какъ выражался Осиповъ. Впечатлительный и увлекающійся, я сразу какъ бы поддавался проповѣди Осипова и многое „отринулъ“. Но это не было тѣмъ отрицаніемъ, которое все вырываетъ съ корнемъ... „Старое“ осталось во мнѣ и жило, покрытое наноснымъ ученіемъ. Такъ ручей подъ покровомъ снѣга только кажется сверху замерзшимъ. При первыхъ лучахъ солнца началось таяніе—и ручей вновь за журчалъ... Состоя въ кружкѣ „монаховъ писаревского толка“ и поклоняясь „учителямъ“ свободной мысли, я тосковалъ по „отринутому“ и меня уже тянуло и въ храмъ, и къ чтенію Великой Книги. Я сначала боролся съ пробудившимся желаніемъ, но оно все росло и крѣпло, и я началъ ходить въ церковь, молиться, читать Евангеліе. Я не вернулся только къ постамъ, потому что врачъ, ввиду моей физи-

ческой слабости, нашель постную пищу для меня вредною. Это огорчало мать и няню, но онѣ покорились врачу, жалѣя меня. Теперь-то я вижу, что и врачъ былъ не правъ: постная пища, чередуемая съ мясной, всегда только полезна, а въ извѣстные годы растительная пища несомнѣнно полезнѣе мясной.

Вернувшись къ „отринутому“, я вдругъ почувствовалъ облегченіе: у меня кончилась та раздвоенность, которая невольно меня мучила, хотя я и не сознавалъ сразу, что именно меня терзаетъ, и отважно „отрицалъ“, встрѣчая неодобренія няни и упрёки матушки.

— Погоди, накажетъ тебя Богъ!—грозила няня.

Матушка останавливала ее:

— Ну, что ты! Развѣ Богъ мститъ!.. то, что ты называешь наказаніемъ, только благостное вразумленіе... И я увѣрена, что Богъ вразумитъ его..

Большое вліяніе, въ смыслѣ „выздоровленія“, какъ выражался Куклинъ, имѣли на меня слова простого монаха, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать въ одну изъ прогулокъ въ Прилуцкій монастырь. Старикъ такъ просто и любовно подошелъ къ моему сердцу, что оно „по прежнему“ затрепетало. Монахъ ничѣмъ не грозилъ. Но онъ такъ говорилъ о Христѣ, о первыхъ христіанахъ, что воскресли въ памяти всѣ бесѣды мамы о томъ же самомъ, такъ затосковала о потерянномъ душа и такое сильное раскаяніе пробудилось въ ней, что я на другой же день пошелъ въ соборъ и.. горячо молился за обѣдней. Надо замѣтить, что и во дни отрицанія я не могъ безъ волненія слышать благовѣста и оставаться дома въ пасхальную заутреню... Хорошій фундаментъ вѣры заложенъ былъ матерью въ моей дѣтской душѣ. И оттого-то отъ первыхъ лучей солнышка (отъ словъ монаха) растаялъ некрѣпкій ледъ и „ручей зажурчалъ снова“. Когда я опять началъ ходить въ церковь и читать Евангеніе, матушка ожила и со слезами говорила:

— Слава Богу, хоть въ этомъ-то ты... опять прежній!

Да, *совѣсть прежнимъ* я не могъ быть, осталось много такого, въ чемъ мы съ матерью круто расходились и по поводу чего спорили. Это тоже огорчало ее, но она радовалась тому, что „въ главномъ-то—мы помирились“.

Ее еще болѣе успокоили слова стараго профессора:

— Э, голубушка, Раиса Александровна, это ничего... это... корь духовная... пройдетъ все.. Если сердце вѣрить и любить... остальное не опасно... Надо только, чтобы... въ эти годы... не погибъ юноша... а тамъ все пойдетъ хорошо..

— Спаси, Господи!—шептала матушка.

И ея молитва была услышана: отъ гибели Богъ спасъ. Не миновалъ я пути грѣха, но не погибъ!..

Осиповъ скоро замѣтилъ мое „выздоровленіе“.

— Ты это что: не только поэзію, а и „мистику“ защищать хочешь?

Мы заспорили.

— Впрочемъ, это вопросъ твоей совѣсти, — сказалъ онъ; — пока дѣлу не мѣшаетъ, это ничего... Но я *вѣрить не могу!*

— Это твое дѣло! Но развѣ *это* должно насъ разъединять въ работѣ?

— Конечно, нѣтъ, потому что я не отрицаю праведности тамъ, гдѣ тебѣ видится божество.

На томъ мы и покоńczyли, оставивъ навсегда споры о „поэзїи и мистицизмѣ“. Несомнѣнно, что годъ тому назадъ нашъ споръ такъ бы не кончился. За годъ Осиповъ созрѣлъ и на многое сталъ смотрѣть шире, чѣмъ смотрѣлъ ранѣе.

Между тѣмъ составъ кружка видоизмѣнился. Кончившіе гимназію уѣхали изъ Вологды. Уѣхалъ и Лермонтовъ. Журналъ всецѣло перешелъ къ намъ — болѣе юнымъ членамъ кружка, — и вскорѣ мнѣ пришлось встать во главѣ журнала. Я не только редактировалъ, но и переписывалъ собственноручно весь номеръ въ двухъ экземплярахъ. Это отнимало столько времени, что я запустилъ уроки и „зазимовалъ“ на 2-й годъ въ классѣ.

IX.

Я много писалъ для „Тѣснаго Кружка“, поставляя стихи, рассказы и критическія статьи. Критическій этюдъ о Державинѣ, довольно рѣзкій и едва ли справедливый, мнѣ очень удался по формѣ и онъ понравился даже Куклину.

— Не согласенъ я... а написано сильно... ярко... въ писаревскомъ духѣ!

Я, конечно, ликовалъ. Но я еще болѣе ликовалъ, когда мои стихи „Женщинѣ-гражданкѣ“ понравились даже Осипову — этому отрицателю поэзїи. Куклину эти стихи напротивъ совсѣмъ не понравились, и онъ сказалъ:

— Хлестко, но вѣдь это одинъ наборъ словъ! Гдѣ же поэзія?

Съ переходомъ журнала подъ мою редакцію, онъ былъ переименованъ изъ „Тѣснаго Кружка“ въ „Нашу Мысль“. Въ это время возникла полемика между нашимъ журналомъ и другимъ, издававшимся семинаристами. Я написалъ „Полемическія красоты семинарской камчатки“. Въ статьѣ было выраженіе: „невольники герменевтики“. Въ отвѣтѣ мнѣ нѣкто Фениксъ назвалъ всѣхъ насъ „золотушными барченками“. Полемика на этомъ и кончилась. Вышли еще три №№, въ которыхъ была помѣщена моя повѣсть: „На новыхъ началахъ“. Эта повѣсть была написана во вкусѣ повѣстей „Р. Слова“ и „разрубала гордіевъ узелъ семейнаго вопроса“, какъ выразился Ве—нъ, будущій бюрократъ, а тогда — ярый послѣдователь Писарева и Чернышевскаго. Сходки продолжались, но журналъ прекратился, потому что въ городѣ начали циркулировать о немъ нелѣпные слухи. Мы могли ожидать крупныхъ непрїятностей и, по настоянію большинства, на время изданіе было приостановлено. Оно и не возобновилось. У меня долго хранились №№ этого журнала. Просматривая *потомъ*

статьи, повѣсти, „разрубавшія гордіевы узлы“ разныхъ вопросовъ, я невольно улыбался. Читая теперь нѣкоторыя газеты, я думаю: „дѣти“, мы тогда могли *такъ писать*, но какъ могутъ писать *также взрослые* и полагать, что они *рѣшаютъ* вопросы!

Передамъ два факта, такъ сказать, „траги-комическаго“ характера.

Въ одну изъ субботъ Ве—нъ, жившій у насъ, какъ нахлѣбникъ, отправился на сходку ранѣ меня. Собирались мы тогда у одного „кружковца“, жившаго на концѣ города, въ большомъ домѣ, почти пустомъ. Весь верхъ, изъ 4—5 комнатъ, занималъ онъ одинъ, платя пять рублей. Мебели всего только столъ, нѣсколько стульевъ и кровать.

— Однимъ словомъ — пустыня,—иронизировалъ хозяинъ, очень даровитый юноша, большой острякъ и стойкъ. Онъ ходилъ зимой въ пальто безъ ваты и въ сапогахъ, изъ которыхъ торчали пальцы. Онъ часто переѣзжалъ съ квартиры на квартиру, и его мы за это въ шутку прозвали „подвижникомъ“. Вотъ у этого-то „подвижника“ мы и собирались за послѣднее время.

Ве—нъ ушелъ. Я отправился спустя полчаса. У Соборнаго моста встрѣчаю Ве—на: лицо блѣдное, испуганное.

— Куда ты?—спрашиваю его.

— Домой! Надо скорѣе все прятать!

— Что такое?

— Бѣда!

Голосъ дрожить.

— Какая бѣда?

— Полиція!

— Гдѣ?

— У „подвижника“.

— Что за чепуха! Какъ же ты-то ушелъ отъ нея?

— Случайно... Слушай!

Тяжелый вздохъ и рассказъ обрывистый.

— Я вошелъ въ переднюю... вижу... пальто квартальнаго. Заглянулъ: квартальный стоитъ и связываетъ книги... а нашъ „подвижникъ“ у окна стоитъ ни живъ ни мертвъ. Я и тягу!..

— Кто же тамъ еще?

— Никоге!.. Надо дать знать всѣмъ!

Въ эту минуту къ намъ подошелъ П.

Сообщили ему обо всемъ.

— Какой вздоръ!—воскликнулъ онъ.—Тебѣ показалось.

— Какъ же!.. Я хорошо видѣлъ... Да ты скажи: ходятъ по городу слухи?

— Да.

— Журналъ нашъ видѣли власти?

— Какія власти? Гимназическія только!

— Все равно... Донесли...

— Да что у „подвижника“ взять-то?.. Пустяки! Я пойду... а ты?—добавилъ П., обращаясь ко мнѣ.

Я колебался.

— Не ходи! Схватятъ!—воскликнулъ Ве—нъ.

— Ахъ, ты трусь! Ну, что же: идемъ?— снова обратился ко мнѣ П.

Мнѣ стало стыдно. И я пошелъ съ П.

Осторожно подошли мы къ дому. Въ окнахъ верхняго этажа огонь. Мы постояли и вошли во дворъ. Поднялись по лѣстницѣ. Остановившись у двери, мы прислушались. Говоръ, смѣхъ...

— Ну, конечно, чепуха!

П. потянулъ дверь. Она отворилась. Въ передней на вѣшалкѣ много одежды и... военное пальто!

Выглянулъ хозяинъ.

— А, это вы! Что поздно?.. идите: гость у насъ.

— Кто?

— Медикъ изъ Питера... Новости есть!

Оказалось, что Ве—нъ испугался медика, принявъ его за квартальнаго.

Мы долго смѣялись надъ Ве—мъ.

— Вологжане теленка за жеребенка приняли, а нашъ Павелъ врача—за околочнаго!—трунилъ „подвижникъ“.

Ве—нъ сердился и отвѣчалъ:

— Погодите... нарветесь когда-нибудь!.. Надо быть осторожнымъ... это лучше!

Въ другой смѣшной исторіи тоже фигурировалъ, „въ качествѣ премьера“, Павелъ Ве—нъ.

Дѣло было такъ.

Сходка состоялась у одной свѣтской дамы.

Мужъ этой дамы не сочувствовалъ сходкамъ и выражался рѣзко:

— Не понимаю, что за охота моей женѣ заводить въ своей квартирѣ „говорильню“? Мнѣ это противно!

— Запретите!

— Ну... вотъ! скажутъ: деспотъ!.. Пусть... наскучить же ей!

Но сходки продолжались. Тогда мужъ придумалъ комбинацію: напугать полиціей.

Я заболѣлъ гриппомъ и не могъ быть на сходкѣ. Оставшись дома, я сидѣлъ и читалъ Драпера. Было уже около 11 часовъ. У насъ всѣ уже спали. Вдругъ стукъ въ окно. Я закутался плотно и вышелъ въ сѣни.

— Кто тамъ?

— Я... Ивановъ!

— У насъ всѣ уже спятъ!

— На минуту... Очень надо!

Я отперъ дверь, впустилъ Иванова и мы на ципочкахъ прошли въ мою комнатку.

— Откуда вы?

— Оттуда.

— Ну, что? Отчего такъ скоро все кончилось?

Ивановъ пристально посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Дайте честное слово, что отвѣтите правду.

— Господи, какъ торжественно! Даю!

— Вы... не „подшутили“ надъ нами?

— Я? Какимъ образомъ!

Мое недоумѣніе было такъ искренно, что Ивановъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, это не вы! Но кто же?

— Да въ чемъ дѣло?

И вотъ Ивановъ рассказалъ.

Всѣ сидѣли и читали письмо, полученное изъ Петербурга. Вдругъ раздался звонокъ, и черезъ минуту горничная подала хозяйкѣ конвертъ. Та разорвала его, прочитала и воскликнула, мѣняясь въ лицѣ:

— Господа! Меня извѣщаетъ какой-то „другъ“, что... сейчасъ къ намъ нагрянутъ съ обыскомъ.

Произошла неопикуемая суматоха. Всѣ бросились въ переднюю. Впереди всѣхъ—Ве—нъ, который, одѣвшись на ходу, не сбѣжалъ, а „скатился съ лѣстницы кубаремъ“, по словамъ Иванова.

Хозяйка съ трепетомъ ждала „незванныхъ гостей“. Но никто не являлся.

Вернулся мужъ, прочиталъ записку и сказалъ:

— Это, можетъ-быть, шутка... Впрочемъ, все возможно. Въ городѣ ходятъ невѣроятные слухи о вашихъ сходкахъ. Ты сама рискуешь и меня подводишь подъ непріятности.

Выслушавъ рассказъ Иванова, я спросилъ его:

— Почему же подумали, что это я подшутить?

— Почеркъ похожъ на вашъ... Да и кто-то сказалъ, что вы будто говорили: „я ихъ напугаю.“

— Никогда никому я не говорилъ.

Въ эту минуту раздался опять стукъ въ окно.

— Кто это?—съ испугомъ спросилъ Ивановъ.

— Вѣроятно, Павелъ. Только отчего онъ такъ поздно?

Я отперъ дверь и впустилъ Ве—на. Когда онъ вошелъ въ мою комнату и я взглянулъ на него, то не могъ удержаться отъ смѣха. Засмѣялся также и Ивановъ. И было отъ чего: Ве—нъ, второпяхъ, надѣлъ вмѣсто своей шапки дамскую котиковую шапочку, вверху перевязанную вуалью; на ногахъ у него были разныя калоши: одна мелкая, другая глубокая.

Онъ сконфузился, но оправдывался тѣмъ, что спѣшилъ.

— Да ты такъ и не замѣтилъ потомъ?—спросилъ я.

— Замѣтилъ... Хотѣлъ вернуться, да побоялся.

— Гдѣ же ты все время былъ?

— По улицѣ бродилъ...

— Прямо ряженный! Да если бы тебя увидѣлъ патруль, непремѣнно забралъ бы!

Ве—нъ ничего на это не возразилъ. Помолчавъ, онъ промолвилъ:

— Что-то теперь тамъ?

— Я потомъ заходилъ туда,—сказалъ Ивановъ.

— Ну, ну?

— Никого нѣтъ... Вѣроятно, шутка. Вернулся А. И—чь и

сказаль, что это, должно-быть, кто-нибудь пошутить. Но кто бы это?—прибавилъ Ивановъ въ раздумьи.

— Пошутить!.. А моя шапка? калоши?...—промолвилъ Ве—нъ.

Мы съ Ивановымъ опять засмѣялись.

— Чего ржете?—сердито оборвалъ насъ Павелъ.—Вѣдь это же убытокъ!

— Mademoiselle, извините,—произнесъ Ивановъ, впадая въ игривое настроеніе.

Мы еще поговорили недолго и Ивановъ ушелъ. Ве—нъ продолжалъ ворчать, лежа въ постели.

— Ну ихъ къ черту! Больше туда не буду ходить!—рѣшилъ онъ, закутываясь въ одѣяло.

Шапка его нашлась подъ роялю. А та шапочка, въ которой онъ щеголялъ по улицамъ, оказалась принадлежащею хорошенькой барышнѣ И—ой. Но калоша „приказала кланяться“.

Находчивый мужъ достигъ своего: его либеральная супруга объявила, что у нея собираются неудобно.

Сходки временно совсѣмъ прекратились. А спустя мѣсяцъ мужъ либеральной барыни признался въ своей продѣлкѣ.

Х.

Я написалъ повѣсть „Она хочетъ учиться“ и прочелъ ее „подвижнику“.

— Это прекрасно! Знаешь что: пошли ее въ какой-нибудь журналъ.

— Куда? Не въ „Отеч. Записки“?

— Ну, конечно. Надо поскромнѣе...

Мы выбрали скромный „Сынъ Отечества“. Я приложилъ на рубль марокъ, прося отвѣтить, а въ случаѣ непріятія рукописи вернуть ее обратно. Но ни отвѣта, ни повѣсти я не получилъ.

Вскорѣ я написалъ стихи „Борю“ и послалъ ихъ въ „Отеч. Записки“. Отвѣтъ пришелъ черезъ мѣсяцъ. На стихотвореніи стояла помѣтка: „Неудобно. Мысль хороша, но форма слаба“. Подписи не было.

— Они ничего не понимаютъ,—рѣшилъ „подвижникъ“.

Куклину я ничего не говорилъ, что посылалъ стихи. Теперь я ихъ показываю ему. Онъ прочелъ и промолвилъ:

— Знаешь что: эти стихи у тебя слабѣе другихъ.

Спустя нѣкоторое время я написалъ еще два стихотворенія и по совѣту „подвижника“ послалъ ихъ Лаврову, извѣстному автору „Историческихъ писемъ“, жившему въ Кадниковѣ подъ надзоромъ полиціи. Я не былъ знакомъ съ публицистомъ-философомъ, но зналъ, что онъ хорошо относится къ молодежи. Да и пріятель мнѣ говорилъ:

— Посылай!.. Онъ отвѣтитъ и дастъ совѣтъ.

Лавровъ, дѣйствительно, отвѣтилъ и очень скоро. Письмо было длинное и любезное. Его содержаніе можно резюмировать такъ: „по идеѣ стихи прекрасны, но техника еще слаба, печататься рано. Но писать надо, можно впослѣдствіи надѣяться на успѣхъ“. Лавровъ совѣтовалъ больше читать и перечислялъ

рядъ „необходимыхъ“ книгъ. Я долго хранилъ это письмо, но потомъ, уже въ Петербургѣ, оно у меня куда-то исчезло.

Я принялся читать и продолжалъ „извѣдывать бумагу“. Этому не мѣшали ни разъѣзды, ни обязанности домашняго учителя, каковымъ я сдѣлался, оставивъ гимназію.

Здѣсь опять приходится разсказать смѣшную исторію, въ которой въ третій разъ фигурируетъ горячій поклонникъ Писарева, Павелъ Ве—нъ.

Лавровъ бѣжалъ изъ Кадникова. Исчезновеніе философа произвело большой переполохъ въ Кадниковѣ и въ самой Вологдѣ. Узнавъ о побѣгѣ Лаврова, Ве—нъ перепугался.

— Мы пропали!—сказалъ онъ.

— Почему это?

— Ты ему писалъ? посылалъ стихи?

— Да.

— Я у него два раза былъ въ Кадниковѣ... конечно!

Цѣлыя двѣ недѣли Павелъ находился въ тревогѣ. Ложась спать, онъ клалъ возлѣ себя библію и латинскій словарь.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Э! надо быть хитрымъ! Нагрянуть—и увидятъ, что я религіозный человѣкъ и классикъ, т. е. благонамѣренный.

Я смѣялся, но Павелъ твердилъ одно:

— Ты ничего не понимаешь!

Но опасенія его оказались напрасными.

Заговоривъ о Лавровѣ, я коснусь заодно и Н. В. Шелгунова, жившаго въ Вологдѣ, тоже въ качествѣ поднадзорнаго. Какъ постоянный сотрудникъ „Русскаго Слова“, а затѣмъ „Дѣла“, онъ пользовался громадною популярностью среди молодежи. Его статьи всегда читались и на нашихъ „субботникахъ“ и вызывали горячіе споры. Мнѣ Николай Васильевичъ казался такимъ яркимъ врагомъ поэзіи, что я не рѣшался обратиться къ нему за совѣтомъ, хотя всѣ хорошо отзывались о немъ.

Случай столкнулъ меня съ нимъ. Въ Вологдѣ одно время существовало ремесленное училище, куда приходили работать, послѣ классовъ, гимназисты и ученики другихъ школъ. Училище принимало и частные заказы. Я работалъ въ переплетномъ отдѣленіи. Разъ, фальцуя книгу, я вдругъ услышалъ страшный крикъ въ столярномъ отдѣленіи. Движимый любопытствомъ, я пошелъ узнать, въ чемъ дѣло. Посреди комнаты стоялъ Николай Васильевичъ и распекалъ мастера.

— Это нечестно,—кричалъ онъ:—вы, все равно, что украли деньги, если такъ скверно выполнили заказъ. Работа никуда не годится.

Онъ говорилъ все рѣзче, страшно волнуясь. Мастеръ что-то невнятно мычалъ.

Наконецъ Н. В. утихъ, бросилъ пять рублей на верстакъ и промолвилъ:

— Возьмите *ваши* деньги!

Онъ подчеркнулъ слово *ваши*.

Мастеръ взялъ кредитку, пренебрежительно улыбаясь.

Когда Шелгуновъ вышелъ за двери, столяръ промолвилъ вполголоса:

— Ишь, раскричался, точно и не вѣсть кто. Сочинитель! Поднадзорный!

Это меня взорвало. Я заступился за Шелгунова и накинулся на мастера, начавъ его укорять.

Я еще не кончилъ, какъ наружная дверь отворилась, и въ комнату вернулся Шелгуновъ.

Онъ направился къ столяру и, мягко улыбаясь, протянулъ ему руку.

— Не сердитесь, если я обидѣлъ васъ, простите; я погорячился!

Столяръ былъ озадаченъ, смутился и, не подавая руки, конфузливо произнесъ:

Н. В. Шелгуновъ.

— Помилуйте, Николай Васильевичъ... что же... я точно виновать... поторопился и испакостилъ вещь. Но я... поправлю... на слѣдующей же недѣлѣ я сдѣлаю новую, ей-Богу-съ!

— Ну, и отлично! Дайте же вашу руку!—сказалъ Шелгуновъ.

Столяръ несмѣло протянулъ свою мозолистую руку, Николай Васильевичъ пожалъ ее.

— А вотъ и деньги-съ,—началъ мастеръ.

— Какія деньги? Оставьте ихъ у себя... сочтемся.

Когда Шелгуновъ ушелъ, столяръ молчалъ нѣсколько мгновений, смотря въ сторону.

— Ну, и баринъ!—промолвилъ онъ тихо.

— Что? Хорошій, вѣдь?—воскликнулъ я восторженно.

— Душа—баринъ!

— А вы еще...

— Да зло взяло... ну, и сказалъ... а вамъ что надо?—вдругъ сердито обратился онъ ко мнѣ.—Вы изъ переплетнаго?

— Да.

— Такъ и нечего вамъ здѣсь дѣлать... мѣшаете только!

— Но никакого нѣтъ.

— Все единственно. Уходите!

Столяръ поправилъ свою ошибку и съ этого времени не иначе отзывался о Н. В., какъ о „золотомъ баринѣ“.

Вторично я столкнулся съ Шелгуновымъ въ библиотекѣ. Онъ пришелъ за книгой, которую мнѣ только что выдали.

— Ахъ, какъ жаль! Она мнѣ очень нужна на день бы всего!

Я сейчас же предложилъ ему книгу.

Онъ былъ очень благодаренъ. Мы вмѣстѣ вышли изъ библиотеки. Дорогою онъ разспрашивалъ о гимназiи, о товарищахъ, совѣтовалъ серьезно учиться, безсистемно не читать и, узнавъ, что я работаю въ переплетной, замѣтилъ: „перейдите лучше въ столярное отдѣленіе“.

— Почему?—спросилъ я.

— Это полезнѣе, въ смыслѣ развитiя физическихъ силъ... Но не бросайте и переплетнаго дѣла... одно другому не мѣшаетъ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Но училище скоро закрылось.

Для характеристики доброты покойнаго публициста замѣчу, что онъ охотно помогалъ бѣднымъ ученикамъ, содержалъ цѣлую бѣдную семью и буквально спасъ одну дѣвушку отъ паденiя, давши ей возможность пережить двухмѣсячную безработицу. Онъ такъ щедро платилъ за переписку (семьдесятъ пять копеекъ съ листа), что отъ желающихъ не было отбоя.

Скоро Шелгунова перевели въ Калугу.

Почти одновременно съ нимъ уѣхалъ изъ Вологды и Кукулинъ, получивши мѣсто уѣзднаго учителя въ Архангельскѣ.

М. М. Кукиличъ.

А. Кругловъ.

Полдень.

На склонѣ берега крутого
Стоитъ избушка рыбака;
Предъ нею быстро, горделиво
Струится свѣтлая рѣка.

Въ лѣсу зеленомъ—пѣсня птицы;
Въ ложбинѣ—ропотъ ручейка,
А надо всёмъ покровъ лазурный
И бѣлой стайей облака.

Бѣжитъ челнокъ; пловецъ въ немъ дремлетъ;
Полдневный жаръ его томить;
Съ кривой сосны большая птица
За нимъ внимательно слѣдитъ.

Замолкла пѣсня. Лѣсъ зеленый
Не шелохнется. Лишь ручей
Одинъ журчитъ неугомонно
Волной холодною своей.

Н. Иваницкій.

Н. А. Мучникъ.

Откликнулась. *)

(О Ч Е Р К Ъ).

— Будеть, будеть, старуха, полно нюнить... Ну, погорячился, эка важность! Господи, Боже ты мой, неужели, за тридцать лѣтъ не претерпѣлась?!

И маленькій старичокъ, въ потертомъ халатѣ, нѣжно поглаживалъ сѣдую голову плачущей старушки, которая, какъ-то по дѣтски беспомощно, всхлипывала и не успѣвала утирать льющіяся слезы. Лѣвой рукой старикъ смущенно теревилъ свои пожелтѣвшія баки и незамѣтно отъ жены смаргивалъ набѣгающія на глаза капельки.

Виновато усѣлся рядомъ на старый, обитый ситцемъ, диванъ, завладѣлъ рукой старушки и, тихо поглаживая, убѣждалъ.

— Ну-ну! успокойся; вѣдь сама же хорошо знаешь, что это мое больное мѣсто... объ этомъ я не могу говорить спокойно, во мнѣ все кипѣть начинаетъ..

*) Этотъ очеркъ полонъ жизненной правды. Жизненная правда часто очень горька. Но говоря о томъ, что должно быть, нельзя игнорировать того, что есть.

— Аркашенька, да вѣдь праздники наступаютъ... Отчего бы не попробовать?!. авось откликнется или, кто знаетъ, можетъ, и сама прѣдетъ.. Вѣдь гордая она—въ тебя вся, сама-то первая шага не сдѣлаешь—такъ будемъ же мы добрѣе, одна вѣдь она у насъ... Ну, милый, хорошій, Аркашенька, не упрямясь, мой добрый!.. Хорошо? сдѣлаешь?—И вся всколыхнувшись, старушка радостно-мокрыми глазами, въ которыхъ трепетала надежда, вглядывалась въ мужа.

— Ну, пойдемъ же, пойдемъ скорѣе къ столу... сядешь и напишешь, а мы Дуняшу снарядимъ на почту и накажемъ, чтобы безпремѣнно сегодня же отправили.

Старичокъ нехотя поднялся съ дивана, но старушка быстро потащила его къ столу, достала большіе въ серебряной оправкѣ очки, сама ихъ одѣла ему.

— Ну! Аркашенька, ну, миленькій.. скорѣе, не лѣнись, —лихорадочно торопила она, точно боясь упустить удачный моментъ.—Крупно-крупно напиши: „МАРУСЯ“... такъ. Теперь дальше: „отецъ и мать поздравляютъ дорогую дочурку съ свѣтлымъ праздникомъ и просятъ написать о себѣ хоть пару словечекъ“... Ну, что же ты остановился, Аркашенька?

— Знаешь, старуха, это тово—больно ужъ мы впередъ за-скакали... посуше надобно, чтобы уразумѣла, что такія вещи сразу не забываются... Возжи въ руки даемъ, совсѣмъ завольничаетъ...

— Аркашенька,—взмолилась старушка.—Съ ней, съ Марусей-то сухо нельзя. Боишься, что много воли дадимъ? а такъ-то лучше? Вѣдь полтора года ничего о ней не знаемъ. Ты на меня посмотри, да самъ на себя полюбуйся—какъ на насъ это время отозвалось, какими красавцами стали.. Нѣтъ, куда ужъ! Богъ съ ней съ родительской-то волей! Ты пиши, Аркадій, а то у меня силъ не хватитъ, видить Богъ, не выдержу,—твердо, настойчиво закончила она.

— Ну, будь, что будетъ, нехай по твоему,—заторопился старичекъ и дописаль объявленіе.

— Теперь пиши въ редакцію нашу покорную просьбу родителей помѣстить это объявленіе на первый день Пасхи и безпремѣнно послѣ театральныхъ отчетовъ—псмнишь, вѣдь, она первымъ дѣломъ о театрахъ читать начинала.

„Сегодня меня потянуло къ заутрени въ церковь. Въ ней я давно не была. Церковь, какъ наша—небогатая, старенькая, приходъ небольшой, но, видимо, искренній. И, забившись въ темный уголъ, вслушиваясь въ немудренныя напѣвы крошечнаго хора, у меня потеплѣло на душѣ. Вспомнились мои старики, которые, быть-можетъ, какъ и я теперь, стоятъ въ нашей маленькой церковкѣ и жарко-жарко молятся; мамочка всю службу на колѣняхъ, отецъ, наоборотъ, стоя, не шелдохнувшись—„дисциплинированно“, по его любимому выраженію.

Хорошо было выйти на воздухъ, напоенный какимъ-то тор-

жествомъ. Поднялась въ свою комнату. Я живу у одной старушки нѣмки, сдающей комнаты такимъ же курсисткамъ, какъ и я. Столикъ, кровать, умывальникъ и, кажется, больше ничего. Подоконникъ заваленъ книгами—вотъ и вся обстановка Маруси. ...Открыла окно—и въ комнату пахнуло свѣжей стружкой весны... донесся и благовѣсть нестройный, волнующій... Утромъ подали мою газету. Прочла ее—прочла и объявленіе къ Марусѣ.

— Это ты, мамочка, уговорила отца написать, а, можетъ, даже безъ его вѣдома послала, сознайся, родная?... Отецъ любить тебя и, конечно, простить эту маленькую хитрость, подсказанную сердцемъ. Какъ бы то ни было, но вся я полна горячей благодарности за это аллегорическое яичко къ празднику...

Сколько календарныхъ листочковъ сорвалъ отецъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? Много, охъ, какъ много... Много и горя принесло вамъ мое рѣшеніе уйти отъ васъ... но вѣдь и я „не лежала на розахъ“... Не лежала—да, это правда; но я жила или по крайней мѣрѣ старалась жить...

Давно, съ перваго же дня моего отъѣзда я порывалась письменно поисповѣдывать вамъ о причинахъ моего рѣшенія. Но все откладывала... Сначала боялась свѣжихъ впечатлѣній, которыя помѣшали бы быть спокойной, „нелицеприятной“ и заставили бы сгустить, для вящей убѣдительности, краски... Позже захватила жизнь, все откладывалось и откладывалось и вотъ слово „Маруся“ заставило наконецъ взяться за перо...

На радость ли вамъ только? Господи, такъ много дней жизни дала бы я за увѣренность, что мои слова не истолкуются превратно. Какъ пламенно хотѣлось бы, чтобы вы поняли, почему все сложилось такъ, какъ сложилось...

(Къ столу подошелъ черный пудель моей квартирной хозяйки—Джипси. Положилъ голову ко мнѣ на колѣни и въ умныхъ выразительныхъ, чисто человѣческихъ глазахъ свѣтилась сознательность...—Написать ли всю правду, Джипси? не будетъ ли это жестоко?—И Джипси весь насторожился, а остриженный хвостъ съ пучкомъ на концѣ медленно задвигался по полу.)

Начну „съ начала“... т. е. издалика или какъ цвѣтисто выражался Иванъ Петровичъ: бросимъ ретроспективный взглядъ на прошлое...

....Родилось седьмое дитя—дѣвочка Маруся. Она одна уцѣлѣла у четы Петровыхъ—всѣ дѣти поумирали одинъ за другимъ... Я росла любимицей. Всѣ помыслы, всѣ желанія сосредоточивались на мнѣ одной. Я съ живѣйшей благодарностью и теплотой вспоминаю всѣ трогательныя мелочи, рисовавшія безконечную силу материнской любви, ревниво стерегущей послѣдняго ребенка...

Отецъ жилъ на жалованье, бѣдно, такъ какъ были долги, образовавшіеся за болѣзнь дѣтей и матери, но лично у меня не было лишеній, я ихъ не чувствовала...

Рано пріохотили къ чтенію—вечеромъ отецъ, днемъ мамочка. Къ десяти годамъ меня опредѣлили въ институтъ на „казенно-коштную вакансію“, что считалось большой удачей.

Помню первый прїѣздъ изъ института—показалось хорошо, заманчиво дома, но чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе становилось вакационное время... Почему?..

Институтъ перевернулъ все мое существо... Какими жалкими казались мнѣ тѣ, которые, судя по стариннымъ романамъ, подчеркивали слово „институтка“—какъ синонимъ кисейнаго созданія, питающагося луннымъ свѣтомъ и незабудками... Какимъ архаизмомъ отдаетъ все это... У насъ въ институтъ было много мѣстныхъ дѣвушекъ, которыя имѣли воскресные отпуска, и каждое ихъ возвращеніе освѣжало затхлую атмосферу институтскаго режима съ его приниживающими существо взглядами... Они вносили живой воздухъ застѣннаго міра и дѣлали насъ другими...

А какъ проходило мое отпускное время?..

Проходили первые дни, улетучивалась мало по малу острота радости свиданія и дѣлалось скучно, томительно скучно. Обо всемъ уже было переговорено, изъ чтенія къ моимъ услугамъ были „Русскій Инвалидъ“ и „Родина...“

Изрѣдка прибѣгали смотрѣть на прїѣзжую обитательницы нашего около казарменнаго раіона, особенныя, не такія, какъ „городскія“. Чрезмѣрно худыя или наоборотъ чрезмѣрно полныя—я почему-то не могу припомнить ни одной средней комплекціи. Озлобленныя, приниженныя судьбой, бѣдностью, недоѣданіемъ, многодѣтностью, ненавидящія весь міръ.

И съ ихъ приходомъ оживали сѣрыя комнаты, пустоватая и украшенныя по стѣнамъ олеграфіями „Родины“... Во всѣхъ углахъ звенѣла сплетня, растущая и множащаяся какъ гидра. Ты, мама, даже ты—тихая, чистая, безхитростная—не могла удержать злобствующихъ кумушекъ, разносящихъ изъ дома въ домъ клевету, грязь, пятна... Ты скорбно смотрѣла на бѣлоснѣжные половики, на которые безжалостно сбрасывался пепель дешевыхъ папиросъ, ты смотрѣла на грязные отпечатки ногъ, не знающихъ калошъ...

И дѣлалось душно... Я помню, какъ дѣвочкой еще, украдкой подбѣгала къ календарю и высчитывала, сколько дней оставалось до отъѣзда въ институтъ... А съ каждымъ оторваннымъ листкомъ увеличивалось нетерпѣніе, томящее, ноющее, какъ зубная боль, и духъ захватывало отъ сознанія, что вотъ—вотъ и конецъ отпуску...

...Вѣчный Иванъ Петровичъ—милый, сердечный, скучный Иванъ Петровичъ... Я изучила всѣ его движенія, всѣ его слова... Я знала всѣ его пасьянсы и неизбѣжныя прибаутки; я ненавидѣла его за дѣтскій тонъ со мною, я ненавидѣла его всего—отъ торчащаго хохолка на макушкѣ, до оттопыреннаго, при сдаваніи картъ, мизинца..

Теперь мнѣ стыдно моего озлобленія—я понимаю, какъ близокъ вамъ Иванъ Петровичъ, какъ нуженъ онъ вамъ въ длинные зимніе вечера.

Чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе былъ отпускъ. А лѣто—безконечно длинное лѣто... Иванъ Петровичъ приносилъ свой граммофонъ съ десятью пластинками, испѣтыми, надѣвшими... ни-

кому не давалъ играть на немъ и оберегалъ его пуще глаза.

Вечеромъ, въ садикъ на берегу обмелѣвшей грязной рѣчки выносился чайный столикъ. Отецъ выпивалъ много стакановъ чаю, весь мокрый отъ теплыхъ сумерекъ и горячей жидкости. Иванъ Петровичъ методически мѣнялъ пластинку за пластинкой, спрашивая послѣ каждой: а чтобы намъ еще послушать?

И тихій песчаный берегъ безъ конца оглашался: „Не уходи, побудь со мною“, „Зачѣмъ, зачѣмъ тебя я встрѣтилъ“...

Когда отецъ былъ въ духѣ, онъ неизмѣнно говорилъ: „а ну-ка, Иванъ Петровичъ, запузырьте-ка „Паню Варину“ (такъ въ шутку называлъ онъ Варю Панину.)“—И Иванъ Петровичъ съ полной готовностью запузыривалъ въ сотый разъ „Коробейника“.

Иногда дѣлалось жутко и хотѣлось плакать, бросаться на всѣхъ... иногда лежала безъ движенія на копнѣ свѣже скошенной травы и глядѣла пристально—пристально въ яркое раскинувшееся небо, на блѣдно мерцающія звѣзды... И грезилось о далекомъ, заманчивомъ, несбыточномъ...

А подъ ухомъ Марья Васильевна или Прасковья Никанорова жужжали о безбожномъ ростѣ цѣнъ на мясо, на дрова, на овощи... „жить невозможно,—пищали онѣ,—при такой дороговизнѣ обязательно нужно лечь и умереть, буквально больше ничего не осяется“..

— Жить невозможно,—пазойливо твердило все... жить невозможно,—напоминали мнѣ каждая вещь, каждый приходящій человѣкъ...

И мучительно вставалъ вопросъ: ну, а дальше что? Какъ сложить дальше жизнь, ибо дать ей самой сложиться, безъ моего на то вмѣшательства—я не могла... Отецъ ни за что по доброй волѣ, самъ не пустилъ бы меня на курсы. Ты помнишь, конечно, когда передъ окончаніемъ института я какъ-то закинула было на этотъ счетъ удочку—отецъ такъ и вскипѣлъ... „Ни за что на свѣтѣ, слышишь? ни за что я не пущу тебя на эти самые курсы—отъ нихъ одинъ развратъ, свободомысліе, да переводъ денегъ“... И до сихъ поръ въ ушахъ эти слова.... Любимымъ конькомъ отца было исповѣдываніе той вѣры, что и ты, твои и отца сестры, ни на какихъ курсахъ не были, а все же сумѣли быть честными женами, идеальными матерями, товарищами своимъ мужьямъ...

Встала стѣна—дальше итти было некуда. Добромъ уйти нельзя было—и я ушла сама... Я теперь на курсахъ. Тамъ изъ нашего института такихъ „бѣглянокъ“, какъ я, шесть, мы живемъ всѣ вмѣстѣ, много читаемъ, работаемъ, даемъ уроки, а вечеромъ бѣжимъ на лекціи, рефераты или на галерку... Два урока, счастливо полученныхъ у бывшей нашей попечительницы и ея родни, даютъ мнѣ возможность не думать тревожно о завтрашнемъ хлѣбѣ насущномъ...

Не судите меня строго—мнѣ хорошо теперь.. Можетъ, это признаніе удержитъ васъ—(не тебя, мама,—вѣдь ты само всепрощеніе)—отъ осужденія, отъ тяжелаго чувства злобы по адресу дочери.... Я свободна—я не употребляю во зло эту свободу—такъ поймите же, что я должна была такъ сдѣлать.

Я не могу жить съ вами... почему? сама не знаю ясно. Быть-можетъ, изъ боязни поддаться этой засасывающей атмосферѣ... Передъ моими глазами стоитъ, какъ живой, ужасающій примѣръ — нашъ милый докторъ Бѣловъ.. Помните, сколько разъ я вамъ указывала на его роковое сходство съ чеховскимъ докторомъ изъ „Трехъ сестеръ“?—пѣса, которую я вамъ читала какъ-то въ рождественскіе праздники...

— Что у моего класнаго фельдшера больше практики, чѣмъ у меня—это ничего,—говаривалъ онъ, стараясь сохранить шутиль-вый тонъ,—но вотъ что къ нему солдатъ не безъ основанія до-вѣря больше имѣетъ, нежели ко мнѣ—вотъ это уже sehr schlecht.

А умница былъ, образованный, тонко чувствующій, но... „чет-вергъ заѣлъ“, какъ справедливо шутилъ Иванъ Петровичъ.

Мамочка, къ твоему материнскому сердцу обращаюсь: вѣдь ты-то, ты-то рада, что твоя Маруся дышетъ свободно, что у Ма-руси нѣтъ недовольныхъ скорбныхъ морщинокъ?!

Мамочка, мама моя! если бы въ институтѣ на меня случай-но не пахнула свѣжая струйка, если бы меня не потянуло за ней съ береговъ обмелѣвшей рѣчки—жили бы мы съ тобой мир-но, тихонько... быть-можетъ, и хорошо бы намъ всѣмъ было, а такъ, какъ теперь, только мнѣ хорошо...

Тихо текла бы жизнь... По средамъ и субботамъ ходили бы вмѣстѣ съ охающими и ахающими Марьей Васильевной и Пра-сковьей Никаноровной на базаръ, сопровождаемая денщиками съ корзинками... Научились бы причитывать да вздыхать о до-роговизнѣ жизненныхъ припасовъ... А годамъ къ двадцати—двадцати двумъ молодой Иванъ Петровичъ сдѣлалъ бы мнѣ, намъ всѣмъ на радость, предложеніе. И вмѣсто четырехъ человѣкъ, вечеромъ на берегу обмелѣвшей рѣчки съ жидкими кустами сидѣло бы пять человѣкъ и воздухъ дрожалъ бы отъ Коробей-ника Пани Варинной...

Можетъ, такъ и лучше бы было, не знаю, не думаю... но сей-часъ мнѣ хорошо...

Кончаю письмо. До боли ясно вижу тебя, мама, и отца... Что-то подсказываетъ мнѣ, что отвѣта на эти странички не бу-детъ, а если и будетъ, то не на радость мнѣ.

И взглянувъ на скорбный ликъ Христа—тотъ образъ, ко-торымъ ты благословляла меня при первой поѣздкѣ въ инсти-тутъ,—я невольно повторяю Его слова: Да будетъ воля Твоя!

Не отвѣчайте сразу—дайте улечься первому впечатлѣнію...

Въ маленькой столовой былъ накрытъ чай и тихо тянулъ длинную заунывную ноту потухающій самоваръ. Старичекъ въ потертомъ халатѣ, въ большихъ серебряныхъ очкахъ сидѣлъ надъ письмомъ дочери, и суровая складка глубоко залегла межъ бровей. Старушка низко склонилась надъ столомъ, усердно раз-сматривая узоръ скатерти, а слезы, крупныя слезы матери одна за другой неумолчно капали на эту скатерть...

Иванъ Петровичъ, вѣрный другъ, отъ котораго не было секретовъ, сидѣлъ тутъ же и грусть сѣрымъ пятномъ легла на его старое, морщинистое, гладко выбритое лицо..

-- Молодость эгоистична... она не знаетъ жалости... рубить сплеча, не думая о послѣдствіяхъ... — ронялъ онъ тяжелыя слова...

И въ комнату вползло властное, неумолимое одиночество. Его присутствіе стало сразу ощутительно... Почувствовалась какая-то ненужность жизни...

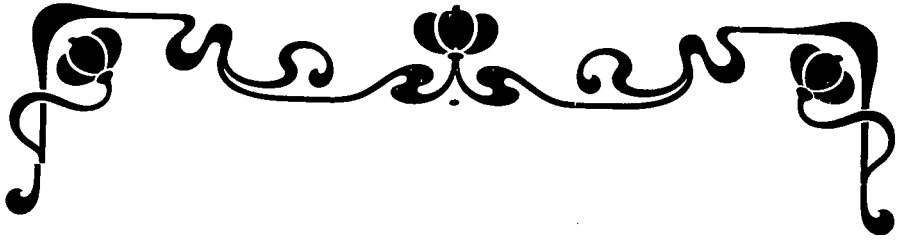
....Стало жутко...

Николай Мучникъ.

Женщина часто болѣе жестока, чѣмъ мужчина. Образование дѣлаетъ ее умнѣе, но развитіе ума часто происходитъ на счетъ сердца.

Ю. Николаевъ.

Къ портрету А. П. Чехова. (*)

Щеку онъ подперъ рукою
И, задумчивый, суровый,
Смотрить вдаль передъ собою,
Тихо въ путь готовясь новый.

Полонъ твердаго смиренья,
Мыслью слабость подавляя,
Онъ таитъ въ душѣ волненья,
Молчаливо угасая.

Лишь въ его глубокомъ взорѣ,
Сквозь суровое молчанье,
Столько чувствуется горя—
Безконечнаго страданья!

Филаретъ Черновъ.

Никакой красотой женщина не можетъ заплатить мужу за
свою пустоту.

Антонъ Чеховъ.

(*) Поэтъ имѣлъ въ виду очень распространен. портретъ писателя.

А. П. Чеховъ.

Письмо А. П. Чехова къ Л. Н. Трефолеву.

14 Апр. 88.

Уважаемый Леонидъ Николаевичъ!

На этихъ дняхъ къ Вамъ явится съ моею визитной карточкой подозрительная личность... Это Дмитрій Ивановъ, крестьянинъ, 12 лѣтъ, грамотный, сирота, безпаспортный и проч. и проч. и проч. По его словамъ, въ Москву онъ прѣхалъ изъ Ярославля съ матерью; мать умерла и онъ остался на бобахъ. Жилъ онъ въ Москвѣ въ „Аржановской крѣпости“ и занимался милостыней. Эта профессія, какъ Вы и сами замѣтите, сильно отразилась на немъ: онъ худъ, блѣденъ, много вретъ, сочиняетъ болѣзни и проч. На мой вопросъ, хочетъ ли онъ ѣхать на родину, т. е. въ Ярославль, онъ отвѣтилъ согласіемъ. Сестра моя собрала для него деньжишекъ и одежонки, и завтра наша кухарка повезетъ его на вокзалъ. Мальчикъ говоритъ, что въ Ярославлѣ у него есть тетка. Адресъ ея ему неизвѣстенъ. Если у васъ въ Ярославлѣ нѣтъ адреснаго стола, то не найдете ли Вы возможнымъ указать мальчугану тѣ пути, по коимъ у Васъ въ городѣ отыскиваются тетки и дядьки? Куда ему итти? Въ полицію? въ мѣщанскую управу? Можетъ ли онъ жить въ Ярославлѣ безъ паспорта? Если нѣтъ, то куда ему обратиться за паспортомъ? Онъ грамотенъ и увѣряетъ, что хочетъ работать. Если не вретъ, то не найдется ли ему гдѣ-нибудь мѣстечко? Въ типографіи, напри-

Смотритель одного большого училища-пансіона, мой хороший знакомый, пожертвовалъ мальчугану изъ казеннаго добра слѣдующія вещи: сапоги, костюмъ изъ сѣрой матеріи, халатъ, парусиновый костюмъ, двое кальсонъ и двѣ рубахи. Когда къ Вамъ явится мальчуга, то Вы объявите ему, что Вамъ уже все извѣстно, что у него такія-то и такія-то вещи, что Вы имѣете громадную власть и что если онъ продастъ или потеряетъ что-нибудь изъ одежды, или промѣняетъ штаны на пряники, то съ нимъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Такъ и скажите ему, что если что пропадетъ, то о немъ Бисмаркъ скажетъ рѣчь въ рейхстагѣ и Сади-Карно сдѣлаетъ визитъ Фрейсине.

Если онъ къ вамъ не явится, то придется, къ прискорбію, заключить, что онъ вернулся назадъ въ Москву, продалъ одежду и билетъ, т. е. надулъ.

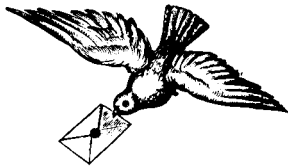
Простите ради Бога, что я, будучи знакомъ съ Вами только на половину, беру на себя смѣлость беспокоить Васъ просьбой и порученіями. Я не имѣю на это никакого права. Но утѣшаю себя надеждой, что Вы поймете мотивы, заставившіе меня беспокоить Васъ, и въ будущемъ позволите мнѣ отплатить Вамъ услугой за услугу.

Объщанной карточки я не получилъ отъ Васъ. Быть-можетъ, Вы раздумали посылать, но я всетаки жду.

Если отвѣчать на это письмо будете до мая, то мой адресъ таковъ: „Москва, Кудринская Садовая, д. Корнѣева“; если же послѣ перваго мая, то адресуйте Ваше письмо (съ карточкой) такъ: „Сумы, Харьковской губ., усадьба А. В. Линтваревой“. Былъ я недавно въ Питерѣ. Хорошій, дѣловой городъ. Москва спитъ и киснетъ. Всѣ мы застыли, уподобились желе. Поссорились было съ Л. И. Пальминымъ,*) да опять помирились.

Будьте здоровы и простите
за беспокойство уважающаго Васъ

А. Чехова.

*) Извѣстный поэтъ. Умеръ въ 1891 г., въ Москвѣ.

М. Ю. Лермонтовъ.

На Кавказѣ.

(Памяти Лермонтова.)

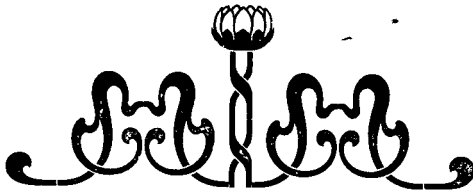

Онъ здѣсь когда-то жилъ, и мыслилъ и страдалъ,
Непонятый людьми, сжигаемый сомнѣньемъ...
Онъ мысль свою и грусть, и муки завѣщаль
За нимъ грядущимъ поколѣньямъ.

И приняли они, какъ драгоценный даръ,
Завѣщанныхъ пѣвцомъ свободныхъ пѣсень звуки;
И поняли они души мятежной муки
И сердца сокровенный жаръ.

Онъ мирно спитъ въ землѣ безъ думъ и безъ желаній,
Но грезы гордая, что пѣснь его зажгли
Могучимъ пламенемъ,—изъ міра упованій
Уже въ міръ правды перешли!

А. Кругловъ.

**О значеніи взаимодѣйствія между
благотворительными обществами,
въ зависимости отъ системы обще-
степеннаго призрѣнія.**

Проф. И. Т. Тарасовъ.

Бѣдность, какъ скудость средствъ къ жизни, и нищета, какъ полный недостатокъ такихъ средствъ, извѣстны съ первыхъ страницъ исторіи человѣческаго общества, и если имѣть въ виду, что въ числѣ разнообразныхъ причинъ, которыми вызываются эти отрицательныя явленія, есть и причины стихійнаго характера, отъ человѣка независяція, то едва ли и будущее будетъ свободно отъ нихъ.

Независимо отъ цѣлой совокупности предупредительныхъ мѣръ борьбы съ бѣдностью и нищетой, которыхъ я здѣсь (ради экономіи времени) анализировать не стану, ближайшимъ средствомъ прямой борьбы съ этимъ социальнымъ зломъ являются благотворительность и общественное призрѣніе, въ основаніи которыхъ лежатъ юридическія, политическія, нравственныя и хозяйственныя начала.

Не касаясь юридическихъ и политическихъ основаній, нравственное основаніе для общественнаго призрѣнія заключается, во-первыхъ, въ томъ чувствѣ любви и состраданія къ ближнему, которое въ большей или меньшей мѣрѣ присуще каждому человѣку не звѣрю, во-вторыхъ, въ презумпціи невинности бѣднаго и нищаго въ испытываемомъ имъ бѣдствіи и, въ третьихъ, въ христіанской религіи, вмѣняющей въ обязанность призрѣвать и помогать бѣднымъ и нищимъ. Что же касается хозяйственнаго основанія, то оно проявляется, во-первыхъ, въ матеріальныхъ средствахъ, поглощаемыхъ благотворительностью и общественнымъ призрѣніемъ, во-вторыхъ, въ томъ соображеніи, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ призрѣніе является до извѣстной степени платой за оказанныя обществу услуги (напр., призрѣніе инвалидовъ) и, въ третьихъ, въ томъ предположеніи, что въ извѣстныхъ случаяхъ сдѣланная затрата будетъ возмѣщена будущими услугами обществу и государству со стороны призрѣваемаго (напр., призрѣніе сиротъ).

Таковы основанія благотворительности и общественнаго призрѣнія. Если же мы обратимся къ историческому развитію этой дѣятельности, то мы увидимъ, что съ древнѣйшихъ временъ въ восточныхъ государствахъ благотворительность опиралась исключительно на религію. Такъ, напримѣръ, въ Іудеѣ, въ законѣ, данномъ Богомъ, прямо сказано: да не будетъ у тебя недостаточныхъ; въ ветхозавѣтное законодательство, въ Библии, вошла цѣлая совокупность замѣчатель-

ныхъ мѣръ касательно бѣдности и нищеты. Въ классическомъ мірѣ, въ древней Греціи и Римѣ, общественное призрѣніе опиралось на отвлеченное понятіе о благѣ государства, о *salus rei publicae*: голодной черни, плебсу, даютъ даромъ хлѣбъ и устраиваютъ даровыя зрѣлища, дабы успокоить, убажить безпкойную и опасную для государства часть населенія или же подкупить ее для политическихъ цѣлей. Въ средніе вѣка призрѣніе бѣдныхъ и нищихъ—дѣло общественное и частное, а не государственное; оно сосредоточивается всецѣло въ рукахъ церкви, общинъ и корпорацій, а частныя лица смотрятъ на благотворительность, какъ на путь ко спасенію. Затѣмъ уже, въ слѣдующую эпоху, государство включаетъ это дѣло въ сферу своихъ задачъ, но сначала лишь въ формѣ борьбы съ нищенствомъ и бродяжничествомъ, причемъ въ этой борьбѣ, по большой части безуспѣшной, оно нерѣдко доходило до крайней жестокости, какъ, напримѣръ, отсѣченіе кисти руки и клейменіе за прошеніе милостыни, смертная казнь за бродяжничество, даже самая подача милостыни каралась крупными штрафами. Лишь позднѣе выясняется, наконецъ, юридическое понятіе объ обязанности призрѣвать, причемъ государство призываетъ и общество къ соучаствію въ этомъ дѣлѣ, и такимъ образомъ выработалась постепенно нынѣ господствующая въ большинствѣ государствъ система обязательнаго общественнаго призрѣнія, въ которой дѣло помощи бѣднымъ и нищимъ далеко не исчерпывается одною лишь благотворительностью, къ тому же нерѣдко неправильно понимаемой и опредѣляемой до такой степени, что многимъ учрежденіямъ придаются характеръ и значеніе учрежденій благотворительныхъ, тогда какъ они должны были бы быть учрежденіями обязательными съ точки зрѣнія интересовъ и задачъ общества и государства, какъ, напр., школы, инвалидные дома, больницы и т. п.

Правильная постановка дѣла помощи бѣднымъ и нищимъ, при современномъ соціально-экономическомъ строѣ, немислима при одной лишь благотворительности безъ организованнаго общественнаго призрѣнія, и обратно, причемъ лишь первая изъ нихъ, т. е. благотворительность, выражается въ актахъ доброй воли, тогда какъ второе имѣетъ въ основаніи своемъ обязанность. Слѣдовательно, между благотворительностью и общественнымъ призрѣніемъ должна существовать неразрывная связь, а отсюда согласованіе въ одномъ и томъ же дѣлѣ началъ свободы и обязанности, добровольныхъ приношеній милостыни и принудительныхъ сборовъ.

Однако въ этомъ отношеніи не вездѣ примѣняется одно и то же начало, т. е. сочетаніе благотворительности съ общественнымъ призрѣніемъ и въ данномъ случаѣ различаются двѣ рѣзко типичныя системы, а именно: система волунтаризма и система обязательнаго общественнаго призрѣнія.

Система волунтаризма, примѣняемая въ настоящее время во Франціи, Бельгіи, имперскихъ провинціяхъ, отчасти въ Испаніи и Италіи и фактически въ Россіи*), заключается въ томъ, что при ней вся помощь бѣднымъ и нищимъ ограничивается одною лишь благотворительностью, такъ какъ призрѣніе не признается обязанностью общества и государства. Слѣдуетъ однако замѣтить, что система эта нигдѣ не примѣняется въ своей абсолютной формѣ и волунтаризмъ не исключаетъ совершенно обязательнаго призрѣнія. Такъ, напр., во Франціи, гдѣ система эта примѣняется наиболѣе послѣдовательно, тѣмъ не менѣе обязательно призрѣніе сумасшедшихъ и безпріютныхъ и брошенныхъ дѣтей.

Система эта до сихъ поръ имѣетъ многихъ сторонниковъ, приводящихъ

*) Я говорю „фактически“, ибо въ нѣкоторыхъ нашихъ узаконеніяхъ проводится начало обязанности призрѣнія, но исполненіе этихъ законовъ ничѣмъ не обезпечено.

различные доводы въ пользу ея и порицающихъ систему обязательнаго призрѣнія. Но что бы ни говорили эти сторонники, безспорный и крупнѣйшій недостатокъ волунтарной системы заключается въ полной необезпеченности помощи бѣднымъ и нищамъ, такъ какъ помощь эта всецѣло зависитъ лишь отъ благоумотрѣнія и доброй воли благотворителей, причемъ все дѣло помощи бѣднымъ и нищимъ не представляеть стройной организаци и всѣ существующія благотворительныя учрежденія дѣйствуютъ болѣе или менѣе разобщенно, врозь; кромѣ того, самая помощь по категоріямъ нуждающихся въ ней оказывается нерѣдко до крайности неравномѣрно.

Колыбелью системы обязательнаго общественнаго призрѣнія была Англія и оттуда значительно позднѣе она заимствована была многими другими государствами. При этой системѣ помощь бѣднымъ и нищамъ считается обязанностью государства, общества и семьи, но обязанностью этой нисколько не исключается частная благотворительность, а она является необходимымъ восполненіемъ обязательнаго призрѣнія. При этой системѣ для призрѣнія имѣются совершенно опредѣленные матеріальныя средства и все призрѣніе имѣеть стройную организацию, какъ центральную, такъ и мѣстную.

Въ Россіи издавна широко развита была благотворительность. По свидѣтельству лѣтописца, великіе князья русскіе отличались нищелюбіемъ, а православная церковь въ свою очередь призрѣвала сирыхъ, убогихъ и странниковъ. Эта благотворительность въ древне-русскомъ обществѣ, говорить проф. Ключевскій, была не столько вспомогательнымъ средствомъ общественнаго благоустройства, сколько необходимымъ условіемъ личнаго нравственнаго здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чѣмъ нищему. Нищенство считалось въ древней Руси не экономическимъ бременемъ для народа, не извоя общественнаго порядка, а однимъ изъ главныхъ средствъ нравственнаго воспитанія, состоящимъ при церкви практическимъ институтомъ общественнаго благоустройства.

Какъ въ клиникѣ необходимъ большой, чтобы научиться лѣчить болѣзни, такъ въ древнерусскомъ обществѣ необходимы были сирыи и убогій, чтобы научиться любить ближняго и отучить бѣдняка ненавидѣть богатаго.

Но со временемъ такое отношеніе къ благотворительности измѣнилось. Молчаливая тысячерукая милостыня начала оскудѣвать; у церкви отнята была значительная часть ея матеріальныхъ средствъ, шедшая на дѣло призрѣнія; нерѣдко благотворительность облекалась въ разныя болѣе или менѣе нежелательныя формы. Поэтому съ конца 17-го вѣка начинается уже вмѣшательство центральной власти въ это дѣло, постепенно множатся, усложняются и видоизмѣняются вѣдомства, учрежденія, мѣстные органы и общества, завѣдующія призрѣніемъ, которое въ настоящее время, при примѣненіи у насъ системы волунтаризма, сосредоточивается: 1) въ земскихъ учрежденіяхъ, 2) городовомъ управленіи, 3) сословныхъ управленіяхъ, 4) Опекунскихъ совѣтахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, 5) приказѣ общественнаго призрѣнія, гдѣ таковыя не упразднены, 6) попечительствахъ о бѣдныхъ духовнаго званія, 7) попечительствахъ о бѣдныхъ различныхъ вѣдомствъ, въ числѣ ихъ въ особенности приходскія попечительства, 8) православныхъ церковныхъ братствахъ, 9) Императорскомъ Человѣколюбивомъ обществѣ, 10) Александровскомъ Комитетѣ о раненыхъ, 11) Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, вѣдающемъ различныя благотворительныя общества и учрежденія, 12) Главномъ Управленіи учрежденіями Императрицы Маріи, 13) въ другихъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, вѣдающихъ разныя благотворительныя общества и учрежденія совмѣстно съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ или отдѣльно, 14) Святѣйшемъ Синодѣ и, нако-

нецъ, 15) въ различныхъ благотворительныхъ обществахъ и учрежденіяхъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государя Императора, Государыни Императрицы и Членовъ Императорской фамилии, какъ, напримѣръ, Общество Краснаго Креста, Попечительство о домахъ трудолюбія, Палестинское общество и много другихъ.

При такомъ неувѣрномъ количествѣ вѣдомствъ, обществъ и учреждений, приуроченныхъ къ одному и тому же дѣлу, въ русскомъ законодательствѣ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ общихъ руководящихъ началъ для этого дѣла, и всѣ попытки въ этомъ направленіи до сихъ поръ претерпѣвали полнѣйшую неудачу, такъ что всѣ благотворительныя общества и учрежденія дѣйствуютъ на основаніи своихъ, утвержденныхъ правительствомъ, уставовъ и положеній и дѣйствуютъ болѣе или менѣе врозь. Если же къ этому присоединить еще, что до сихъ поръ нѣтъ единого общаго центрального органа, заведующаго всѣмъ дѣломъ призрѣнія, равно какъ до сихъ поръ нѣтъ правильно организованнаго общаго вышшняго контроля и надзора въ лицѣ специально установленныхъ для этого органовъ, то все дѣло широко раскинувшейся русской благотворительности въ настоящемъ его положеніи можно безошибочно уподобить обширной, но пока еще разсыпанной хранилѣ, ожидающей своего зодчаго.

При такомъ аномальномъ положеніи этого въ высшей степени важнаго и святаго дѣла не остается никакого сомнѣнія относительно того, какое огромное значеніе должно имѣть именно у насъ установленіе взаимодѣйствія, единенія между существующими благотворительными учрежденіями, если не во всей Россіи—это пока только мечта—то по крайней мѣрѣ, для начала, въ сердцѣ ея, въ любвеобильной и широко благотворительной Москвѣ.

Изъ цѣлаго ряда монографій можно узнать, какъ на Западѣ, при существованіи организованнаго обязательнаго общественнаго призрѣнія, тѣмъ не менѣе пришли къ сознанію о необходимости взаимодѣйствія и единенія между учреждениями, служащими дѣлу общественнаго призрѣнія, причемъ формы этого взаимодѣйствія чрезвычайно разнообразны.

И тогда еще больше, чѣмъ изъ словъ моихъ, сдѣлается очевиднымъ, до какой степени это взаимодѣйствіе является абсолютно необходимымъ и неотложнымъ въ интересахъ того святаго дѣла, которое называется общественнымъ призрѣніемъ и благотворительностью.

И. Тарасовъ.

Народные дѣтскіе сады въ Кіевѣ.

ОЧЕРКЪ.

Дѣти улицы.

Пришлось мнѣ жить на окраинѣ Кіева. Жить тамъ далеко не безопасно и очень безпокойно. Цѣлую ночь раздается пьяное пѣніе, прерываемое частенько криками „караулъ“. Но на помощь выбѣжать къ избитому или ограбленному никто не рѣшится. На одной изъ такихъ окраинъ, на маленькой улицѣ—Самсоновской, мнѣ и пришлось навѣть квартиру. Улица выходила на оврагъ и высокую гору, на которой расположились казармы; сообщеніе съ ними было очень удобное моему сыну офицеру. Надо признаться, что, не живя никогда въ Кіевѣ, я и понятія не имѣла о всѣхъ ужасахъ, которые творились на его окраинахъ. Меня прельстилъ чистый воздухъ, маленькіе домики выглядѣли такими уютными, а большой же домъ, гдѣ во второмъ этажѣ я наняла свѣтлую квартирку, мнѣ показался очень спокойнымъ. Въ первую же ночь, однако, въ этомъ мнѣ пришлось разочароваться. Стѣны оказались такъ тонки, что все въ домѣ дрожало, когда случайно проѣзжала телега. Съ нижняго этажа доносился всякій стукъ и каждое слово. Но хуже всего было по вечерамъ. Пользуясь послѣдними сентябрьскими теплыми днями, сотни ребятишекъ кричали, дрались и пѣли самыя отвратительныя пѣсни. Этотъ невозможный концертъ дополнялся неистовымъ завываніемъ и лаемъ множества собакъ. Наконецъ, наступало временное затишье: ребята шли спать. Но затѣмъ вскорѣ на улицѣ раздавалась брань пьяныхъ прохожихъ, за которыми слѣдовалъ отчаянный лай встревоженныхъ собакъ. Мало покоя приходилось на долю жителей Самсоновской улицы. Просыпалась она очень рано. Рабочіе сбѣжали на заводы и фабрики, поденщицы и торговки, отпрапляясь изъ дома чуть свѣтъ, поднимали дѣтей. Нѣкоторые запирали ихъ на цѣлый день, оставивъ имъ хлѣба и воды, а тѣ, у которыхъ дѣти были побольше, выпускали ихъ на улицу на цѣлый день и запирали свои квартиры. Вотъ тутъ-то я и насмотрѣлась на жизнь дѣтей... Чего-чего они не дѣлали отъ скуки! Горе бывало постороннему человѣку, случайно попадавшему на нашу улицу! Въ него летѣли комья грязи и камни, сопровождаемые грубыми замѣчаніями. Въ особенности, если заходилъ татаринъ или еврей, то въ другой разъ они ужъ не рисковали заглянуть сюда. Затравить собаками забѣжавшую свинью, отрубить хвостъ у кошки, вымазать грязью сваливагося пьянаго—вотъ забавы и развлеченія

уличныхъ дѣтей. Самая жестокая драка ребятишекъ не только не останавливалась, но наоборотъ всячески поощрялась взрослыми.

— Такъ, такъ, молодецъ! Въ поджилки его!

И малыши старались ударить другъ друга побольше. Иногда дѣло доходило до камней и ножей. Можно было подумать, что это необыкновенно испорченные дѣти, злая и несправимая. Ничуть не бывало. Дѣти просто скучали и не знали, какъ убить время. Потомъ праздность входила въ привычку и, когда наступало время труда, они уже теряли къ нему охоту. Скоро я убѣдилась, какія это были славныя сердечныя дѣти. Когда я послѣ первой бессонной ночи пошла на базаръ, то за мной бѣжали нѣсколько дѣвочекъ, отъ четырехъ до семи лѣтъ, и кривляясь, высовывая языки и махая руками, визжали на разные лады:

— Барыня, барыня!

Я остановилась и спросила:

— Дѣвочки, что вамъ нужно? Вы меня зовете? Вѣрно, что-нибудь хотите спросить?

Дѣвочки отъ удивленія и рты разинули. Одна такъ и остановилась съ высунутымъ языкомъ, вытаращивъ на меня большіе, черные глазенки.

— Что это, дѣтка, ты язычекъ высунула?—спросила я съ участіемъ,—или онъ у тебя болитъ? Не красиво, такіе славныя глазки, а стоитъ съ открытымъ ртомъ и языкъ показывается.—Я погладила ее по головкѣ.—Какъ тебя зовутъ, черноглазая?

Дѣвочка заревѣла.

— Это Анютка велѣла! Высунь барыня языкъ,—отвѣтила за нее подруга.

Анютка же давно скрылась за воротами.

Я присѣла на скамейкѣ около дома и, окруженная дѣвочками и прочими дѣтьми, разговорилась съ ними; узнала, какъ ихъ зовутъ, чѣмъ занимаются родители, и такъ подружилась съ ними, что когда возвращалась съ базара, онѣ бѣжали ко мнѣ навстрѣчу и помогали нести покупки.

Черезъ три дня я перезнакомилась со всѣми дѣтьми. Школьникамъ давала читать книжки, дѣтямъ поменьше показывала картинки. Но никакихъ подачекъ, ни конфетъ, ни денегъ, не дѣлала, чтобы ихъ привязанность не была купленной. Родители, видя мое вліяніе на дѣтей, тоже измѣнили свое обращеніе со мною, и скоро не только драка дѣтей прекращалась съ моимъ приближеніемъ, но частенько прибѣгали ко мнѣ взрослые съ просьбою умиротворить даже дравшихся сосѣдей или мужа съ женой. Легкость, съ которой мнѣ удалось приобрести вліяніе на улицу, убѣдила меня, что весь ужасъ, который творится тамъ, происходитъ отъ нечужества, и зло совершалось бессознательно; сердца же у этихъ людей были простыя и любящія, способныя откликнуться на все доброе. Долго я размышляла, какъ бы притти на помощь бѣдному люду, такъ довѣрчиво относившемуся ко мнѣ. Какъ оправдать это довѣріе? Я начинала чувствовать себя какъ бы виноватой за ихъ темноту. Наконецъ, я додумалась до того, что мое вліяніе на взрослыхъ произошло черезъ дѣтей, слѣдовательно, перевоспитать людей можно черезъ дѣтей. Но какъ это сдѣлать? Я, прїѣзжая въ Кіевъ, не имѣла ни души знакомой, и личныя мои средства были крайне ограничены. А помочь было необходимо безотлагательно. Осенью и зимою, отъ недостатка присмотра, умерло нѣсколько ребятишекъ. Тогда, наконецъ, я рѣшилась указать кіевскимъ жителямъ на безотрадное положеніе бѣдныхъ окраинскихъ дѣтей и притти имъ на помощь, открывъ Народный дѣтскій садъ. Я объяснила, что садъ будетъ со-

стоять изъ живыхъ цвѣтковъ, требующихъ тщательнаго ухода, теплаго солнышка—любви, которая бы грѣла сердце дѣтей. Конечно, я и въ мысляхъ не имѣла самой браться за такое великое дѣло, а только предлагала свой безплатный трудъ для присмотра за дѣтми. Но неожиданно для меня дѣло устроилось иначе. Явились деньги, были дѣти, желавшія посѣщать садъ, но устроителя не оказалось, и пришлось мнѣ самой взяться за это дѣло.

1-го марта я послала письмо въ редакцію. 5-го марта уже получились первые отвѣты и пожертвованія. Къ 1-му апрѣля набралось 22 руб., и одна добрая и очень разсудительная дама, г-жа Чаплинская, пріѣхавшая нарочно изъ деревни, не только помогла нанять садикъ за 50 руб. въ лѣто, но и заплатила за него. 11-го апрѣля на Самсоновской ул. официально открылся первый Народный Дѣтскій Садъ.

Разчитанъ онъ былъ на 30 человѣкъ; но 5-го апрѣля, когда открылся приемъ дѣтей, ихъ появилось 100 человѣкъ. Надо было видѣть гордость „записанныхъ“ дѣтей и печаль, хотя и принятыхъ, но не записанныхъ. Садъ оказался помѣстительнымъ. Сочувствовавшіе люди подарили намъ большія скамьи; было двое качелей и гимнастика, вносящія разнообразіе въ игры дѣтей. Но квартира при этомъ садѣ была очень тѣсна. Первое время мы могли нанять только двѣ комнаты съ кухней и стеклянной галлереей за 11 руб. въ мѣсяць, такъ что и 30 человѣкъ дѣтей здѣсь могли размѣститься лишь съ трудомъ. Мебель была самая простая: дюжина бѣлыхъ табуретокъ и двѣ дюжины маленькихъ скамеечекъ, три деревянныхъ бѣлыхъ стола и нѣсколько большихъ скамей. Дѣтшки разсаживались вокругъ табуретки на скамеечкахъ и ѣли четверо изъ одной бѣлой мисочки. Я и забыла упомянуть, что для тѣхъ дѣтей, которыя по бѣдности или по роду занятій родителей оставались безъ горячаго обѣда цѣлый день, мы устроили обѣдъ изъ двухъ блюдъ. Утромъ они получали чай съ кускомъ бѣлаго хлѣба, въ 12 часовъ обѣдъ и въ 5 часовъ вечера ужинъ, состоявшій или изъ булки, или чернаго хлѣба. Бѣдныя пользовались даромъ нищюю, а дѣти торговки и поденщицы платили 5 копеекъ въ день за содержаніе. Конечно, содержаніе значительно удешевлялось притокомъ пожертвованій. Мясники и булочники не только дѣлали большую скидку, но частенько присылали въ подарокъ то корзину черствыхъ булокъ, то говядины. Чай и сахаръ больше трехъ мѣсяцевъ не пришлось покупать, такъ какъ много присылали изъ колоніальныхъ лавокъ. Когда первое увлеченіе добрымъ дѣломъ остыло, то стало тяжелѣе вести его, но какъ-то всегда, въ самую трудную минуту, получалась помощь отъ добрыхъ людей, и дѣло шло.

По спискамъ у насъ числилось 30 человѣкъ ребятъ, а на самомъ дѣлѣ садъ посѣщала цѣлая сотня дѣтей, не считая школьниковъ, которые такъ усердно просили позволенія войти въ садъ, что не было возможности отказать имъ въ этомъ.

— Знаете ли вы наши правила?—спрашивала я ихъ.

— Знаемъ, знаемъ, и исполнимъ: старшихъ слушаться, младшихъ не обижать, папирозъ не курить и не говорить дурныхъ словъ,—бойко отвѣчали школьники и вносили новую струю веселья и оживленія въ игры.

Скоро мы убѣдились, что школьники намъ очень полезны. Они помогали занимать дѣтвору, присматривали за малышами, качали ихъ, руководили хороводами, учили пѣть и, очень гордясь оказываемымъ имъ довѣріемъ, вели себя примѣрно.

Они сразу научили недисциплинированныхъ дѣтей ходить по парно, пѣть „Отче нашъ“ и обденныя молитвы, словомъ внесли извѣстный порядокъ, ко-

торый очень забавлялъ нашихъ ребятъ. Они, играя, втянулись въ порядокъ.

11-го апрѣля былъ молебень, на который пожаловали и губернаторша съ мужемъ и много особъ, интересовавшихся воспитаніемъ. Всѣ были поражены, какъ скоро, въ одну недѣлю, дѣти освоились съ своимъ убѣжищемъ и чувствовали себя свободно, никого не стѣняясь; въ то же время порядокъ поддерживался образцовый. За молебномъ дѣти скромно стояли и по парно подходили къ кресту, не толкаясь, очень серьезно и важно. Этому мы были обязаны школьникамъ. Вскорѣ школьники оказались еще полезнѣе. Дѣти заскучали въ саду и настойчиво объявили, что хотять учиться. Мы къ такому требованію не были подготовлены, хотя послѣ молебна всѣ присутствующіе пожертвовали на нужды дѣтскаго сада. Извѣстныя кіевскія благотворительницы отозвались также на нужды: г-жа Х. прислала 100 руб., а г-жа Т.—50 руб.; мы поспѣшили на другой окраинѣ города открыть скромное убѣжище 2-й Народный Дѣтскій Садъ. Намъ казалось несправедливымъ, чтобы на одной окраинѣ дѣти имѣли убѣжище, а на другой были лишены его. Итакъ, средства нашего сада оставались очень ограничены. Сначала, рассчитывая лишь на 30 человекъ дѣтей, мы имѣли только одну садовницу для присмотра за ними и для руководства въ играхъ. Въ помощь этой молоденькой дѣвушкѣ, общались прійти добровольныя помощницы. Но онѣ являлись неаккуратно, и то разомъ прійдетъ ихъ нѣсколько, а то и ни одной. Впрочемъ онѣ не столько помогали, сколько мѣшали намъ, балуя дѣтей, надѣдали имъ поцѣлуйми и портили ихъ сладостями, такъ что мы были довольны, когда забава имъ надѣдала, и онѣ прекращали свои посѣщенія. Вотъ тутъ и пришли къ намъ на помощь школьники. Они, шутя и играя въ школу, научили нѣкоторыхъ дѣтей читать и писать. Одинъ школьникъ научил садовницу плести сумки изъ шпагата (тонкихъ веревокъ). Другой показалъ, какъ на катушкѣ, съ помощью четырехъ булавочекъ, легко можно сплести пояски. Этому искусству научились самые маленькіе мальчики пяти—шести лѣтъ. Меня удивила охота, съ которой они принялись за эти пояски; но когда одинъ крошечный мальчуганъ сталъ спрашивать, сколько стоитъ шерсть на поясокъ и за сколько можно продать его, мнѣ уяснилось, что дѣти бѣдняковъ найдутъ удовольствіе только въ полезной работѣ, которая можетъ дать заработокъ ихъ семьямъ. Такимъ образомъ дѣти сами указали мнѣ путь, какъ приохотить ихъ къ труду. Я начала вызывать разныя мелкія работы; нѣкоторыя принимались съ охотой, другія вызывали въ дѣтяхъ отвращеніе. Такъ, напр., клейка пакетовъ для лавокъ у насъ не пошла; мы перепортили массу бумаги и клею, а результатовъ не получили. Но коврики изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ плелись съ удовольствіемъ. Когда привозили мѣшокъ обрѣзковъ отъ портвяхи, дѣти разбирали лоскутья, отдѣляя шелковые отъ шерстяныхъ и ситцевыхъ. Это дѣлали охотно даже самые маленькіе ребятинки. Постарше рѣзали ихъ по извѣстной мѣркѣ, а еще постарше или половчѣе переплетали лоскутья въ основахъ изъ натянутого на рамкахъ шпагата. Выходили красные мохнатые коврики. Потомъ дѣти охотно плели сумки, не только въ саду, но и у себя дома; родители продавали эти сумки на базарѣ и покупали дѣтямъ рубашки. Дѣвочки плели скатерти,—тоже очень легкая работа. На четырехугольной рамкѣ прибываются гвозди и натягивается вязальная бумага вдоль и поперекъ, зацѣпляя за гвозди, потомъ наносюсь в опять вдоль и поперекъ. Составляются четырехугольнички, которые закрѣпляются кривой иглой или крестомъ или узломъ, послѣ чего скатерть обрѣзываютъ; изъ концовъ бумаги образуется бахрома. Эти салфетки, а впоследствии платки изъ шерстяного гаруса, плели шести-семилѣтнія дѣвочки. Кромѣ того дѣвочки съ удовольствіемъ дѣлали цвѣты до пятнадцати сортовъ; цвѣты эти имѣли у

насъ большой сбытъ, такъ же какъ и простенькіе абажуры. Нѣкоторыя дѣвочки приготовляли ихъ по вечерамъ и дома, помогая матерямъ зарабатывать на хлѣбъ. Втянувшись въ работу, дѣвочки понемногу стали привыкать и шить. Но вязать на спинахъ никто не хотѣлъ. Спиць переломали множество, бумаги вязальной тоже попортили не мало, а результата не получилось никакого.

Осенью мы наняли квартиру побольше. Дѣтей въ Народномъ Дѣтскомъ Саду осталось 60 человѣкъ. Приходили всѣ къ 8 часамъ, нѣкоторые раньше, позднѣе же никто. Помолившись Богу, всѣ показывали руки, что онѣ были чисты. Мои уличные ребята даже говорили другъ другу:

— Ты срамишь нашъ дѣтскій садъ: у тебя руки грязныя.

Послѣ молитвы пили чай, а тѣ, которые нацѣлились дома, принимались за работу.

Дѣти у насъ дѣлились на три группы. Пока одна группа училась грамотѣ, двѣ другія работали. Въ смѣну всѣ играли. Такъ какъ раньше дѣти играть не умѣли, то всѣ игры, хороводы и фанты, которымъ они научились въ саду, ихъ очень забавляли. Еще дѣти любили декламировать стихи, и весь садъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, кто говорилъ стихи. Это имъ никогда не надоѣдало. Очень легко приучила я дѣтей къ вѣжливости. Я и садовница никогда не пропускали безъ вниманія никакого проявленія грубости. Идетъ ребенокъ на проломъ, задѣвая по дорогѣ старшихъ или товарищей.

— Стой, ты меня (или его) толкнулъ, что надо сказать?

Вновь поступившій съ удивленіемъ смотритъ на меня. Окружающіе под-сказываютъ:

— Извините, что толкнулъ!—Малышъ сконфуженно повторяетъ извиненіе.

— Ну, а теперь вернись на старое мѣсто,—говоришь ему:—кто стоитъ на дорогѣ, то скажи; „позвольте пройти.“

Онъ повинуется. Такъ сдѣлаешь разъ, другой—и ребенокъ уже не идетъ на проломъ, расталкивая попадающихся ему на пути. Одинъ важный человѣкъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, чуть не 50 лѣтъ прослужившій въ вѣдомствѣ Импер. Маріи, пробывъ съ женой и дочерью полъ-дня въ дѣтскомъ саду, сказалъ мнѣ на прощанье, что у меня воспитываются не уличные ребята, а благородныя институтки.

Труднѣе всего было отучить дѣтей отъ ябедничества. Драки, ссоры, капризы, все легко поддавались вліянію ласки и любви, но допросы какъ будто всасывались въ плоть и кровь. Однако мнѣ удалось понемногу отучить ихъ и отъ этого. Маленькихъ было легко умиротворить. Бѣжить четырехлѣтній клопъ.

— Тетя Юля, Васька толкается!

— Ну, скажи ему, чтобы не толкался.—И успокоенный малютка идетъ важно и говорить:

— Слышишь? тети Юля не велѣла толкаться.

Или Маня пяти лѣтъ жалуется:

— Танька отняла лоскутокъ.

— Скажи ей, чтобъ отдала.—И все тутъ. Но старшія дѣти не жалуется на обиду, а именно доносятъ:

— Тетя Юля, Федька шалилъ, или Андрей читалъ, вмѣсто того, чтобы работать.

Я говорю серьезно:

— Скажите, какой шалунъ Федька, а я и не замѣтила, что онъ шалить. А ты, вѣрно, его очень любишь, что такъ слѣдишь за нимъ? Ну, научи меня,

какъ его наказать? Исключить изъ дѣтскаго сада, поставить на колѣни или еще что? говори же!

! — Не знаю я...— сконфуженно отвѣчалъ тотъ.

— И я не знаю, да вѣдь я и не видѣла, какъ онъ шалилъ. А тебѣ очень нужно, чтобъ его наказали? Ты сдѣлаешься добрѣе и лучше отъ того, что шалуна накажутъ? Только я наказанія не придумаю, придумай ужъ ты.

Мальчикъ реветъ и общается никогда не жаловаться.

Такъ мало-по-малу исчезъ и этотъ недостатокъ.

Это лишь бѣглыя замѣтки, но безспорно онѣ уже представляютъ значеніе для всѣхъ, интересующихся воспитаніемъ дѣтей улицы, давая возможность наглядно убѣдиться въ несомнѣнной пользѣ народныхъ дѣтскихъ садовъ.

Ю. Карпинская.

* * *

Не знаетъ отдыха патруль,
Покуда ночи день не смѣнить;
Покуда буря море пѣнить—
И кормчій крѣпко держитъ руль.

Покуда русскій океанъ
Еще отъ смуты не спокоенъ,
Стой на посту, писатель-воинъ,
И охраняй родимый станъ!

А. Кругловъ.

Среди друзей и враговъ.

„Хорошія книги—наши друзья;
дурныя—враги“.

Чаннингъ.

Littera docet, littera nocet.

Книжное обозрѣніе.

Д. И. Введенскій. Небесныя звѣздочки.—Изд. Уч. Сов. при Св.

Синодѣ. С.-П.-Б. 1908. Ц. 80. коп.

Въ этой красиво изданной книгѣ объемомъ около 22-хъ печатн. листовъ, собраны разные поучительные рассказы для дѣтей школьнаго возраста. Хорошія добрыя дѣти, служившія своимъ родителямъ радостью и утѣшеніемъ, приравниваются авторомъ къ небеснымъ звѣздочкамъ, кротко сіяющимъ въ горней вышинѣ. Эти дѣти-звѣздочки могутъ служить добрымъ примѣромъ для каждаго ребенка, который познакомится съ разбираемой книгой.

Въ 1-й части сборника, озаглавленной „Святое дѣтство“, авторъ беретъ свои примѣры изъ Библии, Четырех-Миней и современной исторіи. Наибольше интересными рассказами являются: „Ветхозавѣтные мученики“—семь братьевъ Макавеевъ съ ихъ матерью—Соломоніей и учителемъ—Елезаромъ, „Кто былъ старецъ Серафимъ Саровскій“, „Святые братья первоучители Славянъ“ и „Новый христіанскій мученикъ-малютка“—китаецъ Ваня. Въ этомъ отдѣлѣ 25 рассказовъ разной величины. Второй отдѣлъ названъ: „Добрыя дѣти и друзья счастливаго дѣтства“—съ 23 отдѣльными разнообразными рассказами. Въ немъ беллетристика чередуется со стихотвореніями. И, наконецъ, 3-й и послѣдній отдѣлъ озаглавленъ: „Дѣткамъ въ назиданіе“—съ 12 названіями, въ число которыхъ входятъ заключительныя родныя пословицы.

Не все рассказы сборника имѣютъ положительный характеръ; иные носятъ и отрицательный, какъ, напримѣръ, „Праздность да шалость къ добру не ведутъ“, гдѣ рассказывается, какъ одинъ лѣтний проказникъ, Оеда, выгнанный за озорство изъ школы, былъ отданъ родителями для исправленія въ под-

паски. Но и тутъ онъ дразнилъ и мучилъ животныхъ, пока разъяренный быкъ не забодаль его. Отсюда ясно, что отрипаніе здѣсь принято, какъ форма поученія.

По объему книжки цѣна ей назначена не дорогая. Текстъ обильно украшенъ рисунками.

А. Догановичъ.

Викторъ Ивановъ. Дѣти въ произведеніяхъ Чехова.

Астрахань. Цѣна 25 коп.

Въ небольшой брошюркѣ, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, авторъ сдѣлалъ удачное сопоставленіе дѣтской психологіи у Чехова и у Горькаго. Это такая область, на которой соскользнуть легче всего и, сдѣлавъ фальшивый вольтъ, навязать ребенку чуждую ему психологію. Чутье настоящаго художника, искренность и правдивость помогли Чехову дать вѣрное изображеніе дѣтской природы. Его герои говорятъ своимъ языкомъ; отсюда объективность его произведеній.

Г. Ивановъ укоряетъ Горькаго за то, что онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ, т. е. навязалъ дѣтямъ свою собственную философію, или по нашему вѣрнѣе—резонерство человѣка необразованнаго, во хватавшагося кое-чего путемъ чтенія. Поэтому его философствующія дѣти не похожи на живыхъ дѣтей, а являются манекенами, излагающими мысли Горькаго. Такое отсутствіе художественной правды сознается и самимъ Горькимъ, который спѣшитъ оправдаться передъ читателемъ: „Каждый человѣкъ, борившійся съ жизнью, побѣжденный ею и страдающій въ безжалостномъ плѣну ея грязи, болѣе философъ, чѣмъ самъ Шопенгауэръ, п. ч. отвлеченная мысль никогда не вылетаетъ въ такую точную и образную форму, въ какую вылетаетъ мысль, непосредственно выдвленная изъ человѣка страданіемъ“ (II-й т. 31-я стр.). По французской поговоркѣ это значить: кто оправдывается, тотъ самообвиняетъ.

Чехову не надо было прибѣгать къ такимъ оправданіямъ, ибо онъ стоялъ на высотѣ своего художественнаго творчества. Г. Ивановъ сдѣлалъ умѣлый подборъ дѣтскихъ портретовъ изъ произведеній Чехова, удачно сопоставилъ ихъ, придавъ всему своему бѣглому критическому очерку теплое и мягкое освѣщеніе, такъ гармонирующее съ духомъ произведеній самого Чехова.

А. Догановичъ.

А. П. Чеховъ въ значеніи русскаго писателя—художника. Изъ критич. литературы о Чеховѣ. Составилъ Н. Покровский.

Антонъ Павловичъ Чеховъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Составилъ В. И. Покровский.

Такимъ сборникамъ, какъ книги Н. и В. Покровскихъ, положилъ начало Зелинскій, по слѣдамъ котораго и пошли другіе, въ томъ числѣ и оба Покровскіе. Несомнѣнно, такіе сборники имѣютъ свой *raison d'être*, избавляя читателей отъ необходимости рыться въ разныхъ журналахъ, но, конечно, эти сборники не могутъ удовлетворить тѣхъ, которые захотятъ со всей полнотою познакомиться съ критикою о томъ или иномъ писателѣ. Такъ, напр., сборникъ о Чеховѣ Н. Покровскаго, преслѣдуя *свою* цѣль, отмечаетъ много статей о Чеховѣ, которыя не

отвѣчаютъ намѣреніямъ составителя, избѣгающаго почти всего отрицательнаго объ авторѣ „Скучной исторіи“. И совершенно справедливъ упрекъ такимъ составителямъ, что они „разбиваютъ статьи критиковъ на части, придѣлываютъ свои заглавія, долженствующія формулировать мысль автора, и помѣщаютъ эти отрывки безъ всякаго порядка, какъ придется“.

Въ объемистомъ томѣ В. И. Покровскаго нѣтъ никакой системы. Помѣщено много малозначущаго на ряду съ цѣннымъ, и нѣкоторыя очень цѣныя статьи пропущены. Но по *полнотѣ* матеріала сборникъ В. И. Покровскаго далеко оставляетъ за собою сборникъ Н. Покровскаго, подборомъ статей о Чеховѣ нѣсколько односторонне освѣщающаго покойнаго писателя. Но зато въ сборникѣ Н. Покровскаго читатель разберется лучше и легче составитъ представленіе о Чеховѣ, хотя нѣсколько и одностороннее. Чеховъ еще ждетъ обстоятельной работы о себѣ, ждетъ работы такого критика, который, отправляясь отъ существующихъ взглядовъ на Чехова, далъ бы полный, во весь ростъ обликъ художника-беллетриста, не привнося въ критику личныхъ симпатій и антипатій, оставаясь строго объективнымъ при оцѣнкѣ таланта, несомнѣнно выдающагося, но еще не вполне выразившагося въ своихъ творческихъ созданіяхъ.

Книга В. И. Покровскаго открывается біографическимъ очеркомъ Чехова. На стр. 13-й насъ поражаютъ слѣдующія строки: А. Н. Плещеевъ въ стихотвореніи, посвященномъ *памяти* Антона Павловича (Чехова)...

Какъ могъ Плещеевъ посвятить что-либо *памяти* Чехова, когда Плещеевъ умеръ гораздо ранѣе Чехова, а при жизни Чехова онъ, конечно, не могъ ничего посвятить *памяти* Чехова. Тутъ какая-то ошибка у г. Звенигородцева, автора очерка, и этой ошибки г. Покровскій, очевидно, не замѣтилъ. Затѣмъ почему-то (стр. 15) писатель Щегловъ, пріятель Чехова, превратился въ Щегловитаго.

Кргл.

А. Купринъ. Дѣтскіе разказы. Ц. 1 р. 25 к.

Не помню какой рецензентъ, но, очевидно, изъ „освобожденцевъ“, скорбѣлъ, что безъ казеннаго одобренія многія книги не могутъ попасть въ школьныя бібліотеки, и такимъ образомъ въ училища нельзя провести ни разказовъ Горькаго, ни разказовъ Андреева. Конечно, это одна изъ глупыхъ рецензій, какими изобилуютъ наши газеты, дающія пріютъ разнымъ „сознательнымъ“ брехунамъ, берущимся говорить о томъ, чего они совсѣмъ не понимаютъ. Область дѣтскаго воспитанія—столь священна, что въ нее не должно быть доступа людямъ, лишеннымъ всякаго этическаго настроенія и помѣшавшимся на „ложной свободѣ“, дающей право... развращать „маленькій народъ“. Подобные печальники о народѣ и дѣтяхъ, конечно, будутъ скорбѣть, что и дѣтскіе разказы Куприна не попадутъ въ училищную бібліотеку, но мы смотримъ иначе и предостерегаемъ родителей отъ пріобрѣтенія этой книжки... *для отъей!* Дарованія у Куприна никто не отрицаетъ, хотя, безъ сомнѣнія, оно не такъ крупно, какъ увѣряютъ критики... въ ковычкахъ, свергающіе съ пьедесталовъ настоящихъ боговъ и ставящіе на ихъ мѣсто... глиняныхъ божковъ „освободительнаго“ производства. Но книга г. Куприна не для дѣтей, ровно какъ и г. Купринъ не дѣтскій писатель. Не все годное для взрослыхъ годно и для дѣтей. Описание супружескихъ измѣнъ совсѣмъ не у мѣста въ дѣтской книжкѣ. И словечками: „сволочи“, „собачій сынъ“—едва ли возможно унащать дѣтскіе разказы. Этотъ уличный языкъ прямо противенъ и надо находиться „по ту сторону добра“ и

всякой благопристойности, чтобы, не отрѣшась отъ этого языка и отъ описаній грязныхъ сценъ—рѣшиться писать для дѣтей. Книга Куприна *врагъ*, и мы предостерегаемъ отъ нея родителей, могущихъ попасть на удочку имени писателя, талантливаго, но не понимающаго тѣхъ задачъ, которыя преслѣдуетъ хорошая дѣтская литература. Рисовать правду жизни вовсе не значитъ—знакомить дѣтей съ грязью и зловоиємъ жизни, и если вообще мало рисовать только то, что есть, а надо говорить и о томъ, что должно быть, то тѣмъ болѣе для дѣтей нельзя давать только *правду жизни*, а непременно надо не забывать и о другой *правдѣ*, которой мало въ жизни. Такія книги, какъ книга Куприна, вредны для дѣтей. Избави Богъ отъ такой дѣтской литературы.

И. Вологодскій.

Маркъ Твенъ.—Дневникъ Адама.—Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. С.-П.-Б. и Москва. Съ 44 подх. рисунками. Ц. 90 к.

Маркъ Твенъ пользуется самой широкой извѣстностью юмориста не только на свой роднѣ, но и повсюду. Между тѣмъ юморъ этого писателя далеко не отличается тонкостью, а остроты—разборчивостью, какъ, на примѣръ, поговорка съ каштанами въ разбираемой книжкѣ. Американцы—народъ особенный. Вѣчно занятые своими дѣлами, они удѣляютъ развлечениямъ мало времени, и потому имъ некогда отыскивать въ книгѣ аттическую соль и артистически смаковать ее. Въ буфѣ и за веселой книгой янки любятъ засмѣяться сразу и притомъ всѣмъ животомъ для лучшаго пищеваренія и они не очень-то требовательны къ тому, что будетъ вызывать въ нихъ этотъ смѣхъ. Отсюда становится понятнымъ успѣхъ Марка Твена. Книжка „Дневникъ Адама“ какъ разъ подтверждаетъ высказанное мнѣнiе, ибо въ ней шаржи далеко не отличаются тонкостью. Но съ внѣшней стороны книжка издана хорошо, какъ и все, что издается Вольфомъ.

А. Чумакъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Зампчательные мыслители всѣхъ временъ и народовъ. Собралъ Л. Толстой. 5 вып. (Богъ.—Свобода.—Божественная природа души.—Разумъ.—Единеніе.) —Нашъ ягодный садикъ. Сост. Е. Ельманова.—Нашъ огорождъ. Бя же. —Нашъ плодový садикъ.—Бя же.

Журнальное обозрѣніе.

Національный

Норвежскій композиторъ.

Edvard Grieg.

(ЭДУАРДЪ ГРИГЪ. Очеркъ А. Давидова. — „Совр. Міръ“).

Едва ли найдется въ Европѣ другой народъ, у котораго была бы такъ ярко выражена любовь ко всему національному, какъ у норвежцевъ.

Цѣлыхъ 400 лѣтъ они были поработаны датчанами и находились подъ вліяніемъ чуждой культуры; но они не восприняли ея и свой національный обликъ и характеръ сохранили въ полной неприкосновенности. Національно-народное творчество нашло себѣ достойнаго и талантливаго выразителя въ лицѣ недавно скончавшагося норвежскаго композитора — Эдуарда Грига, создавшаго въ своемъ отечествѣ цѣлую школу своихъ послѣдователей. Онъ родился въ 1843 г. 15 іюня въ небольшомъ норвежскомъ городѣ — Бергенѣ, у мѣстнаго торговца Грига, исполнявшаго обязанности англійскаго консула, т. к. онъ происходилъ изъ англійскихъ выходцевъ. Мать же его была коренная норвежка изъ фамиліи Хагерупъ. Она была прекрасной музыкантшей и даже принимала участіе въ концертахъ въ родномъ городѣ. Сынъ отъ нея и унаслѣдовалъ дарованіе. Будучи еще 5-лѣтнимъ ребенкомъ, маленькій Эдди по долгу сидѣлъ за роялемъ, подбирая терціи, что доставляло ему большое удовольствіе. Когда же онъ находилъ цѣлый аккордъ, то мальчикъ приходилъ въ полное восхищеніе. Видя такую любовь къ музыкѣ, мать занялась обученіемъ ея сына, строго относясь къ занятіямъ и не позволяя мальчику мечтать за роялемъ.

Одновременно съ занятіями музыкой началось и школьное ученіе, такъ же мало привлекавшее Эдуарда, какъ и скучные экзерсисы. Виною тому была не только нѣжная, мечтательная натура мальчика, но и дурно поставленная система воспитанія, о чемъ Григъ воослѣдствіи вспоминалъ съ отвращеніемъ. На впечатлительнаго ребенка въ особенности повліялъ слѣдующій случай: когда ему было 13 лѣтъ, то онъ составилъ ор. I „Варіаціи на нѣмецкую тему для фортепіано“. Тщательно переписавъ свое сочиненіе въ чистенькую тетрадку, авторъ съ гор-

достью понесъ его въ школу, чтобы тамъ показать товарищамъ и учителю. Результатъ однако получился самый неожиданный: велѣдъ за мимолетнымъ торжествомъ послѣдовала неожиданная трепка со стороны учителя со строгимъ внушеніемъ:

— Лучше держи въ порядкѣ свой нѣмецкій словарь, а эту дрянъ оставляй дома!

Неизвѣстно, что бы вышло, если бы Григъ не встрѣтился съ однимъ лейтенантомъ-любителемъ, заинтересовавшимся даровитымъ мальчикомъ и оказавшимъ послѣднему дружескую поддержку.

Шло время и талантъ Эдуарда развивался. Когда Григу исполнилось 15 лѣтъ, его родителей посѣтилъ вернувшійся съ концертовъ изъ Америки норвежскій композиторъ Оле Буль и, прослушавъ игру Эдуарда, сказалъ:

— Теперь ты долженъ поѣхать въ Лейпцигъ и стать музыкантомъ.

Это рѣшило судьбу Грига. Онъ немедленно послѣдовалъ совѣту Оле Буля и покинулъ родительскій кровъ. Но Лейпцигъ встрѣтилъ его сразу далеко не дружелюбно: тамъ Эдуардъ перенесъ плевать въ такой тяжелой формѣ, что онъ оставилъ свои слѣды въ организмѣ на всю жизнь; кромѣ того консерваторія, въ которую вступилъ Григъ, вовсе не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ. Консерваторія, основанная Мендельсономъ на строго классическихъ и консервативныхъ началахъ, поддерживала свою славу такими блестящими сподвижниками, какъ Шуманъ, Хиллеръ, Гаде, Рисъ, Гауптманъ, Фердинандъ Давидъ и др. Но у ихъ преемниковъ классицизмъ не замедлилъ превратиться въ схоластику и рутину, стала преслѣдоваться форма, а не духъ, и все, что не отвѣчало принятымъ образцамъ, строго осуждалось. Мендельсонъ гостеприимно растворялъ двери Гевандхауза чуждымъ по духу творчества Листу и Берліозу, тогда какъ позднѣе даже невинный Шпоръ былъ взятъ строгими теоретиками лейпцигскими „подъ подозрѣніе“.

Немудрено, что Григъ сразу же почувствовалъ себя здѣсь очень худо. Къ тому же его испугалъ его первый педагогъ — Плиди, отъ котораго однако Григу удалось избавиться переходомъ къ „самому“ Мошелесу, научившему юношу любить и понимать Бетховена.

Хуже дѣло обстояло съ теоріей композиціи у Э. Рихтера, считавшаго, что важнѣе правильное рѣшеніе музыкальныхъ задачъ, чѣмъ сочиненіе хорошей музыки. Рихтеръ долго держалъ Грига на строгомъ контрапунктѣ, который въ задачахъ звучитъ такъ не эстетично... Григъ же чувствовалъ, что прежде правилъ должна стоять музыкальная красота, и его яркое дарованіе билось въ тѣняхъ мертвого педантизма и просилось наружу. Особенно ему приходилось тяжело въ классахъ гармоніи. Впослѣдствіи онъ такъ умѣлъ очаровывать и ослѣплять своими хроматическими послѣдованіями.

Еще хуже дѣло пошло у Рейнеке (теорія композиціи), этого вѣрнаго ученика традицій старой школы. Онъ задалъ Григу написать квартетъ для струнныхъ инструментовъ—одинъ изъ самыхъ трудныхъ видовъ композиціи, требующій яснаго пониманія техники и формъ данныхъ инструментовъ. Григъ сначала опѣшилъ, но затѣмъ удачно справился со своей задачей. И лишь Ф. Давидъ отсовѣтывалъ публично исполнить „эту музыку будущаго“. Затѣмъ Григу задали написать увертюру, изъ которой у него впрочемъ ничего не вышло, но несостоятельность заставила только Эдуарда сильнѣе налечь на занятія.

— Изъ консерваторіи я вышелъ такимъ же дуракомъ, какимъ и вошелъ въ нее,—говоритъ авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Однако это не помѣшало Григу съ успѣхомъ сдать экзамены—въ 1862

г.—гдѣ впервые онъ дебютировалъ передъ большою публикою какъ композиторъ и пианистъ нѣсколькими пьесами своего сочиненія. Самъ Григъ, отличавшійся всегда большою скромностью, окрестилъ ихъ словомъ: незрѣлыя, хотя онѣ и носятъ на себѣ отпечатокъ дарованія автора.

Въ музыкѣ почти все было достигнуто Григомъ самостоятельнымъ трудомъ. Школа же дала ему только тотъ фундаментъ, по которому онъ уже всю жизнь шель къ намѣченной цѣли. Такимъ образомъ онъ оказался хорошо подготовленнымъ для самостоятельной работы. Но нелѣное преподаваніе теоріи композиціи лишило его той техники, которой часто обладаетъ средній композиторъ. Это онъ самъ чувствовалъ, но уже не могъ исправить ошибки. Лейпцигъ онъ покинулъ безъ особаго сожалѣнія. Годъ спустя, когда онъ пріѣхалъ въ Данію, съ глазъ его точно спала какая-то пелена,—по его собственному призванію:— „и моему изумленному взору предсталъ цѣлый міръ красотъ, скрытый отъ меня ранѣе. Я узналъ самого себя и съ величайшей легкостью поборолъ всѣ трудности, которыя въ Лейпцигѣ казались мнѣ непреодолимыми. Освобожденная фантазія создавала одно произведеніе за другимъ.“ Вѣроятно, этому помогли встрѣчи съ Гаде и Гартманомъ—датскими композиторами, а также съ Нордраакомъ—пламеннымъ норвежскимъ патріотомъ и большимъ энтузіастомъ. Онъ заставилъ Грига полюбить народныя пѣсни. Оба они заключили союзъ противъ „женственного скандинавизма“ въ духѣ Гаде и Мендельсона и основали истинную скандинавскую школу, во главѣ которой и сталъ Григъ, собравшій вокругъ себя молодыхъ норвежскихъ музыкантовъ. Сначала Г. поселился въ Христианіи, а потомъ переѣхалъ въ собственную виллу близъ родного Бергена, которую онъ покидалъ лишь для концертныхъ турне по Европѣ въ качествѣ композитора, пианиста и дирижера. Его очень любили и въ Англій, гдѣ Кембриджскій университетъ поднесъ ему докторскій дипломъ. Его дѣятельность на родинѣ была такъ велика и плодотворна, что уже въ 1872 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ національно-музыкальной академіи, а два года позднѣе парламентъ назначилъ ему пенсію. Около этого времени онъ женился на Нинѣ Хагерупъ, неподражаемой исполнительницѣ его романсовъ, и повелъ тихую, мирную семейную жизнь, весь отдавшій любимому искусству... Подъ влияніемъ народнаго творчества, его собственное творчество какъ бы выкристаллизовалось и на всю жизнь сохранило однородную форму. Та неувѣренность, которая слышится въ его первыхъ произведеніяхъ, совершенно исчезаетъ съ ор. 16—фортепіаннаго концерта—откуда Григъ вступаетъ на самостоятельный уже путь. И все значеніе Грига покоится несомнѣнно на національномъ направленіи всей его дѣятельности. Онъ сдѣлался не только отцомъ націонал. норвежск. школы, но съ ея перлами народной музыки познакомилъ и Европу. Для нац. народнаго творчества въ Норвегіи онъ является тѣмъ же, чѣмъ у насъ Глинка. Народное музыкальное творчество тамъ очень интересно, какъ по своеобразной красотѣ мелодіи и ритма, такъ и по структурѣ, свидѣтельствующей, что оно пришло изъ глубокой древности. Особенно характерными являются танцы, пріобрѣтающіе еще до сихъ поръ въ иныхъ мѣстахъ релігіозный оттѣнокъ, составляя подчасъ даже часть обряда, такъ какъ въ нихъ принимаетъ участіе самъ священнослужитель въ полномъ облаченіи. Это не возвращеніе къ первоначальному значенію танца, а только сохраненіе въ первоначальномъ видѣ преданія давно минувшихъ вѣковъ. Быть-можетъ, отъ этого зависитъ и строгій регламентъ самихъ танцевъ, часто очень сложный. Въ аккомпанементахъ Грига часто слышатся звуки старинныхъ инструментовъ: лянглеке—тоже струнный INSTR., хардангерфеле—нѣчто вродѣ скрипки и мн. др.

Норвежскія пѣсни очень разнообразны по содержанію и въ нихъ много

элемента таинственного, сверхъестественнаго. Характеръ мелодіи—тягучій, съ неожиданными ускореніями, иногда переходящій въ речитативъ. Чаще всего встрѣчается ритмъ мазурки. Преобладающій строй—минорный, часто древне-церковный и вся народная музыка подернута дымкой суровой грусти. Даже въ быстрыхъ танцахъ никогда не слышно истиннаго веселья, а скорѣе какая-то дикая радость. Зато въ пѣсняхъ часто трогаютъ обороты глубокіе по своей задумчивой мягкости. Все это цѣликомъ отразилось въ музыкѣ Грига. Онъ былъ поэтъ-лирикъ, и почти никогда ему не удавалось достигнуть высоты трагизма или ширины настоящей страсти, качествъ, способныхъ покорить толпу. Зато народъ призналъ его своимъ, его знала и любила вся Норвегія и шумно выражала ему знаки своего почтѣнія, хотя скромный композиторъ никогда не искалъ себѣ славы. Чуждый эффектовъ, полный мечтательно-таинственныхъ, часто суровыхъ, но всегда интимныхъ мыслей, казалось, онъ работалъ только для избраннаго кружка тонко чувствующихъ музыку людей. Онъ чуждался оркестра. У него нѣтъ ни симфоніи, ни оперы. Одна увертюра, 2-3 оркестровыхъ сюиты, музыка къ одной драмѣ, танцы—вотъ все, что написано для оркестра. Вещей камерныхъ у него всего 5. Главнымъ же образомъ онъ писалъ пьесы для фортепіано и романсы для голоса. Все же когда Григъ появлялся на родинѣ въ общественныхъ мѣстахъ, публика его привѣтствовала. Когда онъ входилъ въ качествѣ простаго слушателя въ концертный залъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вставали, а когда его хоронили въ Бергенѣ, за его гробомъ шла 40-тысячная толпа. Это потому, что его музой была муза Скандинавіи, и въ этомъ была его сила.

Совершенно ясная и понятная музыка Грига его соотечественникамъ не всегда бываетъ понятна другимъ. Такъ, напр., у него есть пьеса „Перезвонъ“, съ дикой и разнузданной вакханаліей чистыхъ квинтъ. Одна піанистка, концертировавшая въ Норвегіи, рассказывала, что на ея недоумѣніе мѣстные жители отвѣчали:

— Если бы вы слытали въ горахъ, какъ перекликаются наши церкви по вечерамъ, то вы поняли бы и оцѣнили это произведение.

Зато всѣ произведенія Грига подкупаютъ искренностію вдохновенія, чуждаго всякой претенціозности или желанія быть глубокомысленнымъ. И только этимъ свойствомъ и можно объяснить громадную популяреность Грига въ Европѣ и у насъ.

Чайковскій такъ рисуетъ намъ внѣшность Э. Грига:

„Въ комнату вошелъ очень маленькаго роста человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма щедущей комплекціи, съ плечами очень неравномѣрной высоты, съ высоко взбитыми бѣлоклыми кудрями на головѣ и очень рѣдкой почти юношеской бородкой и усами. Черты лица этого человѣка, наружность котораго почему-то сразу привлекла мою симпатію, не имѣетъ ничего выдающагося, ибо ихъ нельзя назвать ни красивыми, ни правильными; зато у него привлекательные глаза, неотразимо чарующаго созвѣстна, напоминающіе взглядъ невнятнаго, прелестнаго ребенка. Я былъ до глубины души обрадованъ, когда, по взаимномъ представленіи насъ одного другому, раскрылось, что носитель этой безотчетно для меня симпатичной внѣшности оказался музыкантомъ, глубоко прочувствованные звуки котораго давно уже покорили мое сердце.“

То былъ Эдуардъ Григъ.

А. Никитина.

Журнальныя замѣтки.

Поэзия „желтаго дома“.—Изъ „переводной“ поэзии.—Еще „дрова“.

Физиономія нашихъ ежемѣсячниковъ очень измѣнилась за исключеніемъ „Историч. Вѣстника“ и *отчасти* „В. Евровы“. Нашъ академическій журналъ не могъ не похвалить развязнаго г. Чуковского и не дерзнулъ съ необходимой рѣзкостью „оборвать“ поэтовъ „желтаго дома“*). Это — стало-быть, уступка „теченію“. Но если „В. Евр.“ только дѣлаетъ уступку, то „Образованіе“ широко открываетъ свои страницы поэзіи обитателей „желтаго дома“ и помѣщаетъ критическія упражненія, которыя въ прежнее, *здоровое* время попали бы только въ редакціонную корзину. Позвольте представить вамъ образецъ той чепухи, которою снабжаетъ Ѳ. Сологубъ журналъ Ал. Острогорскаго (пустъ читатели не смѣшиваютъ г. Острогорскаго, изд. „Образованія“, съ А. Н. Острогорскимъ — почтеннымъ ветераномъ-педагогомъ, редакторомъ военно-педагог. Сборника).

Быть простымъ, одинокамъ,
 Навсегда иль надолго уйти отъ людей,
 Любоваться лишь небомъ высокимъ,
 Лепетаніе слушать вѣтвей,
 Выходить на лѣсныя дороги
 Безъ казны золотой, безъ сапогъ,
 Позабыть городскіе чертоги—
 И толпу надоѣдливыхъ темныхъ тревогъ.
 Но на всякой тропинкѣ
 Кто-нибудь да идетъ—
 И въ рукахъ и въ корзинкѣ
 Что-нибудь да несетъ... и т. д. и т. д.

Это пишетъ Сологубъ. Блокъ не уступаетъ ему и несетъ тоже ахиною. А Бальмонтъ добавляетъ:

Я устремляю всѣ мысли мои на мысль одну—
 И размышляю глубоко.
 Весна золотую продлила струну,
 И солнце раскрыло широкое око.
 Но гдѣ бы мнѣ нѣсколько встрѣтить цвѣтковь,
 Душистыхъ цвѣтныхъ лепестковъ?
 Кого бы спросить?
 Колибри блестящую?
 Птицу жужжащую?
 Живой изумрудъ?
 Онъ тутъ...

Давъ мѣсто произведеніямъ обитателей дома умалишенныхъ, редакція „Образованія“ любезно открываетъ страницы своего журнала и слѣд. замѣчательнымъ

*) Одинъ изъ нихъ, г. Бальмонтъ, даже печатается въ „В. Евр.“

строкамъ нѣкоего *критика*: „наивнымъ и жалкимъ самообманомъ было бы полагать, что они (Блокъ, Сологубъ, Бальмонтъ и др. имъ подобные) оцѣнены именно за ту ихъ глубину, за то ихъ благородное священнодѣйствіе“... и т. д. Это въ бредѣ-то умалишенныхъ—глубина? *Критикъ* продолжаетъ: „когда большой волной симпатій и родственностью идей и чувствъ вынесень на верхъ *слабый лирикъ* Надсонъ... его популярность понятна. Онъ былъ по росту читателю“.

Прекрасно! Но что же нынѣ за читатели, если имъ по росту поэты „желтаго дома“ и декаденты-психопаты? И какъ можно рѣшиться на сопоставленіе кристально чистаго Надсона съ... Сологубомъ! Это прямо оскорбленіе памяти юноши-поэта, жегшаго сердца и будившаго лучшаго чувства въ нихъ своимъ музыкальнымъ стихомъ, тогда какъ нынѣшніе сологубистые бальмонисты восхваляютъ самыя низменныя вождѣнія и босачество, гордое своимъ убожествомъ. Критикъ идетъ далѣе и находитъ, что даръ гг. Блока, Сологуба etc. даръ высшей культуры (сравнительно съ Надсономъ). Вотъ уже именно поэты по росту критику! О, кто думалъ, что поэзію Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Полонскаго, Майкова, гр. А. Толстого... смѣнить грязный бредъ *поэтовъ* „желтаго дома“, а критику Бѣлинскаго, Ап. Григорьева—критика, которая будетъ находить въ безумномъ бредѣ глубину мысли и „благородное творчество“, *что-то* такое, что „впитано изъ ныхъ могущественныхъ культур!“

Нѣтъ, журналу г. Острогорскаго слѣдуетъ называться не „Образованіемъ“, а „Безобразіемъ“. Это болѣе къ лицу.

* * *

Одинъ изъ поэтовъ, смѣясь, говорилъ: „я нарочно называю свои стихотворенія переводными: тогда печатаютъ и то, что было бы забракковано“.

Эти слова неволью припомнились мнѣ, когда я читалъ переводные стихи въ майской книжкѣ „В. Европы“. Они дѣйствительно переводные, но взяты, очевидно, именно только потому, что они переводные.

Вотъ вамъ стихи Прюдома въ переводѣ нѣкоего С. Пинуса:

Когда бъ я Богомъ былъ, мы *были бъ* чище *млкъ*;
 Не гаснулъ бы во вѣкъ любви *волшебный пылъ*;
 Глаза бы слезы радости лишь *млм*,
 Когда бъ я Богомъ былъ... и т. д.

Нѣтъ нужды выписывать далѣе. Все стихотвореніе глупо по мысли и скверно переведено (вотъ гдѣ подходитъ выраженіе юмориста: „переперъ съ иностраннаго“). Нельзя не удивляться, что такіе стихи печатаются въ академически-серьезномъ журналѣ. Говорятъ иногда: форма плоха, но хороша мысль. Въ сущности это не оправданіе. Но здѣсь и ему нѣтъ мѣста; ни формы (говорю о переводѣ), ни мысли.

Старая поэтесса г-жа Чюмина—присяжная переводчица „В. Европы“. И вотъ она переводитъ Блюггена, который, по ея словамъ, отличается своими стихами изъ дѣтской жизни. Что же это за стихи? А вотъ:

Тихо, такъ тихо. Ужъ полночь давно.
 Запахъ сирени струится въ окно;

Нахнеть цвѣтами *задумчиво-нѣжно*:
 Спи же, малютка, засни безмятежно!
 Спрячь, не высовывай ножку, Лизокъ!
 Мѣсяць, гляди, огибаеть лѣсокъ.
 Мѣсяць разскажетъ, свѣта на дорожку:
 Видѣлъ онъ Лизину голую ножку.
 Вѣтру разскажетъ лѣсокъ на зарѣ,
 Птички узнають и котъ во дворѣ,
 Станеть шептаться съ цвѣточкомъ цвѣточекъ:
 — Знаешь, брыкается ножкой Лизочекъ.

Такими-то стихами замѣчательнъ Блютгенъ? Переводъ плохой (пахнуть *задумчиво* нельзя), а содержаніе... по содержанію стихи пригодны для „Зад. Слова“ или для „Свѣтлячка“. Всего пригоднѣе они для „Малютки“. Но какъ они могли попасть въ „В. Евropy“? Или онъ имѣеть желаніе превратиться въ изданіе для дѣтей младшаго возраста?

Въ той же книжкѣ „В. Евр.“ есть еще переводъ г. Лихачева.

Не дереву ль подобенъ человекъ?
 Чтобъ жизненныя бури не сломали
 Его и не лишили силъ до срока,
 Пустить онъ также долженъ въ землю корни
 И твердую опору въ ней найти.
 Какъ дерево, однако же, корнями
Лишь для того цѣпляется за землю,
 Чтобъ гордо вознести верхушку къ небу,
 Такъ служить почва жизни человекъ
Лишь средствомъ возноситься головою
 Къ свободному лазурному пространству;
 Какъ ясные глаза цвѣтовъ древесныхъ
 Упорно ищуть солнечнаго свѣта,
 Такъ человекъ, въ исканьи непрестанномъ,
 Крыломъ души касаться неба долженъ;
 Стремленье *лишь* насъ къ солнцу приближаеъ—
 Плодъ золотой *лишь* зрѣеть на свѣту!

По содержанію стихи ничего собою не представляютъ. А форма прямо прозаически-деревянная. Одни эти „*лишь*“ на каждомъ шагѣ—убійственны. Они, очевидно, только для размѣра. Въ одномъ мѣстѣ они прямо искажаютъ мысль.

„Плодъ золотой *лишь* зрѣеть на свѣту“.

Какъ такъ „*лишь* зрѣеть“! А цвѣтеть не на свѣту, но во тьмѣ? Очевидно, надо было сказать такъ: плодъ золотой зрѣеть *лишь* на свѣту... Переводчикъ не справился со стихомъ и ткнулъ слово „*лишь*“ куда попало. Такая небрежность не къ лицу премированному переводчику.

* * *

Въ прошлой книжкѣ „Дн. Пис.“ были приведены такіе стихи изъ апр. № „Христианина“, которые одинъ редакторъ окрестилъ „дровами“. „Дровъ“ не мало

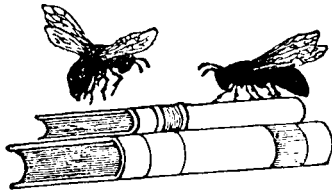
и въ майской книжкѣ почтеннаго журнала. Онъ, очевидно, не желаетъ слушать добрыхъ дружескихъ совѣтовъ. Помѣщаемъ цѣликомъ стихотвореніе нѣкогого А. Р. (одно изъ многихъ):

Я бѣ хотѣлъ въ міръ обмана, наживы,
 Въ мракъ глубокой пороковъ и зла,
 Чтобъ проникъ лучъ отрадный порыва
 Къ идеаламъ священнымъ добра.
 Я бѣ хотѣлъ озлобленныхъ собратій
 Отъ пороковъ глубокихъ изъять
 И отъ пагубныхъ дѣлъ предначатій
 Въ царство истины путь указать.
 Чтобъ тому, кто въ житейской дорогѣ
 Вѣкъ бредеть въ темнотѣ, какъ въ ночи,
 Безъ понятій о правдѣ, о Богѣ
 Пролить свѣта Христова лучи;
 Кто, въ борьбѣ здѣсь страдая неравной,
 Головой утомленной поникъ,
 Кто, душой изнывая въ безславьи,
 Клонить къ долу болѣзненный ликъ;
 Я бѣ хотѣлъ къ этимъ людямъ несчастнымъ,
 Позабытымъ въ житейскомъ пиру,
 Поспѣшить—и горячимъ участиемъ
 Обогрѣть ихъ въ холодномъ міру.
 Вдохновить въ ихъ сердца упованье,
 Въ духъ упавшій отраду вселить
 И елеемъ святымъ состраданья
 Скорбь больной ихъ души исцѣлить.

Отмѣчать плохія рифмы, неудачныя выраженія, почти безграмотность просто не хочется. Стихотвореніе цѣликомъ годно только для редакціонной корзины. Подобныхъ „позтовъ“ именно хочется „изъять“ изъ литературы. Намъ положительно удивляетъ редація „Христіанина, подносящая читателямъ такія вирши. Всякому непониманію и безвкусію есть предѣлы.

Левъ Гончаревскій.

Бесѣда.

I.

Воинъ мирной арміи.

Писатель-воинъ. Онъ воинъ мирной арміи, защитникъ обиженныхъ, угнетенныхъ, борецъ за свѣтъ и правду. Многіе выдвинутъ непременно „но“. Я долженъ предупредить ихъ. Говоря о писателѣ, какъ воинѣ мирной арміи, я имѣю въ виду честнаго, стойкаго и безупречнаго борца за благо родины. Есть „печальныя исключенія“, торговцы мыслию, измѣнники народа, карьеристы и трусы. Но эти „печальныя исключенія“ есть во всякой арміи. Однако, кто же имѣетъ ихъ въ виду, когда говорится о доблестныхъ защитникахъ отечества, умирающихъ на полѣ битвы!

Я хочу поговорить о томъ воинѣ мирной арміи, который стойко борется, честно умираетъ въ бою съ неправдою.

Да, этимъ мирнымъ ратникамъ родина обязана многимъ; она обязана имъ прогрессомъ, тѣми лучами свѣта, которые проникаютъ въ подвалы, въ трущобы, въ дѣбри и освѣщаютъ собою жизнь, согрѣваютъ сердца, оживляютъ умы, поднимаютъ духъ. Друзья народа, они посвящаютъ всю свою жизнь проповѣди великихъ святыхъ истинъ и умираютъ за нихъ на своемъ посту. Каждый шагъ впередъ — результатъ ихъ работы, ихъ побѣды... Каждая пядь земли, отвоеванная у тьмы — куплена цѣною ихъ душевныхъ и физическихъ страданій, которыя понятны только тому, кто борется перомъ во имя народнаго блага. Народное благо, т. е. благо родины — и есть та твердыня, которую защищаетъ съ перомъ въ рукахъ писатель, какого бы чина и ранга онъ ни былъ. Его сердце усиленно бьется любовью къ родинѣ, ибо это сердце — чуткое до болѣзненности — полно самой горячей, самой ревливой, самой отзывчивой и дѣятельной любви къ родинѣ! Что же какъ не эта любовь заставляетъ стать въ ряды мирной арміи? Въ ратники мысли и слова никогда не вербовали рекрутовъ силой; на службу шли добровольцы, сознавая всю тяжесть, всю отвѣтственность своей службы. Развѣ не кровью сердца писалъ Пушкинъ, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ?

Развѣ не клалъ частицы жизни въ каждое свое произведение Бѣлинскій? Не умеръ какъ воинъ на посту авторъ „Темнаго Царства“? Не мужественно перенесъ свои страданія Чернышевскій? Дѣло не въ платформѣ, а въ силѣ духа, въ качествѣ служенія.

„Писатель не жертвуетъ жизнію за благо родной страны“,— говорятъ иные.

Какъ такъ?

Но развѣ не сгораетъ его жизнь въ этой безсмѣнной борьбѣ, въ этихъ волненіяхъ, въ этой трепетной тревогѣ, въ этомъ каторжномъ трудѣ? Всякой войнѣ, всякой осадѣ бываетъ конецъ, за борьбой слѣдуетъ миръ, настаетъ триумфъ побѣдителя, отдыхъ для сражавшихся. Ратникъ печати не знаетъ его. Его борьбѣ не видно конца, онъ не можетъ, не смѣетъ положить оружія, отойти отъ руля и всю жизнь стоитъ безсмѣннымъ часовымъ, по каплямъ отдавая кровь своего сердца родинѣ, принося на жертву ей силы, знаніе, талантъ, молодость, часто свои личныя симпатіи и привязанности. „Еще два года такой жизни“,— писалъ одинъ редакторъ, самолично ведущій корабль между шхерами,— „и я заболѣю или ни на что не буду способенъ. И это не фраза. „Тяжела ты шапка Мономаха!“ Можно смѣло сказать: „Тяжела ты доля писателя!“ Тяжелъ крестъ, который несетъ свободный жрецъ свободной мысли!

Тотъ страшный крестъ: все знать, все чувствовать.

Согбеннаго въ ярмѣ съ безуміемъ любить,

Душою пламенной страдать и ненавидѣть,

Сгорать желаніемъ потемки освѣтить,

и сознавать, съ болью сознавать, что далеко, безконечно далеко утро, когда взойдетъ солнце правды и засіяетъ надъ землею... А пока еще

... жалкому кроту отраденъ сумракъ норъ,

И не даны ему свободной птицы крылья,

Чтобъ видѣть Божій міръ съ вершинъ гигантскихъ горъ.

Не легка такая битва и, дѣйствительно, мѣсяць такой борьбы стоитъ простого года, года той обывательской жизни, гдѣ все держится на бабушкиныхъ принципахъ: „моя изба съ краю, я ничего не знаю“, „знайка по дорожкѣ бѣжить, а незнайка на печкѣ лежить“, и, наконецъ, „такъ приказано... не могу знать-съ!“

Положеніе солдата куда лучше положенія ратника мирной арміи и въ другомъ отношеніи. Солдатъ бьется съ явнымъ врагомъ, грудью идущимъ на него. У писателя—тьма враговъ, бьющихъ его изъ-за угла. Солдата всѣ встрѣчаютъ одобреніемъ, его ждетъ награда за подвиги. Писатель, по большей части, слышитъ крики злобной вражды, встрѣчаетъ неблагодарность. Даже тѣ, за чьи интересы бьется онъ, не всегда являются его друзьями. А это соннице темныхъ силъ, съ которыми бьется ратникъ печати? Все шипитъ, клеветничаетъ, инсинуируетъ, гро-

зять легальной и нелегальной оплатой, и отравляетъ каждый день, каждый часъ жизни! А когда писатель, вполне разбитый и покрытый ранами, выходитъ въ отставку — что получаетъ онъ въ награду отъ общества, за интересы котораго бился всю жизнь? Только — право умереть на чердакѣ или подъ заборомъ. Помните списокъ этихъ ратниковъ печати, умершихъ безъ призора, на больничной койкѣ...

Списокъ не малъ!

II.

Лавровый вѣнокъ.

Это было давно, давно.

Стоялъ морозный день... Искристою парчею лежалъ снѣгъ на улицахъ столицы... Газовый свѣтъ заливалъ Невскій, который такъ хорошъ зимою, вечеромъ, при яркомъ освѣщеніи. На темно-синемъ небѣ разсыпались мириады звѣздъ... Воздухъ былъ свѣжъ... Дышалось бодро и весело было на сердцѣ...

Жизнь была ключомъ на Невскомъ... Неслись одиночныя и парныя сани, разрѣзывая снѣгъ полозьями; слышались звонки конокъ... Голоса и неясный гулъ несея отовсюду.

Звѣзды на небѣ мигали, сіяя... И грезы волновали мое сердце...

Я былъ тогда очень молодъ!

Чье сердце не полно грезъ и несбыточныхъ мечтаній въ юные годы? Кому, кромѣ несчастнаго и большого человѣка, въ эти годы извѣстны хандра и сомнѣнія? Много лѣтъ прошло, но и до сихъ поръ воспоминаніе о золотой порѣ заставляетъ трепетно биться мое сердце, и я снова чувствую себя бодрымъ и крѣпкимъ, какъ будто мнѣ снова всего двадцать лѣтъ!..

Но продолжаю разсказъ.

Стоялъ зимній вечеръ.

Мы ѣхали въ Маріинскій театръ, въ оперу.

Мы — это: я и землячка — студентка, которая работала серьезно въ анатомическомъ театрѣ и не потеряла женственности...

Въ Маріинскомъ шла опера „Жизнь за Царя“.

Театръ былъ полонъ. Мы попали въ антрактъ. Въ большомъ залѣ толпилась публика. Тутъ были и роскошныя дамы, и франты-денди, и изящные подростки — будущія покорительницы сердець.

Моя спутница съ привѣтливой улыбкой кивнула кому-то головой.

— Кому это? — спросилъ я.

— Левину.

— Кто онъ такой?

— Вы не знаете Левина? — удивленно спросила она.

— Неужели это *тотъ*?

— Да, онъ!

Мы поняли другъ друга.

Это былъ Левинъ, звѣзда, ярко блестящая на журнальномъ горизонтѣ.

— Развѣ вы съ нимъ знакомы?

— О, да! Я познакомилась съ нимъ въ прошломъ году... Хотите, я познакомлю и васъ?

Станный вопросъ: „хотите ли“? Быть знакомымъ съ тѣмъ, чье имя переходить изъ устъ въ уста и гремѣть по всей Россіи, — развѣ это не счастье?

— О, конечно, конечно! — отвѣтилъ я.

— Хорошо!

Въ слѣдующій антрактъ она подвела меня къ нему и представила.

Онъ встрѣтилъ меня съ любезностью джентльмена и съ той привѣтливостью, которая такъ свойственна писателямъ вымирающей формаціи.

Какъ онъ былъ замѣчательно красивъ!

Или — нѣтъ!

Скорѣе — замѣчательно симпатиченъ и величественно прекрасенъ!

Что-то благородное и смѣлое виднѣлось въ каждой чертѣ лица, въ глубокомъ, немного лукавомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи.

Да, это былъ настоящий писатель и по виду! Чувствовалось, что его нельзя принять въ передней, заставить подавать галоши, быть на побѣгушкахъ или, ради пятачка, ругать кого угодно по приказу хозяина.

Это былъ достойный представитель печатнаго слова и свободной мысли.

Мы обмѣнялись незначительными фразами и разстались, такъ какъ начинался уже новый актъ.

Въ слѣдующій антрактъ я неотступно слѣдилъ глазами за Левинымъ. Какъ онъ гордо несъ свою голову, что ему не мѣшало, однако, привѣтливо и дружески раскланиваться со всѣми!

А его окружало всеобщее вниманіе. Ему многіе кланялись съ заискивающимъ видомъ. Замѣтно, его вниманіемъ дорожили. Около него вертѣлись разные чловѣчки, гордые уже тѣмъ только, что они разговариваютъ съ Левинымъ. Его фамилія нѣсколько разъ громко произносилась въ публикѣ. Дамы замѣчали съ восхищеніемъ:

— Какъ красивъ!

— Какъ хорошъ!

— Какая благородная осанка!

— Это, дѣйствительно, левъ!

Я смотрѣлъ на него и мое сердце билось чистою радостью и гордыми надеждами... О, если бы, если бы!..

Не улыбайтесь, читатель: мнѣ тогда было съ небольшимъ

двадцать лѣтъ! А въ эти годы лучше мечтать о славѣ, нежели о ключѣ кассира или интендантскомъ мундирѣ.

Мнѣ не пришлось вскорѣ увидѣться съ Левинымъ.

Я уѣхалъ изъ Петербурга и ровно десять лѣтъ не возвращался въ него. Скитаясь по Россіи, кидаемый обстоятельствами и капризами судьбы, я вездѣ съ любопытствомъ наблюдалъ комедію, называемую человѣческой жизнію, то граничащую съ водевилемъ, то переходящую въ драму.

Послѣ долгихъ странствованій я вернулся въ Петербургъ.

Онъ встрѣтилъ меня слякотью и сыростью, которая пронизываетъ до костей.

Десять лѣтъ, какъ бы скоро ни летѣло время, огромный срокъ въ человѣческой жизни.

Живя внѣ Петербурга, я мало съ кѣмъ переписывался изъ старыхъ знакомыхъ и даже, такъ называемыхъ, друзей, лѣнивыхъ на отвѣты. Обыкновенно уже случается такъ, что коль скоро ты уѣзжаешь, о тебѣ начинаютъ забывать и тѣ самые люди, которые на первыхъ порахъ „чувствуютъ безъ тебя пустоту“, черезъ полгода же лѣнятся отвѣтить двумя строчками на длинное письмо.

По правдѣ сказать, я не особенно желалъ видѣть всѣхъ этихъ пріятелей, мишурная дружба которыхъ не выдерживаетъ годовой разлуки.

— Зачѣмъ?

Я желалъ только видѣть своего закадычнаго друга и товарища по школѣ, Колю Уланцева, который занималъ скромную роль въ какомъ-то департаментѣ.

Мы переписывались съ нимъ, но и отъ него уже болѣе двухъ мѣсяцевъ я не получалъ отвѣта на свое послѣднее письмо.

— Что такое съ нимъ?

Я направился по старому адресу и узналъ, что Коля умираетъ въ больницѣ.

Я полетѣлъ къ другу.

Не малаго труда стоило мнѣ отыскать ту палату, гдѣ лежалъ Уланцевъ, но наконецъ таки я нашелъ.

Это была большая комната съ семью или восемью кроватями... Все это были уже безнадежные...

Я засталъ фельдшера и сидѣлку у кровати друга.

Онъ лежалъ безъ сознанія, съ закрытыми глазами

— Неужели нѣтъ надежды? — спросилъ я.

— Никакой! Да здѣсь всѣ такіе.

— Всѣ?

— До одного.

Фельдшеръ помолчалъ и обратился къ сидѣлкѣ:

— А что Левинъ?

— Совсѣмъ плохъ.

— Давали лекарство?

— Да, влила.

— Какой Левинъ? — спросилъ я.

— А кто его знаетъ... сочинитель какой-то.

— Какъ? Левинъ здѣсь?.. Этогь...

Я забылъ на мигъ Уланцева и какъ ужаленный привско-
чилъ на мѣстѣ.

— Гдѣ же онъ? Гдѣ?

— Да вотъ у стѣны-то,—показывая рукой, отвѣтилъ фельд-
дшеръ.

На длинной койкѣ — съ короткимъ и жесткимъ соломен-
нымъ матрасомъ, такъ, что ноги уже приходились на деревян-
ныхъ голыхъ доскахъ — лежалъ онъ, Левинъ, бывший...

— Боже, Боже!

Сердце заняло въ груди...

Лицо Левина было искажено страданіемъ. Перекосившееся
отъ паралича, съ полуоткрытымъ ртомъ, оно играло подозритель-
нымъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ. Глаза глубоко ушли въ
свои орбиты и глядѣли оттуда тусклымъ, помутившимся взо-
ромъ. Грудь порывисто дышала, издавая глухой храпъ.

Я глядѣлъ и не вѣрилъ глазамъ.

А сердце ныло, ныло.

Я зналъ изъ газетъ, что онъ заболѣлъ, но чтобы такъ...
и здѣсь!

— Но отчего же онъ не въ отдѣльномъ номерѣ? — обра-
тился я къ сидѣлкѣ.

— Бѣденъ!

— Онъ?

— Почти нищій!

— Бываетъ кто-нибудь?

— Почти никого!

У меня опустились руки.

Никого!.. Нищій!..

А тотъ... а эти счастливые издатели, для обогащенія ко-
торыхъ писалъ онъ лучшею кровью своего сердца? Гдѣ же они?
И что же они?

Я вспомнилъ, что сейчасъ еще, идя сюда, я встрѣтилъ
Раевского, бывшего издателя: онъ несся на парѣ рысаковъ, об-
нявъ рукою талію роскошно одѣтой барыни.

Вѣдь всѣмъ извѣстно, что онъ проживаетъ тысячи.

Тысячи! а тутъ умираетъ его прежній сотрудникъ, умираетъ
на соломѣ!..

„Братья писатели!“

Ха, ха, ха! Братья! Да гдѣ же они, эти братья? Гдѣ? Развѣ
ихъ мало? отчего же они не придутъ сюда къ нему, не сло-
жатся, — они, такъ горько плачущіе о каждой чужой деревен-
ской бабѣ и обиженномъ „мужичкѣ“?

Гдѣ они? Что они дѣлаютъ?

О, у нихъ много дѣла!

Они продолжаютъ свою грызню, сплетничаютъ, служатъ на
заднихъ лапкахъ передъ мѣшкомъ съ золотомъ — издателемъ,
выпившимъ кровь изъ писателя и, какъ выжатый лимонъ, бро-
сившимъ его въ смрадную палату больницы.

И что онъ имъ — этотъ полутрушъ?

Зачѣмъ итти къ нему?

Они заискивали у него, когда онъ былъ въ апогеѣ славы.. а теперь? Теперь нужно гнуть спину передъ другими...

И онъ умретъ на соломѣ, всеми забытый!

Не это ли твой лавровый вѣнокъ — русскій честный писатель?..

Да, это твой вѣнокъ.

Имъ вѣнчаетъ тебя „благодарная Россія“!

Но я слышу замѣчаніе:

— Развѣ всѣ писатели такъ кончаютъ? Особенно нынѣ.. Оклады часто министерскіе..

— У кого? Развѣ у писателей - ратниковъ? Золото загребаютъ „газетчики“, бойкіе фельетонисты, спускающіеся до клоунства или настолько гуттаперчивые, что рястягиваются какъ угодно,—да еще модные беллетристы, спекулирующіе на литературной биржѣ, опираясь на стадность увлекающагося общества. Имъ легко, толкая читателей въ бездну, смѣяться краснымъ смѣхомъ... Фокусники и босяки въ духовномъ отношеніи — они являются тѣмъ вреднымъ элементомъ, который вноситъ разложение въ мирную армію и своимъ успѣхомъ соблазняетъ слабыхъ. Но развѣ я *ихъ* имѣю въ виду? Развѣ они преемники писателей - борцовъ, писателей - страдальцевъ, увлекавшихся, ошибавшихся, но чистыхъ сердцемъ и жаждавшихъ правды?

Между ними и *тьми* — глубокая пропасть!

III.

Побѣда писателя.

Покойный поэтъ Симборскій, который писалъ такіе чудные стихи и котораго такъ мало оцѣнили пока, сказалъ какъ-то мнѣ:

— Я очень люблю музыку, живопись, но я благодаренъ судьбѣ, что я — писатель. Слово самое могучее орудіе и писатель самый сильный боецъ въ просвѣтительной войнѣ.

Это глубоко вѣрно. Писатель самый сильный воинъ той мирной арміи, которая ведетъ борьбу съ невѣжествомъ и мракомъ.

Ни у музыканта, ни у живописца нѣтъ тѣхъ средствъ и такого числа слушателей, какъ у писателя. Писатель можетъ говорить и тѣмъ, которымъ ничего не скажетъ, напримѣръ, художникъ. Картина для многихъ нѣмая и непонятная рукопись. Книга доступна всѣмъ. Словомъ можно сказать все то, чего нельзя изобразить ни кистью, ни музыкой. Картина даетъ впечатлѣніе, музыка настроеніе. Слово все: оно производитъ впечатлѣніе, даетъ настроеніе, волнуетъ, разъясняетъ, развиваетъ.

Возьмите картину Верещагина изъ войны 12-го года и картину гр. Толстого изъ той же войны: несомнѣнно, картина,

нарисованная перомъ, созданная писателемъ, шире, краснорѣчивѣе, яснѣе и убѣдительнѣе. Въ сотый разъ надо повторить, что только достаточно развитой, образованный человѣкъ способенъ понимать мысль художника, что только такому зрителю картина скажетъ то, что хотѣлъ ею сказать живописецъ. Неразвитаго человѣка картина почти ничему не научитъ. Онъ отойдетъ отъ нея съ тѣми же взглядами на все, съ какими и пошелъ. Онъ увидитъ внѣшнее и не пойметъ внутренняго.

Музыка волнуетъ. Отъ нея весело или грустно. Но что можетъ сказать она мысли человѣка, не поднятаго на извѣстную ступень развитія словомъ? Развѣ она способствуетъ усвоенію идей, создаетъ убѣжденія? Можетъ ли она неразвитому слушателю дать новое направленіе мысли? Если онъ низко смотрѣлъ на женщину, то такъ же и будетъ смотрѣть: музыка только на время возбуждаетъ чувство. Масса фактовъ доказываетъ, что грубость души, черствость сердца прекрасно уживаются съ любовью къ музыкѣ въ людяхъ неразвитыхъ!

Вліять въ области мысли и умственнаго совершенствованія сильнѣе художника и музыканта можетъ только слово, и потому писатель сильнѣе всего въ просвѣтительной войнѣ. Его области доступнѣе, шире. Слово писателя поднимаетъ человѣка на извѣстную ступень развитія умственнаго и нравственнаго и уже только затѣмъ ему, то есть писателю, другіе служители искусства являются полезными соратниками въ просвѣтительной борьбѣ. Они тогда становятся вполне доступными. На человѣка, разбуженнаго и подготовленнаго писателемъ, и музыка, и живопись начинаютъ проявлять свое могучее воздѣйствіе, способствуютъ его эстетическому развитію и — силой своихъ впечатлѣній на подготовленный, разбуженный умъ — поддерживаютъ человѣка на должной высотѣ, воспитываютъ въ немъ ту впечатлительную отзывчивость, которая характеризуетъ истинно развитого человѣка.

Картина — это иллюстрація мысли.

Надо, чтобы сначала писатель далъ мысль, направленіе, вызвалъ думу у человѣка, и тогда уже картина своими красками закрѣпитъ и усилитъ мысль.

Слово для всѣхъ ясно и понятно.

Еще Пушкинъ сказалъ:

„Дай Богъ поболѣе журналовъ,
Плодятъ читателей они“...

Каждый новый органъ печати — новый воинъ мирной арміи, ведущей борьбу за просвѣщеніе. И только тогда онъ не лишній, когда онъ именно воинъ этой великой арміи. Онъ долженъ вести впередъ толпу, но не долженъ бѣжать за нею съ услужливой улыбкой: — что прикажите?

Бѣжать за толпой не значитъ служить ей въ качествѣ просвѣтителя, это значитъ только подслуживаться *черни* всѣхъ видовъ. Толпа — это пустая, неразвита женщина, которая требовательна и капризна, и чѣмъ болѣе ей подслуживаются, тѣмъ болѣе она капризничаетъ. Только твердость, властность поко-

ряетъ ее. Поучительна слѣдующая легенда о пѣвцѣ и его возлюбленной.

Пустая женщина была подругою поэта. Она оставила его и ушла къ торговцу шелковыми матеріями. Уходя, она написала поэту: „Съ тобою скучно. Я задыхаюсь на твоихъ небесахъ.“

Шелковая матерія ей была ближе, чѣмъ поэзія.

Побѣждалъ ли поэтъ за женщиной и сказалъ ли ей:

— Вернись, я брошу поэзію и буду торговать шелковыми матеріями.

Нѣтъ!

Онъ остался поэтомъ, остался на своихъ небесахъ, а не сѣлъ за прилавокъ.

Кто же побѣдилъ: женщина, ушедшая къ торговцу, или поэтъ?

Отвѣтъ дало будущее.

Черезъ много лѣтъ послѣ разлуки, поэтъ разъ на улицѣ встрѣтилъ дѣвушку, которая несла книгу его стиховъ. Дѣвушка была въ восторгѣ отъ нихъ. И эта дѣвушка была дочь торговца и той женщины, которая ушла отъ поэта, потому что матерію любила больше поэзіи.

Дѣвушка уже любила поэзію и поэта, потому что его небеса ей были близки и родны, тѣ самыя небеса, на которыхъ ея мать задыхалась отъ скуки.

Такъ долженъ поступать всегда и всякій писатель, какъ воинъ мирной арміи. Онъ не подслуживается, а служитъ, имѣетъ въ виду не только то, что сегодня, но и то, что наступитъ завтра.

А какое завтра—это зависитъ отъ него. Онъ отвѣтственъ за него. И, конечно, свѣтлое завтра наступитъ скорѣе, если всѣ поэты останутся поэтами и воины мирной арміи таковыми, а не станутъ продавать шелковыя матеріи, не сядутъ за прилавокъ винной лавки.

Улица никогда не перейдетъ въ передніе ряды, если писатель будетъ ей подслуживаться, а не служить.

Не *на дно* надо тащить читателя, а *на вершину*. Это задача серьезнаго органа печати, задача писателя.

Но этого не хотѣть иногда понимать тѣ, которые считаютъ себя „лучшими людьми, солью земли“.

И они ведутъ общество на дно.

Но съ ними не пойдутъ въ ногу честные воины мирной арміи.

Они станутъ бороться съ такими, считая ихъ не союзниками, а врагами.

Надо оставаться на своихъ „небесахъ“, какъ остался на нихъ поэтъ легенды, и съ нихъ, но сближаясь съ толпой, постоянно говорить о небесахъ и къ нимъ приковывать очи толпы.

И настанетъ день, когда „небеса“ будутъ близки всѣмъ и дочь женщины, сбѣжавшей отъ поэта къ торговцу, пойдетъ за поэтомъ.

Въ этомъ сила, могучая, обаятельная сила честнаго, здороваго, свободнаго слова.

Здѣсь слово писателя становится уже великимъ дѣломъ.

А. Кругловъ.

У гроба святителя-мученика. *)

Рядъ преступленій на Кавказѣ завершился ужаснымъ злодѣяніемъ: убійствомъ экзарха Грузіи, архіепископа Никона. Дѣло не въ томъ, *кто* убилъ. Знаменателенъ самый фактъ, какъ показатель смутнаго времени, важно, что не стало того, кто былъ на далекой окраинѣ, — гдѣ холодно русскимъ людямъ, — лучомъ солнца, согрѣвающимъ извывшія сердца, былъ воиномъ Христовымъ на своемъ высокомъ посту. Онъ не былъ рядовымъ епископомъ, какъ не былъ и рядовымъ человѣкомъ. Сильный духъ соединился въ святителѣ съ выдающимся

*) Эта замѣтка является нѣсколько запоздалой. Но такъ какъ имѣется въ виду не фактическая сторона событія, важная для хроники, то думаю, что и теперь помѣщ. строки не теряютъ своего значенія.

А. В. К.

умомъ, приче́мъ доброта любящаго сердца придавала особенную красоту его величавому нравственному облику.

Снискавъ любовь паствы и духовенства во Влади́миръ, арх. Нико́нъ у́халъ на дале́кій ю́гъ, сопровождае́мый благослове́нiami и слезами владими́рцевъ, съ которыми невидимыя нити продолжали соединять архипастыря и въ Тифли́сѣ. И если ужасная вѣсть о кончинѣ свята́теля взволновала ве́сѣхъ русскихъ вѣрующихъ людей, то эта вѣсть съ особенной силой и болью отозвалась въ сердцахъ владими́рцевъ.

За эти годы смуты пало много отъ злодѣйской руки достойныхъ русскихъ людей. И вотъ наконецъ пули наемныхъ бандитовъ или сознательныхъ враговъ поразили стойкаго, выдающагося по своей жизни и способностямъ, представителя Русской Церкви, который былъ свѣтильникомъ правды и воиномъ Христовымъ. За что убили праведника? За что, когда никому не сдѣлалъ зла этотъ человекъ рѣдкой доброты и золотого сердца?

„За что?“

Этотъ вопросъ неотступно стоялъ въ моемъ мозгу, когда я у́халъ на Курскій вокзалъ и когда потомъ, въ вагонѣ-церкви, находился у гроба убиеннаго свята́теля.

Незабываемыя минуты... чувства, которыя не переживаются безслѣдно... Это такія минуты, въ которыя люди могутъ переродиться, уясняя себѣ вдругъ то, что какъ бы скрывалось отъ духовнаго взора долгие годы... Сильный душевный подъемъ настолько расширяетъ горизонтъ, такъ высоко возноситъ духъ, что и по возвращеніи къ буднямъ, въ обычную атмосферу интересовъ, вамъ уже яснѣе становится ихъ мелочность, и не имѣютъ прежней притягательной прелести земныя низины... Такъ, я думаю, когда-то при гробахъ мучениковъ выросли и крѣпли духомъ слабые христіане и дѣлались исповѣдниками Христа его гонители...

Я до сихъ поръ еще полонъ скорбно-радостными и печально торжественными впечатлѣніями ночи 6 іюня, когда Москва встрѣчала прахъ страдальца-свята́теля.

Необычайно теплая ночь. Массы народа. Духовенство въ облаченіи. Знамена-хоругви... Какъ и всегда: съ одной стороны трепетная тревога на подкладкѣ скорби горячо вѣрующаго сердца и съ другой — равнодушіе, для котораго одинаковы вопросы будничнаго дня и событія, выходящія за предѣлы рапортички.

Но вотъ — прибылъ и траурный вагонъ съ прахомъ убиеннаго архипастыря... Народъ течетъ какъ лава и рвется къ вагону-церкви.

Необычно для слуха: „вагонъ-церковь“.

Но это именно такъ: вагонъ-церковь: и алтарь, и иконостасъ изъ пожертвованныхъ иконъ и звонница-колокольня...*)

Я безгранично счастливъ, что могъ попасть въ этотъ вагонъ-церковь, приблизиться къ гробу священно-мученика и здѣсь, въ изголовьи его, стоять всю панихиду...

Масса вѣнковъ — на стѣнахъ и прямо на полу. Съ потолка свѣшиваются и тянутся по всему вагону гирлянды зелени. Посреди вагона-церкви — на катафалкѣ гробъ съ накиннутой на него лиловой мантией свята́теля и кlobукомъ. Въ изголовьи священникъ Городцовъ читаетъ Евангеліе такъ вразумительно, такимъ теплымъ, проникающимъ въ душу голосомъ, что каждое слово жжетъ

*) Онъ отремонтированъ стараніями одного ревностнаго желѣзнодорожнаго священника, посвѣщившаго со своей заботой безъ думы, когда и окупятся ли сдѣланныя имъ издержки.

Почившій екзархъ Грузіи, Архієпископъ Никонъ.

сердце и придаетъ особый смыслъ тому, что извѣстно и было читаемо ранѣе... И чувствовалось, что эти слова Великой Книги, произносимыя дрожащими устами священника Бога Живаго, какъ бы вырывались изъ самого сердца — и можно сказать: оно — это сердце, а не уста — произносило ихъ... И неудивительно: евангеліе читалось у гроба мученика, духъ котораго какъ бы виталъ здѣсь, и читалось тѣмъ священникомъ, въ котораго также стрѣляли и который, получивъ шесть ранъ, остался жить, сохранивъ въ душѣ прощеніе къ „творящимъ зло“.

„Отпусти имъ... Господи“. Кто поднялся на эту высоту Голгоетскаго всепрощенія, тотъ полонъ евангельскаго духа и можетъ чтать святаго писмена только проникновенно и именно сердцемъ, а не устами... О. Городцова спрашивали:

— А вы не уйдете съ Кавказа?

— Нѣтъ. Я не могу оставить мою паству въ такіе трудные дни. Затравленные, гонимые русскіе люди; на кого же я ихъ кину? Я уповаю на Бога... Да будетъ воля Его!

То же самое отвѣтилъ и прот. Рыбчинскій, прибывшій съ прахомъ экзарха. Такъ думаютъ и говорятъ истинные пастыри, а не наемники. Вбѣгутъ только наемники.

Не бѣжалъ безобязанный почившій экзархъ, смѣившій арх. Николая, пожелавшаго перейти изъ Тифлиса во Владиміръ — не бѣгутъ и пастыри, идущіе по стопамъ арх. Никова. И слава имъ — стойкимъ борцамъ, свѣтящимъ во мракѣ и согрѣвающимъ словомъ своимъ души пасомыхъ. Безъ ихъ добраго вліянія сколько бы слабыхъ людей погибло въ эту смуту!

— Знаете ли, — говорилъ мнѣ прот. о. Евфимій Рыбчинскій: — дорогой служили литургіи... и одинъ изъ епископовъ, оставшій послѣ встрѣчи праха въ вагонѣ-церкви, читалъ Евангеліе... Вездѣ встрѣчали насъ по дорогѣ слезами скорби. Нѣкоторые священники, выѣхавшіе навстрѣчу праха святителя, безвозмездно привозили свѣчи. Торжественно шествуетъ замученный владыка съ юга на родной сѣверь...

И голось дрожить у огорченнаго пастыря и слезы капаютъ на ризу...

О, какъ это вѣрно: торжественно шествуетъ владыка на родной сѣверь! Онъ словно взялъ съ собою кавказское солнце и привезъ его ласковые лучи въ страну холода: доселѣ сумрачная погода смѣнилась жаркою, и ночью было тепло, какъ днемъ.

Толпы народа все росли и росли.

Началась панихида, на которую прибылъ митрополитъ московскій Владиміръ, три викарныхъ епископа, архимандриты и много священниковъ.

— Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего!

Пѣлъ чудный синодальный хоръ, первый въ Россіи, для поднятія котораго такъ много поработали Смоленскій и Орловъ.

Скорбные звуки разносятся далеко въ воздухъ и отъ нихъ ноетъ сердце.

Замелькали огоньки, сначала одиночные, словно слабая надежда, но вотъ она какъ бы перешла въ пламень вѣры, олицетворяясь въ цѣломъ потокѣ огня заплавившихъ свѣчъ. Эти безчисленные свѣчи въ рукахъ молившихся превратили обыкновенную ночь какъ бы въ Пасхальную и панихиду въ торжество!

— Словно пасхальная заутреня! — прошептала кто-то позади меня.

И мелькнула мысль: воскресеніе! Да, нѣтъ смерти, нѣтъ умершихъ... есть только отошедшіе туда, гдѣ вѣчная жизнь! Горестъ сердца невольна смѣняется высокой радостью при этомъ торжествѣ Церкви и убиенный уже болѣе не жертва, а триумфаторъ въ вѣнцѣ славы, новый предстатель за родную землю,

полную грѣха, но и кающуюся, благоговѣнно чтущую своихъ праведниковъ. Хочется рыдать и ликовать въ одно и тоже время, вмѣстѣ съ этой народной толпой, живою волною окружившею вагонъ-церковь. Откуда стеклись сюда всѣ эти люди? Многіе издалека, движимые любовью, скорбью и пламенной вѣрой.

„Со святыми упокой!“

Какъ бы не пѣвчіе только, а вся народная масса возносила къ Богу свой дерзновенный вопль:—Со святыми упокой!

Слезы увлажняютъ глаза, сами собою сгибаются колѣни и невольно уста вторятъ пѣвчимъ: „Со святыми упокой!“

Протоіерей о. Евсимій Александровичъ Рыбчинскій.

И я слышу: поютъ вокругъ меня, поютъ сквозь слезы, сдерживая рыданія.

Еще нѣсколько минутъ, и вотъ бархатистый, звучный, проникающій въ душу

голосъ протодьякона Успенскаго собора раздается подъ низкими сводами вагоноп церкви:—Вѣчная память!

Вѣчная память стойкому борцу, воину Христову, убиенному архіепископу Никону! Вѣчная память въ сердцахъ русскихъ людей, на скрижалахъ безпристрастной родной исторіи, куда уже занесены имена многихъ воиновъ, великихъ гражданъ, доблестныхъ мужей свѣта и правды, святыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ вѣры. Вѣчная память тебѣ, святитель, и вознеси молитву за насъ, умоли милосердіе Божіе, да минетъ насъ праведный гнѣвъ и да смѣнится онъ прощеніемъ, ради слезъ этого скорбью объятаго народа, ради крови праведниковъ земли Русской и ради твоей крови, пролитой въ часъ мученической кончины!

Смогло пѣвіе.

И вотъ раздался голосъ прот. Восторгова. Вся его рѣчь была какъ бы одинъ вздохъ по усопшемъ, вздохъ неутѣшной скорби, вопрошающей: за что? за что убить праведникъ? Это такъ отвѣчало минутъ, общему настроенію. Этого вопросъ какъ бы висѣлъ въ воздухѣ, волновалъ сердца всѣхъ.

Хорошо и сильно говоритъ о. Восторговъ.

Его смѣнилъ архим. Макарій.

Онъ призывалъ къ покаянію, говорилъ о постигшемъ несчастіи, какъ о вразумленіи Божіемъ... При этомъ рѣчь о. архимандрита дышала упованіемъ, что не погибнетъ Русь, но, очищенная слезами, омытая кровью своихъ сыновъ, вознесется и окръпится. Голосъ о. Макарія росъ и раскатывался, какъ громъ... Такъ, вѣроятно, говорили пророки въ прежнія времена... Каждое слово било, какъ молотъ, жгло и, словно отъ электричества, пробѣгала дрожь по тѣлу.

Кочичилась панихида. Стали прощаться съ прахомъ почившаго. Сначала духовенство, потомъ публика. Сняли часть металлической крыши гроба—и черезъ стекло мы увидѣли голову почившаго, покрытую „воздухами“... Кровь изъ ранъ просочилась чрезъ нихъ... Защемило на сердцѣ... Послышались громкія рыданія.

— Прости, мученикъ, и помолись о насъ грѣшныхъ!

О. Евѣмій Рыбчинскій сказалъ сквозь слезы:

— Съ тѣмъ вернемся на Кавказъ? Вотъ съ этой погасшей свѣчей?—добавилъ онъ, указывая на огарокъ въ рукѣ.—А нашъ свѣтильникъ... наше солнышко...

И, не кончивъ, зарыдалъ.

Да, тяжела потеря! Умалются ряды выдающихся, сильныхъ, безстрашныхъ борцовъ за родину и вѣру—ряды и безъ того не обильные! А тьма ширится... растеть... Гдѣ вожди и свѣтильники? Невѣріе и равнодушіе плененую растилается надъ нашей родиной... И если смерть каждаго рядового воина Христовой рати— потеря, то что же сказать, когда изъ строя выбываютъ вожди, люди сильнаго духа! На всѣхъ поприцахъ идетъ убыль... въ чемъ искать утѣшенія?

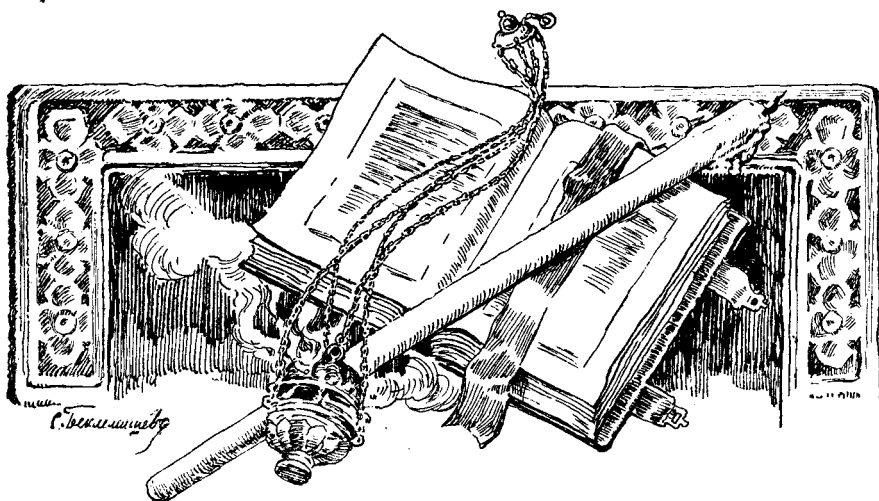
Будемъ утѣшаться тѣмъ, что,—какъ сказалъ пр. Восторговъ,—Богъ силенъ и злое обратитъ въ добро, что если есть слабые и падшіе, то найдутся всегда и вѣрные Христу и Церкви... Не безслѣдно же проливается кровь мучениковъ! Они своей смертью искупаютъ не только грѣхъ народа, но и укрѣпляютъ Церковь, созданную на крови мучениковъ...

Борьба не кончена... Жатвы много... Будемъ молить Господина жатвы, чтобы Онъ не переставалъ высылать дѣлателей на жатву Свою... И да пошлетъ

Онъ силу, крѣпость и защиту свою пастырямъ-воинамъ, безстрашно остающимся на своихъ трудныхъ постахъ!

Съ этими мыслями возвращался я съ Курскаго вокзала, откуда черезъ полчаса отбылъ и вагонъ-церковь, съ прахомъ святителя, завѣщавшаго похоронить его во Владимірѣ, гдѣ онъ архіерействовалъ и гдѣ былъ горячо любимъ паствою и всѣмъ духовенствомъ.*)

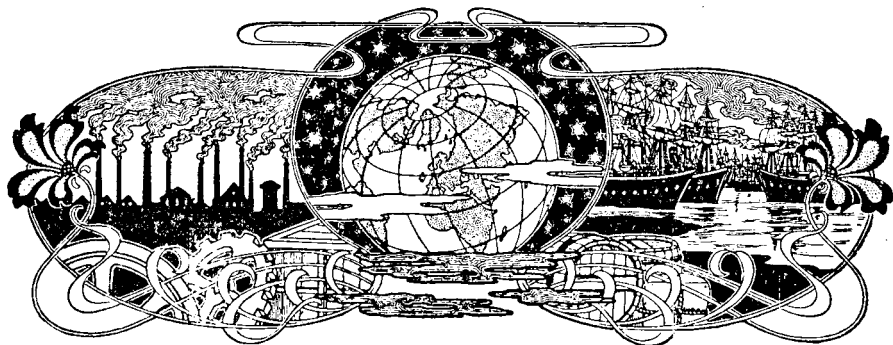
А. Кругловъ.

Когда чистая жизнь завершается мученичествомъ,
тогда терновый вѣнокъ превращается въ корону славы.

Изъ письма Наумовича.

*) Мы дали портретъ почившаго экзарха арх. Никона и прот. о. Евеніія Рыбчинскаго. Портретъ прот. о. Сергія Городцова надѣемся дать въ ближ. №. журнала.

Обо всемъ и отовсюду.

Техераль-адъютантъ Николай Петровичъ Лихевичъ*).

Николай Петровичъ Лихевичъ родился въ 1838 году въ Черниговской губерніи и учился въ мѣстной гимназіи. Какъ Александра Македонскаго съ раннихъ лѣтъ плѣняла „Иліада“ тѣмъ, что въ ней воспѣвался Ахиллъ; какъ Суворова, предназначавшагося отцомъ въ гражданскую службу, увлекалъ не Плутархъ, а Юлій Цезарь, не столько литература, сколько записки Монтекукули, такъ и Лихевича-гимназиста захватили полководцы древности, дѣянія которыхъ указывали ему его собственный житейскій путь; призваніе опредѣлилось рано: семнадцати лѣтъ (1855) Лихевичъ уже юнкеръ въ запасномъ батальонѣ 34-го пѣхотнаго Сѣвскаго полка, черезъ годъ прапорщикъ, а въ 1857 онъ стремится въ „край, облитый русской кровью“,—на Кавказъ, гдѣ назначенный (въ 1856 г.) главнокомандующимъ кн. А. И. Барятинскій рѣшительно измѣняетъ характеръ борьбы съ горцами, и вылая до сихъ поръ эта борьба становится лихорадочной и пылкой. Порывистый девятнадцатилѣтній Лихевичъ окупился въ свою стихію, но само собою разужбется, что самыя обстоятельства и условія боевой службы обращали жизнь юноши въ существованіе мотылька: „сегодня живъ, а завтра что Богъ дастъ“. Съ другой стороны, они же закаляли духъ,—тотъ скрытый огонь, который служить элементомъ побѣды. Семь лѣтъ кавказской службы привили къ Лихевичу опытъ и боевое благоразуміе. Война за освобожденіе славянъ вновь подхватила уже почти 40-лѣтняго Н. П. Лихевича и бросила его на родной кавказскій театръ.

Памятенъ кавказскій театръ войны 77—78 годовъ: 12 апрѣля 1877 года былъ объявленъ манифестъ о началѣ военныхъ дѣйствій, а недѣлю спустя изъ Азіи уже шли вѣсти о томъ, что турки выслали свой флотъ къ черноморскому побережью, и въ донесеніи впервые мелькнули Муха-Эстатскія высоты, занятыя приріонскимъ отрядомъ. Наша цѣль была взять Карсъ и Батумъ. И они пали,

*) Берѣмъ отрывки изъ прекрасной статьи П. А. Россіева въ „Историч. Вѣстникъ“ (іюнь).
Ред.

Генераль-адъютантъ Николай Петровичъ Линевичъ.

и если небо бросало побѣдителямъ лавры, то немало ихъ досталось и Линевичу, который возвратился съ войны полковникомъ, украшеннымъ золотымъ оружіемъ и орденами до Георгія включительно. Но знаки отличія дались недаромъ: Линевичь, по его выраженію, еще ранѣе получилъ „внутренніе знаки отличія“, тѣ раны, одна изъ которыхъ сдѣлала его хромымъ; подполковникъ Линевичь остался все тѣмъ же лихимъ воиномъ, какимъ его знали Кавказъ въ 57—64 годахъ. Онъ грудью встрѣтилъ турецкую атаку 1 августа 1877 г., когда Мухтаръ-паша опрокинулъ большую силу на Муха-Эстатскія высоты; онъ орломъ влетѣлъ въ Батумъ и поднялъ русскій флагъ.

Внутреннія и виѣшнія отличія были силою, которая двинула впередъ Линевища, выдѣливъ его изъ сѣрыхъ, какъ солдатская шинель, дюжинъ. Ему данъ Ширванскій полкъ, достойный талантливаго и храбраго командира, родной и близкій ему по духу и воспоминаніямъ. Послѣ шестилѣтняго командованія полкомъ Линевичь получаетъ (1885 г.) 2-ую закаспійскую стрѣлковую бригаду, а въ 1888 году начальствуетъ отрядомъ на границѣ съ Афганистаномъ. Это были годы политическаго напряженія, когда разрывъ нашихъ мирныхъ отношеній съ Англіей казался неизбежнымъ. Гроза, впрочемъ, миновала.

Произведенный въ 1891 г. въ генералъ-майоры, Линевичь въ 1895 г. назначается командующимъ войсками южно-уссурійскаго отдѣла пріамурскаго военнаго округа. Изъ закаспійской глуши является онъ въ глубь русско-„сибирскихъ“ владѣній выполнять работу, отвѣтственную и незамѣтную, какъ работа режиссера.

Отъ Хабаровска до Владивостока, по сторонамъ торопливой Усури—полутайнственная, молчаливая и мрачная Русь. Великолѣпныя въ своемъ угрюмомъ величїи горы, дѣвственные лѣса и неоглядныя, перемежающіяся болота, гдѣ отдыхаютъ послѣ охоты на почтальоновъ тигры. Въ ядрѣ этой полутайнственной, молчаливой и мрачной Руси находится Никольскъ, съ 1898 года городъ, а до того времени село. Центръ всего южно-уссурійскаго округа, Никольскъ служитъ квартирою командующаго войсками; сюда-то въ 1895 году прибылъ Линевичь. Съ его прибытіемъ крайинный муравейникъ запевелился, ожилъ.

Если постройка Китайской Восточной желѣзной дороги подняла Никольскъ экономически, то возникновеніе газеты, ростъ войсковой бібліотеки и мѣстнаго общества любителей садоводства и огородничества и благотворительныхъ обществъ такъ или иначе обязаны благорасположенію Линевища. Человѣкъ съ общекультурнымъ, а не кастовымъ взглядомъ, наблюдательный, вдумчивый, весьма начитанный и прошедшій основательную житейскую школу, онъ понималъ, какое важное значеніе имѣетъ работа интеллигенціи въ глухихъ мѣстахъ. И онъ, настолько это было въ его средствахъ, облегчалъ эту работу.

Въ квартиру генерала шли и сотрудникъ „Никольско-Уссурійскаго Листка“ за хроникой, и купецъ по дѣлу, и казакъ подѣлиться своимъ горемъ. Пріемныхъ часовъ не было—доступъ къ командующему войсками во всякое время. Рано утромъ онъ на ногахъ, когда иной безусый офицеръ еще не прочь увидѣть новый сонъ; поздно вечеромъ, когда городъ засыпаетъ, генералъ не спитъ... работаетъ! Работать же приходилось, не покладая рукъ, ибо Линевичь былъ честный администраторъ.

Война съ Японіей, явившаяся неожиданно для населенія Европейской Россіи, въ сущности, давно уже предвидѣлась въ Забайкальѣ, гдѣ ее считали неизбежною.

Линевичь не могъ не видѣть положенія дальне-восточныхъ дѣлъ и чувствовалъ, какъ много электричества скопилось и все скопляется въ атмосферѣ. Онъ чуялъ грозу и прилагалъ всѣ свои недюжинныя силы на то, чтобы не быть

застигнутымъ врасплохъ электрическими разрядами; поэтому, работая съ ранняго утра до поздней ночи, генераль рѣшалъ не только прямо предложенную ему задачу „развертывать и устранивать сибирскіе стрѣлковые полки“, но также не упускалъ изъ виду нравственныхъ накопленій, чтобы учесть ихъ въ нужный моментъ. Отсюда проистекло его стремленіе къ объединенію военнаго и гражданскаго элементовъ и отеческая заботливость о всѣхъ и каждомъ, не различая русскихъ отъ китайцевъ, корейцевъ и т. д.

Линевичъ понималъ солдата, солдатъ—Линевича.

Линевичъ отлично усвоилъ военную исторію и психологію солдатской массы.

По взятіи Тянь-Цзина, когда Линевичъ горѣлъ желаніемъ скорѣе выручить осажденныхъ въ Пекинѣ европейцевъ, вышелъ приказъ остановиться. Вслѣдствіе дождей дороги стали невозможны. Какъ двигаться печилійскому отряду?! Но Линевичъ распорядился:—Впередъ! Не намъ, обстрѣляемымъ съ боковъ и фронта, бояться слякоти! Стыдъ!.. И по своему обыкновенію первымъ вошелъ въ Пекинъ. Русское „ура“ уже потрясло воздухъ надъ городомъ, когда японцы, мечтавшіе о первыхъ лаврахъ, еще только готовились къ штурму.

Вѣра въ непобѣдимость нашего оружія жила въ Линевичѣ до послѣдняго мгновенія. „Развернувъ и устроивъ“ сибирскіе стрѣлковые полки, командиръ армейскаго сибирскаго корпуса (съ 18 іюня 1900 г.) Линевичъ убѣжденно ждалъ грозы на Дальнемъ Востокѣ и имѣлъ полное право надѣяться на то, что имъ, заслуженнымъ солдатомъ, воспользуются, а ужъ онъ-то приложитъ все свои дарованія, долготѣнній опытъ и желѣзныя силы духа, чтобы съ честью выйти изъ борьбы съ неиспробованнымъ еще и полутаинственнымъ врагомъ. Случилось иное. Командующій войсками пріамурскаго военнаго округа появляется въ роли „временно-командующаго манчжурской арміей“, но появляется, какъ метеоръ, на время, пока Куропаткинъ проѣдетъ тѣ тысячи верстъ, что отдѣляютъ Исаакіевскую площадь отъ Лаояна. Куропаткинъ показался на фонѣ неудавшейся „Желтороссіи“, и Линевичъ отошелъ въ тѣнь... куда-то въ тѣсоту корейскихъ вѣдръ. Къ нему никто не порывался, никто, кромѣ облитаго горечью смѣняющихся неудачъ, истосковавашагося по побѣдамъ солдатскаго сердца. Его призвали къ арміи, когда осторожность на полонину сгубила дѣло побѣды, но и тутъ Линевичъ еще вѣрилъ въ возможность поправленія его. Ставъ во главѣ первой манчжурской арміи, онъ успѣлъ укрѣпить въ ней тотъ нравственный элементъ, который, по выраженію Скобелева, относится на войнѣ къ физическому, какъ 3: 1. „Папаша“, „дѣдушка“, чей лозунгъ—впередъ! а пароль—непобѣдимая русская армія!—да вѣдь его-то только и ждали эти горячіе солдатскіе глаза, эти бьющіеся сердца. Но вѣра стараго воина въ наше торжество надъ „упорнымъ врагомъ“ и все его священные порывы разрушались, съ одной стороны, о ту же все осторожность и терпѣніе, а съ другой—о новые виды Петербурга. Кому-то уже мерещился заокеанскій Портсмутъ. Генераль-отъ-пифантеріи Линевичъ успѣлъ показать, съ какимъ достоинствомъ и въ какомъ порядкѣ можно отступать, но когда онъ получилъ возможность вести войска впередъ, когда онъ захотѣлъ вырвать инициативу у японцевъ и побѣда, казалось, уже улыбалась окрыленной арміи сѣверной великой державы, тогда изъ Петербурга крикнули: довольно! Всесильный С. Ю. Витте, заботившійся о мирѣ, ошеломилъ генерала.

Линевичъ имѣлъ право сказать: не слѣдовало доводить до войны, если хотѣли мирнаго житія.

Онъ вложилъ шпагу въ ножвы и тяжело вздохнулъ.

Итакъ, война кончилась. Казалось бы, Линевичу оставалось съ гордо

поднятой головой уйти изъ „Желтороссіи“; казалось бы, онъ-то не заслуживаетъ упрека ни въ чемъ, а между тѣмъ этого человѣка, беззавѣтно преданнаго царю и отечеству, чуть было не посадили на скамью подсудимыхъ... за сношенія со стачечнымъ комитетомъ. Это было въ разгаръ революціоннаго движенія, когда все и все бастовали. Отрѣзанное отъ Европейской Россіи Забайкалье, вслѣдствіе того, что почта, телеграфъ и желѣзныя дороги бездѣйствовали, представляло себѣ не вѣсть что: всеобщую рѣзню, государственный переворотъ и т. д. и т. д. Солдаты послѣ войны и такъ рвались къ семьямъ, а тутъ еще распространяется ужасъ за ужасомъ,—и эти ужасы, и невозможность уѣхать домой были настоящими искрами, падавшими на пороховые погреба, чѣмъ являлась озлобленная и пропитанная агитаціоннымъ ядомъ солдатская масса. Ливевичъ стоялъ во главѣ арміи, видѣлъ все происходящее вокругъ него, но не зналъ, что творится за Ураломъ,—и какъ онъ долженъ былъ поступить: дать взорваться „пороховымъ погребамъ“, не заботясь о послѣдствіяхъ, или предупредить взрывы и внести нѣкоторое успокоеніе въ солдатскую семью? Онъ избралъ второе: принялъ заправляющій стачку и, потолковавъ съ ними, не какъ грозный генераль, а какъ любящій армію отецъ, обезпечилъ выѣздъ ея изъ „прекраснаго далека“. Такимъ образомъ не была пролита капля человѣческой крови, престижъ „папаша“ нисколько не пострадалъ, да и правительственные агенты избавились отъ многихъ страховъ и хлопотъ.

И вотъ Ливевича не стало. Спи съ миромъ непобѣжденный! Кавказско-турецко-китайскіе трофеи склонятся надъ твоимъ изголовьемъ, и не сожжетъ ихъ во вѣки солнце, восходящее тамъ, гдѣ раскинулась торжествующая Японія.

Новая неудачная книга о Пушкинѣ.

Мимо книги г. Сиповскаго нельзя пройти молча, и ее надо отмѣтить не только ради поставленной себѣ авторомъ цѣли—разсказать жизнь великаго поэта и выписать элементы его творчества, но и ради ея объема (618 стр.). Гора родила мышъ, хотя и очень почтенныхъ размѣровъ. Авторъ скромно заявляетъ, „что въ своей работѣ собралъ все то, что высказано было о Пушкинѣ въ послѣднее время, использовалъ все новыя матеріалы, явившіеся недавно, и попытался все это привести въ систему, связать въ нѣчто цѣлое своимъ пониманіемъ личности Пушкина“. Можемъ указать г. Сиповскому неизвѣстные ему, но очень вѣрные источники: два первые тома академическаго изданія Пушкина, изданіе П. А. Вѣрмова; много интереснаго съ точки зрѣнія „закономѣрности“ нашель бы онъ и въ „Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ“; г. Морозовъ успѣлъ выпустить свое второе комментированное изданіе. Знай авторъ эти книги, ему, можетъ-быть, не пришлось бы цитировать, хотя съ полной добросовѣстностью, письмо Пушкина къ женѣ по статьѣ И. Иванова. И самыя произведенія Пушкина могли бы послужить автору недурнымъ и богатымъ источникомъ; онъ узналъ бы изъ нихъ, что Пушкинъ написалъ посланіе не „либеральному генералу“ Орлову, а его брату; что извѣстная рѣчь Лелевеля съ упоминаніемъ о Пушкинѣ была сказана не въ 1831 г., а въ 1834, и что не „по этому случаю“ написаны „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, а по случаю польскаго возстанія и взятія Варшавы, что гораздо „закономѣрнѣе“, уже потому, что вѣрнѣе. Такихъ грубыхъ ошибокъ, и притомъ далеко не „случайныхъ“, въ книгѣ много. Никакихъ взглядовъ на Пушкина у автора нѣтъ, и тамъ, гдѣ ему нужно обобщеніе, онъ зоветъ на помощь не только Анненкова, изъ котораго выпишаны цѣлыя страницы, но даже Венкстерна; за это, впрочемъ, едва ли можно осудить г. Сиповскаго, такъ какъ выдержки изъ Анненкова—лучшія мѣста его книги, на которыхъ можно отдохнуть отъ гнетущей скуки, одолѣвающей при чтеніи этой бездарной компіляціи. Толстая, страдающая водянякой книга г. Сиповскаго останется въ пушкинианѣ лишнимъ, тяжелымъ кирпичемъ, „ма-

теріаломъ для бібліографіи“. Книгу о жизни и творчествѣ Пушкина нельзя писать безъ опредѣленныхъ общественныхъ и литературныхъ взглядовъ, безъ знанія исторіи и литературы, безъ основательнаго изученія множества специальныхъ источниковъ. Нѣтъ, можетъ-быть, темы богаче, благороднѣе, но зато и труднѣе. Біографія Пушкина, для которой уже все готово, всѣ матеріалы добыты, дѣло близкаго будущаго, и книга г. Сиповскаго можетъ служить иллюстраціей, какъ не должна быть написана книга о великомъ поэтѣ. („Истор. В.“ Н. Лерверъ).

Леопарди въ переводѣ М. Тхоржевскаго. *)

Изданный въ настоящее время г. Ив. Тхоржевскимъ переводъ всѣхъ стихотворныхъ произведеній итальянскаго поэта восполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей переводной литературѣ и тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что сдѣланъ не только въ общемъ безупречно, но и съ видимою любовью къ оригиналу.

„Источникъ свѣтлый грусти безконечной“, — этимъ стихомъ, взятымъ изъ стихотворенія Леопарди „Царица мысль“, переводчикъ пытается опредѣлить, такъ сказать, основной тонъ его поэзіи. Дѣйствительно, при чтеніи даже такихъ произведеній, въ которыхъ меланхолическое настроеніе поэта достигаетъ высшаго напряженія, все же невольно вспоминается извѣстный пушкинскій стихъ: „печаль моя свѣтла“. Пускай поэтъ съ горечью говорить сестрѣ:

Для честныхъ
Нѣтъ свѣтлыхъ дней у мстительной судьбы!
Готовъ дѣтей для горя и борьбы.

Но наряду съ этимъ раздается энергичный возгласъ: „Италію, Италію любите!“ И далеко не нотами пессимистическаго унынія звучатъ слова, которыми онъ рисуетъ образъ человѣка, охваченнаго пламенемъ любви къ родинѣ.

Мысль о Великомъ
Сама захватить васъ! Восторгъ любви
На васъ нахлынетъ вихремъ и волною,
И, поблѣднѣвъ, съ горящими очами,
Небеснымъ вы порывамъ отдадитесь...

Въ прошломъ поэтъ допускаетъ существованіе у людей счастливаго періода. „Было время“, — говоритъ онъ, —

Земля казалась людямъ близкой, милой,
Короткій вѣкъ казался золотымъ...

Въ тѣ дни „жизнь людей струилась такъ привольно“, но поэтъ оговаривается: это происходило потому только, что „не знали мы, на что обречены“. Однако, вооруженный такимъ знаніемъ, поэтъ погрузился ли въ полную безнадежность, отняты ли отъ него всѣ земныя радости? Нѣтъ, потому что, выражаясь его же словами,

У правды есть свое очарованье,
Хоть и печальнымъ кажется оно.

Поэтъ не только не думаетъ о томъ, чтобы насильственно прервать нить жизни, но онъ знаетъ въ ней одну „пламенную страсть“, по сравненію съ которой всѣ житейскія тяготы могутъ показаться ничтожными: „ея имя — Мысль!“

Чтобы вкусить твое блаженство, мысль,
Не тяжело переносить невзгоды,
Не жаль страдать. Какъ не измученъ я
Зломъ и неправдой жизни — я бѣ рѣшился,
Еще разъ все сначала пережить, —
Изъ-за тебя!

Такія ноты въ поэзіи Леопарди, хотя и далеко не всегда въ ней звучащія, способны вызвать въ душѣ читателя не унылое и безнадежное, а скорѣе бодрѣющее въ печальнѣе, совершенно противоположное ходячему взгляду о томъ, чего исключительно и единственно можно ожидать отъ „пѣвца пессимизма“. Ю-нѣ.

*) „Н. Вр.“

Х а м ы.

Замѣтка.

„Наши соотечественники изъ самыхъ „сознательныхъ“, проживающіе въ Парижѣ, задумали устроить „блестящій праздникъ“ „въ память Пусены“, какъ разъ въ день годовщины этого горестнаго для всей Россіи событія“.

Уже одно это сообщеніе не можетъ не возмутить каждаго порядочнаго человѣка, какой бы націи онъ ни былъ.

Французамъ *это празднество* показалась „страннымъ“. Несмотря на свою склонность къ космополитизму и на подпрыгиваніе передъ иновѣрцами, французы все же настолько патріоты, что не понимаютъ празднованія событія, которое облекло въ трауръ цѣлую страну. Они прямо *не смогли бы* праздновать память Седана или Меца. И французы были возмущены безстыдствомъ и наглостью „русскихъ“, глумившихся надъ несчастіемъ своей родины... Можно быть противникомъ того или иного режима, принадлежать къ какой угодно партіи, но... радоваться позору родины могутъ только люди, потерявшіе совѣсть, честь, тѣ безродные выкидыши, которыхъ такъ заслуженно презиралъ даже эмигрантъ Герцень... Они въ своей умственной близорукости не понимаютъ, что это вызовъ всему русскому народу, оскорбленіе всей націи.

Къ вышеприведенному сообщенію надо добавить, что „праздникъ“ „русскіе“ устроили въ закрытомъ монастырѣ „Христовъ Сердца“ (монастырь проданъ французскими властями, изгнавшими монаховъ, богатому еврею), причемъ на престолѣ, гдѣ еще недавно совершалась Безкровная Жертва, танцовала обнаженная дѣвица, подъ звуки музыки...

Дальше идти едва ли можетъ безстыдство и кощунство... Лишь презрѣнные люди, стоящіе ниже животныхъ, способны не только все это продѣлать, но и сочувствовать этому... Тутъ не можетъ быть никакой рѣчи о свободѣ убѣжденій и вѣры... Можно быть какихъ угодно воззрѣній, можно даже быть атеистомъ и сохранить человѣчность, ибо настоящій свободный гражданинъ уважаетъ чужія вѣрованія и честный атеистъ не допуститъ такого кощунства. Это не атеисты и не свободные люди... это просто—*хамы* по своей натурѣ, каковыми они остаются при всякихъ убѣжденіяхъ, во всякомъ положеніи...

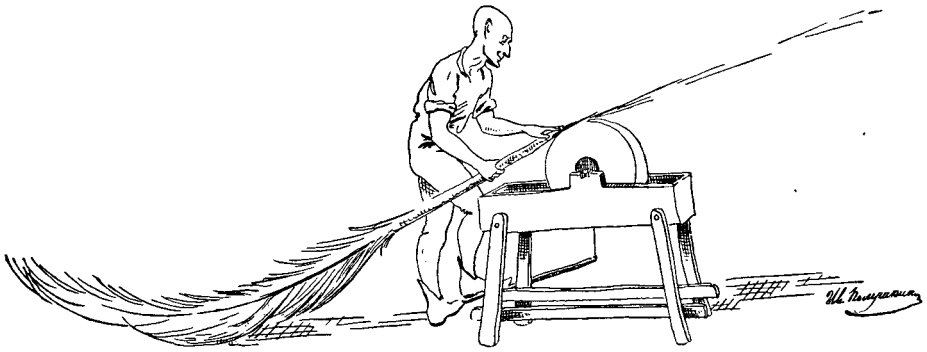
Я закончу эти строки стихотвореніемъ, которое вылилось неволью изъ подъ пера подъ впечатлѣніемъ злодѣйскихъ убійствъ и возмутительнаго празднества въ Парижѣ:

Свобода—счастіе. Свобода—жизнь и свѣтъ.
Какъ воздухъ, чтобъ дышать, нужна она народу;
Но въ томъ, что выдаютъ теперь намъ за свободу
И призрака свободы нѣтъ!

Предъ честнымъ подвигомъ склоняю я главу,
Передъ героями и я благоговѣю;
И жертвы я цѣнить и раны чтить умѣю,
Но я бойцомъ бандита не зову.

Позоръ родной страны я выстрадалъ и самъ;
Какъ слезы, горькій смѣхъ я понимаю въ сынѣ;
Но ненавистенъ мнѣ надъ родиною нынѣ
Смѣющійся злорадно Хамъ!

А. К.

ИСКРЫ.

„Юморъ—это бальзамъ, приклады-
ваемый великодушнымъ человѣкомъ
къ язвамъ сердца“.

Т. Карлейль.

„И при смѣхѣ иногда болитъ сердце“.
(Изъ притчей Соломона).

I.

Изъ лѣтописи отеля „Дворянскій Дворъ“.

НАБРОСКИ.

I.

Онъ, проѣздомъ, остановился въ Болотинскѣ.

Болотинскъ—глухой губернской городъ, про который дол-
гое время говорили:

— Какъ ни скачи, изъ него ни до какого царства въ три
года не доскачешь.

А другіе прибавляли:

— Да въ немъ больше медвѣдей, чѣмъ людей...

Но вотъ проложили желѣзную дорогу.

Городъ возгордился.

Особенно онъ возгордился, когда нѣкій купецъ Плевалкинъ
выстроилъ Hôtel „Дворянскій Дворъ“.

Раньше всѣхъ жильцовъ въ отелѣ водворились клопы и
тараканы.

II.

Борисъ Александровичъ Коловратскій не зналъ объ этихъ
бесплатныхъ жильцахъ „Дворянскаго Двора“ и, соблазненный

величиной Hôtel'я и тучностью кучера г. Плевалкина, рѣшился остановиться въ „Дворянскомъ Дворѣ.“

— Это лучшая гостиница?—спросилъ Коловратскій кучера.

— Первѣйшая!

— Въдемъ!

Пріѣхали. Громадный домъ.

— Совсѣмъ столичный отель!

— Отель у насъ—въ лучшемъ видѣ!—подтвердилъ кучеръ. И поселился Коловратскій въ отель г. Плевалкина.

III.

Вы думаете, я хочу рассказывать о клопахъ и о томъ, какъ они выжили изъ гостиницы Бориса Александровича?

Ошибаетесь, читатель.

О клопахъ плевалкинскаго отеля пишетъ ученое изслѣдованіе мѣстный зоологъ.

Я—беллетристъ и позволю себѣ изложить въ легкой формѣ другія злословія почтеннаго коллеги.

„Коллеги“?

Да, читатель!

Борисъ Александровичъ Коловратскій—литераторъ.

Онъ захотѣлъ посмотрѣть Болотинскъ и его окрестности—не столь и столь отдаленныя, отдохнуть и, если можно—пособрать матеріала.

У моего коллеги не было знакомыхъ въ городѣ, и потому онъ остановился въ отелѣ.

Его (т. е. коллегу, а не отель) прописали.

Конечно, ни паспортникъ, ни швейцаръ не обратили вниманія на фамилію.

Швейцаръ вывелъ мѣломъ:

„№ 5—господинъ Коловраткой“—и успокоился.

Онъ сдѣлалъ то, что обязанъ былъ сдѣлать.

А г. Плевалкинъ и не читалъ на доскѣ произведенія своего слуги.

Онъ (т. е. опять-таки Плевалкинъ, а не слуга) только спросилъ у буфетчика:

— Что № 5: много беретъ?

— Нельзя сказать.

— Вина?

— Надо полагать, не потребляютъ совсѣмъ...

— Плохой гость!.. Скорѣй бы уѣзжалъ.

IV.

А онъ и не думалъ уѣзжать.

Онъ посѣщалъ бібліотеки, заглянулъ въ статистическій комитетъ, набросалъ въ книжку видъ мѣстной старинной башни.

Въ Болотинскѣ знаютъ, кто что ѣстъ и сколько разъ въ день чихаетъ.

Могло ли все это укрыться отъ взоровъ болотинцевъ?
 Скоро узнали, что Коловратскій—сочинитель.
 Для болотинцевъ—не существуетъ писателей.
 Они знаютъ только сочинителей вообще, „скараспонден-
 товъ“ въ частности.

Сочинитель—выше чиномъ. Онъ пишетъ „стишки“, занят-
 ныя исторійки и чувствительно сочиняетъ про любовь.
 «Скараспондентъ» — „наводитъ критику“ и „пускаетъ мараль“
 про честнаго и мирнаго обывателя.

Мирный обыватель впадаетъ въ воинственное настроеніе
 и... бьетъ „скараспондента“.

Кто же—Коловратскій?

Отъ библиотекаря узнали, что Коловратскій не думаетъ
 „пускать марали“. Онъ изучаетъ „пѣсни и сказки края“.

Сдѣлай одолженіе!

Это не страшно, это не „скараспонденція“.

Всѣ успокоились.

V.

Когда нѣкто Сусликовъ узналъ, что въ Болотинскѣ живетъ
 „сочинитель“, то возликовалъ духомъ.

Наконецъ-то!

Онъ два раза сватался къ дворянкѣ съ помѣстьемъ и по-
 лучилъ афронтъ:

— Глушь и слова сказать не умѣетъ. Даже въ чувствахъ
 изъясняется по-мужицки, не такъ, какъ герои въ романахъ.

Такъ говорила дворянка Марья Сосипатровна Осокина.

(О годахъ не принято справляться у дамъ и дѣвиць).

Сусликовъ—страдалъ.

Онъ желалъ бы изъясниться по благородному „и какъ въ
 стихахъ принято“, да гдѣ же ему!

Онъ боялся напутать и окончательно испортить дѣло.

И—вдругъ—сочинитель!

Да это спасеніе! Кто же можетъ изъясниться въ любви
 лучше сочинителя?

„Какъ въ романахъ!“

Да онъ пишетъ самъ занятныя исторіи и описываетъ пла-
 менную любовь.

Онъ, онъ! Въ немъ спасенье! Къ нему скорѣе!

VI.

Коловратскій пилъ чай, когда лакей (въ сюртукѣ, но на
 босу ногу) доложилъ о Сусликовѣ.

— Желаютъ васъ видѣть и по секретному дѣлу!

Коловратскій удивился, но велѣлъ просить „г. Сусликова“.

— Чѣмъ могу служить?

— Спасите! къ вамъ-съ прибѣгаю... вы и никто болѣе!

— Что такое?

— Жизнь или смерть! Таперича все въ васъ... Захотите— и я оживу, въ люди произыдусь... нѣтъ,—я погибну во цвѣтѣ лѣтъ!.. Вотъ какъ-съ.

Коловратскій подумалъ, что г. Сусликовъ—пьянъ.

— Я васъ не понимаю... что вамъ угодно? Говорите яснѣе!

— Я со всей ясностью и съ чувствомъ... какъ на духу-съ... Потому погибну и нѣтъ мнѣ спасенія... Вы не подумайте... что я выпимши... Ни въ одномъ глазѣ-съ! А потому—разстройство чувствъ и головокруженіе во всемъ тѣлѣ!

— Головокруженіе во всемъ тѣлѣ?—засмѣясь, воскликнулъ Коловратскій.

— Да-съ... потому влюбленъ и гибну! Можете вы это понимать и чувствовать?

— Могу, но рѣшительно не понимаю, что вамъ угодно отъ меня.

— Спасите!

— Чѣмъ? какъ? Вамъ она не отвѣчаетъ?

— Да-съ!

— Но что же я могу сдѣлать? Не заставить же ее...

— Можете!.. Потому я мужчина въ красѣ, въ соку и ей не противенъ.

— И все-таки она не хочетъ отвѣчать на ваше чувство?

— Единственно по моей безсловесности!..

— Что-о?

— Потому я не ученъ и не знаю умныхъ, благородныхъ словъ. А онѣ-съ дворянка и дѣвица хорошаго воспитанія: на языкахъ разныхъ говорить могутъ и книжки обожаютъ... Вотъ-съ онѣ и говорятъ: если бѣ онѣ, онѣ, это я значить,—если бѣ онѣ да могъ изъясниться въ чувствѣ по благородному, какъ въ исторіи показано, тогда другая статья... и о бракѣ законномъ можно разсуждать!.. А я нешто могу?.. у меня и словъ такихъ нѣтъ... я, стало-быть, насчетъ желѣза и прочаго могу, а словъ такихъ у меня нѣту!

— Позвольте... Значить, выходитъ, чтобы я научилъ васъ...

— Не учить-съ! Гдѣ ужъ мнѣ! А будьте такъ благодарны... на бумажкѣ все это, чувства и пламень моей любви—описать обстоятельно и жалостно... А я ей поднесу!

— Мое письмо?

— Зачѣмъ-съ! Я самъ перепишу!

— Да она же узнаетъ!

— Какъ же можетъ узнать? Да и эфто ничево... только бы по книжкамъ вышло. Все-таки значить старался человекъ и всю любовь показалъ... А какъ вы опишете жалостно, онѣ-съ и смягчатся, услышать мое моленіе!

— Вы очень, должно-быть, влюблены?

— По уши-съ! Больше!

— Она красива?

— Не очень-съ... потому при лѣтахъ!

— Такъ вы почему жѣ?

— А дворянка и помѣстье!.. Чудное имѣніе-съ! Лѣсу сколько!

— Вы въ лѣсъ-то и влюблены, должно-быть?

— Зачѣмъ-съ! Любовь по себѣ, а лѣсъ — лѣсомъ! Она — особа достойная, ну, и лѣсъ хорошъ. Все къ одному-съ!

— Такъ! Желаю вамъ успѣха у дворянки съ лѣсомъ, но письма писать для васъ не буду!

— Какъ! А кто же напишетъ, если не вы?

— Не знаю!

— Да вы же сочинитель. Нешто вамъ не все равно, что сочинять? Мы заплатимъ, не извольте беспокоиться!

— Дѣло не въ платѣ... Я не буду писать! Вы не понимаете, что говорите!

— Напротивъ-съ! Очень все понимаю и вижу, куда вы гнете: вы думаете, я буду скупиться? Да я ста цѣлковыхъ не пожалѣю-съ, вотъ ужъ, коли пошло на то! Получайте катеньку и валяйте!

Онъ полѣзъ за бумажникомъ.

— Не трудитесь!.. Я ни за какія деньги не буду писать вамъ письма... слышите! И прошу васъ... оставить меня въ покоѣ!

Сусликовъ долго смотрѣлъ на „сочинителя“

— Значить, рѣшенное дѣло?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да...

— Такъ... А что я теперь спрошу... можно? Одно слово?

— Ну?

— Да ты въ самомъ ли дѣлѣ сочинитель-то? а? Если бы ты былъ сочинитель, ты все это могъ бы обдѣлать въ лучшемъ видѣ.. А ты не хочешь! Ишь, и сто рублей ни почемъ! Богачъ какой! А значить, ты ни сочинитель и не можешь такихъ словъ найти, потому ты только „скараспадентъ“ выходить, и хочешь ты на насъ напущать мараль! Ну, шалишь! Этого мы не допустимъ... У насъ коротка расправа съ вашимъ братомъ...

У Коловратскаго изсякло терпѣнне.

— Ступайте вовъ, или я позову лакея и онъ выведетъ васъ!

— Лакея? Ишь, напугаль! Да что твой лакей? Анараль, что ли? Боюсь я его... Да какъ онъ смѣетъ меня вывести? Да его завтра же не будетъ здѣсь... Мы съ хозяиномъ-то дружки... А ты, лакея! Плевать мнѣ! Я вотъ скажу хозяину-то, такъ онъ самого тебя вытурить. Это — вѣрно! Потому...

Сусликовъ вылетѣлъ за дверь и чуть не упалъ въ коридорѣ...

— Какъ? меня?. Ну, нѣтъ!. Я тебя проучу!..

Коловратскій заперъ на ключъ дверь своего номера.

VII.

Савелій Ипатовичъ Плевалкинъ обѣдалъ, когда къ нему въ попыхахъ вошелъ Сусликовъ.

— А, другу — пріятелю! Садись, бери ложку... Щи важные! А то все съѣмъ!

- Ложку погоди... ты вотъ тутъ щи ѣшь, а тебя самого слопаютъ!
- Кто это! Что ты за околицу несешь?
- Увидишь! Кто у тебя въ 5 живетъ?
- А я и хвамили не знаю.. Должно, изъ голи.. потому, вина не пьеть и забираетъ мало...
- А кто онъ такой-то? Знаешь?
- Мнѣ что знать! Пожилъ и уѣхаль... Великая забота!
- А какъ да если тебя и твою отелю на весь мѣръ обезславятъ, тогда что?
- Это какимъ манеромъ? Что ты такое мелешь?
- Однако, у Плевалкина сердце дрогнуло.
- Развѣ онъ...
- Скораспандентъ, вотъ онъ кто! Что теперь скажешь?
- Какъ „скораспандентъ“. Это значитъ критику пуцаеть на всѣхъ?
- А ты думаль — какъ? Вотъ онъ тебя и хватить въ газетахъ!
- Да за что?
- Найдеть! Что ты — святой, нешто? Онъ, братъ, снюхается съ кѣмъ надо и живо распечатаеть!
- А мы въ шею!
- Жди!. Да онъ не здѣшній! Облаяль и уѣхаль, лови его!
- Это обезкуражило Плевалкина.
- А если его... подкупить?
- Ну, сказалъ! Я, братъ, сто рублей даваль, чтобы только письмо сочинилъ, и то не взялся..
- Да — ну? Ужли онъ такой богачъ?
- Не богачъ, а нельзя.. не приказано...
- Ему?
- Да!
- Кто же не приказаль?
- Евойное начальство... Газетное, значитъ! Долженъ онъ пуцать мораль и все тутъ.
- А я его выгону! — воскликнулъ Плевалкинъ.
- И чудесное дѣло!. Пуцать не надо было... а теперь одно: скорѣй выгони!. А то облаеть! Узнаеть все какъ есть и опишетъ!
- Я его сегодня же!
- А какъ не съѣдетъ?
- У меня? Да я ему такую музыку устройю.. на поди.. По часу самовара не добьется!.
- А онъ за это тебя и облаеть: вотъ скажетъ — отеля! Хуже постоялаго двора! Нѣтъ, братъ... не изморомъ... а скорѣй.. чтобы, значитъ, ни минутки... съ Богомъ!
- И это можно! Я — хозяинъ! Нуженъ номеръ и баста!
- Онъ позвонилъ. Явился лакей.
- Скажи буфетчику, чтобы онъ, значитъ изъ № 5 жильца выселилъ.. Надо, молъ, номеръ.. самому хозяину.. слышалъ? Ступай!

VIII.

Коловратскому было предложено очистить №.

— Почему?

— Хозяину понадобился.. А зачѣмъ-съ, не могу знать..
Хозяйское дѣло.. мы не извѣстны..

— Въ городѣ есть гостиницы?

— Отеля одна.. а такъ, въ родѣ.. есть! А то постоялый.. у
Трубкиной ничево..

Коловратскій понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ не хотѣлъ было
свѣзжать, но ему библиотекарь предложилъ у себя комнату, и
онъ выѣхалъ изъ отеля.

Я написалъ только страничку изъ лѣтописи „Дворянскій
Дворъ“.

Полную лѣтопись о немъ и жизнеописаніе Плевалкина на-
пишетъ будущій болотинскій Несторъ.

Мнѣ такой большой и солидный трудъ не по силамъ.

Прибавлю: Сусликовъ еще не женился.

Онъ ждетъ пріѣзда новаго, настоящаго сочинителя, кото-
рый, конечно, согласится написать жалостливое письмо дворянкѣ.

Очень можетъ быть, это и случится..

Но... Когда?

Сколько же лѣтъ будетъ тогда невѣстѣ, если ей теперь...

Pardon! Года женщины — тайна.

Открывать ее — преступленіе, непрощаемое ни въ одной
части свѣта!

И я молчу.

Но я не виноватъ, если читатель догадается самъ.

Амфилохій Устюжанскій.

II.

Жертва цивилизаціи.

(„Съ чужихъ полей“).

Неизвѣстный господинъ вошелъ въ нашъ небольшой мага-
зинчикъ, занялъ собою все свободное пространство и, отфырки-
ваясь, обратился ко мнѣ:

— Хочу у васъ кое-что пріобрѣсти.

— Мы счастливы, что вашъ выборъ упалъ именно на нашъ
торговый домъ. Но и вамъ повезло, что вы попали сюда: лучше
и дешевле товара — нѣтъ ни въ какомъ другомъ магазинѣ.

— Ладно тамъ.

Онъ не былъ толстъ. Онъ не былъ даже дородень, но вся
его фигура, какъ причудливая елка, была обвѣшена разными
свертками, коробками и узелками. Ни одна пуговица или кро-
чекъ не оставались праздными. Карманы же каждую секунду

угрожали лопнуть. Общій видъ господина былъ уѣздный. Черноземомъ несло отъ него.

— Что прикажите показать?

— Дайте мнѣ сначала, гм... перчатки!

— Для васъ, monsieur?

— Для моего покойнаго дѣдушки! Я думаю, для меня.

— Какой номеръ?

— Провались они, эти проклятые номера! Дайте мнѣ номеръ... двадцать первый!

Я отшатнулся отъ стойки.

— Это... неслыханный размѣръ!! Будьте добры показать ваши руки...

Онъ покорно выпуталъ руки изъ цѣлой массы веревокъ и ленточекъ и протянулъ мнѣ.

Руки были самыя обыкновенныя.

Измѣривши ихъ, я пожалъ плечами.

— Вашъ размѣръ, самое большее—семь съ четвертью.

— Ну?

— Увѣряю васъ.

— Я ихъ всегда путаю, эти номера. Тотъ, что я вамъ сказалъ, это для корсета моей жены.

— Двадцать первый?

— Да. Чего вы такъ глаза таращите?

— Вамъ не улыбается быть на каторгѣ?

— Что-о тта-акое?!!

— Я только хочу вамъ посоветовать: если у вашей жены такая талія, никогда не рискуйте заключать ее въ пылкія объятія... Она переломится, какъ соломинка! И васъ будутъ судить за убійство жены съ участіемъ сословныхъ представителей.

Онъ захохоталъ.

— Шутникъ вы, и больше ничего! Дайте-ка мнѣ еще воротничковъ стоячихъ.

— Номеръ?

— Дьявольщина! И здѣсь номеръ? Ну, дайте семнадцатый.

Я пересталъ съ нимъ церемониться.

— Когда васъ, monsieur, будутъ, не дай Богъ этому случиться, вѣшать... то и тогда номеръ петли будетъ въ два раза больше.

— Что это значитъ?

— Что вамъ нуженъ 42—43-й.

— Неужели?

— Клянусь вамъ.

Онъ разразился проклятіями.

— Совершенно я сбить съ толку! Покупалъ калоши—одинъ номеръ, ботинки—другой... Очки—третій! Шляпу—четвертый... и все разные! Профессоръ какой-нибудь и тотъ не запомнить!

Я осмотрѣлъ издали его покупки и остановился на одномъ подозрительномъ сверткѣ.

— У васъ въ семьѣ несчастье?

Покупатель испугался.

- А что такое?
- Я вижу завернутое въ бумагу нѣчто, похожее на дѣтскій гробикъ!
- Что вы! Это калоши.
- Номеръ?
- Онъ заскрежеталъ зубами.
- Отстаньте отъ меня! Кажется—42-й!
- Вы ихъ, вѣроятно, покупали въ морскомъ министерствѣ?
- Нѣтъ, въ магазинѣ. Да! Дайте мнѣ еще мыла. Вотъ только номеръ я забылъ.
- Номера не надо. Вѣдь не на носъ же вы его одѣнете. Радости его не было предѣла.
- Что вы говорите! Восхитительно! Дайте мнѣ тогда... десять кусковъ.
- Когда я заворачивалъ, онъ взялъ одинъ изъ кусковъ, осмотрѣлъ и, швырнувъ его, ударилъ кулакомъ по стойкѣ.
- Извольте видѣть! Мыло перенумеровали!.. 4711-й! Не хочу я 4711-й! Дайте мнѣ 953-й... или 2149-й!! Почему именно 4711? Насилу я успокоилъ его.
- Расплатившись, онъ нагружился тѣми же свертками.
- А эти, новые, положите на моего извозчика.
- Мальчикъ вынесъ покупки и сейчасъ же вернулся назадъ.
- Тамъ нѣтъ извозчика!
- Какъ нѣтъ? Ты врешь, негодный мальчишка!
- Я выглянулъ за двери и сказалъ:
- Дѣйствительно, вблизи нѣтъ ни одного экипажа.
- Покупатель схватился за голову и застоналъ.
- Что я надѣлалъ! Вѣдь на немъ былъ дѣтскій велосипедъ, два пуда муки и деревенскіе подарки!
- А вы номера извозчика не запомнили?
- Подите вы... подальше! Боже! Эти номера доведутъ меня до сумасшедшаго дома!
- Замѣйте, что и тамъ вы будете подъ номеромъ,—сочувственно предупредилъ я.
- Размахивая покупками, онъ выбѣжалъ изъ магазина, но скоро вернулся еще болѣе растерянный и убитый.
- Что прикажете?
- Скажите... Я не говорилъ вамъ случайно, гдѣ я въ Петербургѣ остановился?
- Нѣтъ. Въ гостиницѣ?
- У знакомыхъ. Улицу помню—Садовая... А номеръ забылъ. Ей Богу.
- Вы прописаны въ участкѣ?
- Кажется.
- Тогда можете узнать, гдѣ вы живете, въ адресномъ столѣ!
- А гдѣ стоитъ этотъ столъ?
- Не стоитъ, а находится... Вы не забудете? Безпанельная улица, домъ № 29, квартира № 37.

Онъ смотрѣлъ на меня. Лицо его все краснѣло и краснѣло. Потомъ на губахъ выступила розовая пѣна, потомъ онъ закачался и, наконецъ, увлекая свои нумерованныя покупки, во весь ростъ грохнулся на полъ.

Хоронили его безъ особой пышности. Въ мертвецкой, до похоронъ, онъ лежалъ подъ номеромъ четырнадцатымъ.

(„Сатириконъ“, *Аркадій Аверченко*).

Занимательное зненіе.

На отрока слѣдуетъ смотрѣть съ величайшимъ вниманіемъ.

Ювеналъ.

Печально я гляжу на наше поколѣнье...

Лермонтовъ.

Помните „Письма изъ путешествія“ Д. И. Фонвизина? Въ одномъ изъ нихъ, помѣченномъ Монпелье, нашъ знаменитый писатель коснулся о столовомъ бѣльѣ, которое у французовъ было такъ толсто и такъ скверно вымыто, что гадко ротъ утереть. „Я не могъ не изъяснить моего удивленія о томъ, что за такимъ хорошимъ столомъ вижу такое скверное бѣлье. На сіе въ извиненіе сказываютъ мнѣ: que cela ne se mange pas и что для того нѣтъ нужды быть бѣлью хорошему. Подумай, какое глупое заключеніе: для того, что салфетокъ не ѣдятъ, нѣтъ будто и нужды, чтобы онѣ были бѣлы“. То занимательное чтеніе, которое наводило книжный рынокъ и нагло лѣзетъ на глаза вамъ, куда бы вы ни пріѣхали: въ Петербургъ или Черниговъ, въ Варшаву или въ Калугу, всѣ эти „Пивкертоны“, „Шерлоки Холмсы“, „Томы Сойеры“ и т. д.,—чѣмъ не грязное и скверное бѣлье? И это бѣлье составляетъ какъ бы необходимое дополненіе къ скудному обѣду моихъ милыхъ соотечественниковъ, все равно какъ фрукты и сыръ являются непремѣнно заключительными аккордами торжественной симфоніи, разыгранной за табль-д'отомъ въ дорогомъ ресторанѣ. Лубочно-раскрашенныя книжонки—въ рукахъ молодежи, учащейся и не учащейся, въ рукахъ рабочаго, изящно-одѣтой дамы... Герои-сыщики, герои-преступники, героини-падшія женщины вытѣснили собою Печоринныхъ, Лаврецькихъ, даже Кирсановыхъ и Лопуховыхъ (въ „Что дѣлать?“) и пѣлуютъ галлереею очаровательныхъ женскихъ образовъ, созданныхъ кистью Тургенева, Гончарова, Толстого, Писемскаго. Вотъ

кто „интереснѣ“, а не портреты старыхъ и притомъ великихъ мастеровъ! Что чудно-описанная природа Россіи въ сравненіи съ „дномъ“, съ этими труппами, которыя сверху до низу пропитаны порокомъ и забрызганы человѣческой кровью!.. Итакъ, запечатлѣнная словомъ красота, сила и мощь генія вылиты на полкахъ въ книжномъ магазинѣ, а животная страсть и человѣческая низость, тоже запечатлѣвшіяся на сѣренной бумагѣ, захватываютъ массу. Но что же это такое? Прежде всего это, разумѣется, указываетъ на упадокъ вкуса и на ростъ варварскихъ инстинктовъ въ современномъ читателѣ.

Я видѣлъ своими глазами: мамап читала „Пинкертон“, въ то время какъ сынъ-гимназистъ жадно глоталъ страницу за страницей „Ш. Холмса“. Реалистъ-мальчуганъ справляется у газетнаго торговца, вышло ли продолженіе какого-то „таинственнаго убійства“, а учитель, въ двухъ шагахъ, стоитъ и добродушно улыбается... Вы, читатель, морщитесь и пожимаете плечами:—„что жъ тутъ такого? ну, читаемъ! ну, такъ, что же?...“ Жизнь уже отвѣтила: въ столичныхъ газетахъ недавно появилось извѣстіе объ арестѣ шайки грабителей, подъ руководствомъ гимназиста, которая организовалась подъ влияніемъ преступной „литературы“. Кто поручится за то, что „продолженія“ не послѣдуетъ? По-моему, торжествующій „Ш. Холмсъ“ или „Томъ Соверъ“ будутъ такъ же увлекать на мрачные пути, какъ М. Ридъ и Куперъ увлекаютъ въ Америку. Но между сочинителями грязныхъ романовъ и М. Ридомъ и Куперомъ такая же разница, какъ, напримѣръ, между небесной луною и тою, которую дѣлаетъ въ Гамбургѣ хромою бочаръ. Согласимся съ Валер. Майковымъ, что романы Купера болѣе, нежели этнографическіе рассказы и разсужденія о важности изученія быта дикарей, познакомили общество съ ихъ жизнью.

Если васъ увлекаетъ жизнь труппы и чаруютъ герои безъ страха, но заслуживающіе большого упрека, въ такомъ случаѣ совсѣмъ ненужными являются *безоблачныя, голубыя* небеса и благоухающіе сады, и Рафаэль съ его прекрасными Мадоннами, и Глинка, и Римскій-Корсаковъ, и Пушкинъ, и даже просто проточная чистая вода... Результатъ вѣдь одинъ: путемъ жизни въ долину смерти. Такъ зачѣмъ отыскивать жемчужныя зерна въ навозной кучѣ? То ли дѣло по-свиному зарыться въ грязь, въ навозъ, и, благодушно хрюкая, ждать, когда какая-то тамъ парка Атропосъ скажетъ: довольно, извольте обращаться въ прахъ!.. Но коли такъ,—зачѣмъ тогда дипломы, борьба за „современный строй“, вообще—къ чему и какая-бы то ни было борьба? Зачѣмъ—и разумъ?

Нѣтъ, тутъ что-то не такъ. Зимой мы всѣ тоскуемъ о полевыхъ цвѣтахъ; осенью, въ дождливые дни, ахъ, какъ хочется ясныхъ, солнечныхъ дней! И никому нѣтъ охоты черпать воды, чтобы утолить жажду, изъ мутнаго бассейна, если тутъ же имѣется хрустально-чистая вода родника. Свинья-то напьется изъ чего-угодно, ну, а мы только поморщимся. Врр...

Разъ Достоевскій былъ правъ, говоря, что у насъ, русскихъ, двѣ родины—наша Русь и Европа, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что рано или поздно „родина“ Европа потребуетъ отъ насъ удовлетворяющаго ее уровня знаній, прогресса и культуры, или же она повалитъ, растопчетъ и, смѣшавъ съ землею, превратитъ насъ въ тотъ, своего рода, фосфатъ, который повышаетъ почвенную производительность. Само-собой, на такихъ коняхъ, какъ лубочно-уголовная литература, далеко не уѣдешь и государственныхъ проблемъ не разрѣшишь, набивъ себя трухою... Вы возразите: „развѣ мы не учимся? Вѣдь мы набиваемъ себя трухою на досугѣ“. Но, право, мы дожили до строительнаго періода, когда о досугѣ не можетъ быть и рѣчи. Это разъ. Если довольствоваться знаніями, даваемыми школою, и не дополнять ихъ „на досугѣ“, дѣло опять-таки далеко не въ шля-

пѣ; оно—въ футлярѣ и притомъ въ футлярѣ тѣсномъ и расплзающемся по швамъ. А „Пинкертонъ“ въ довѣсокъ къ самообразовательной библіотекѣ—да развѣ это не злѣйшая насмѣшка? Это—два. Подобная „литература“, глумясь надъ пользою, знаніемъ, надъ красотою человѣческаго духа, есть лютой врагъ школы и служить заставою для всего здраваго, что проводитъ школа.

Какъ это примѣчательно: наши эпохи реформъ, когда свѣжіе и здоровые побѣги жизни стараются замѣнить собою обезсиленные и высохшіе,—такія эпохи непременно сопровождаются пошлостью и чѣмъ-либо низменнымъ! Вызовите въ памяти 60-е годы, оглянитесь теперь. Напримѣръ, какъ тогда, такъ и сейчасъ на книжномъ рынкѣ звучала властно и широко проповѣдь цинизма и чувственности; и кто же чутко прислушивался и прислушивается къ ней? Только не народъ въ смыслѣ „сѣрой скотинки“—на языкѣ покойнаго остролова Драгомирова и—„сѣраго невѣжества“ на языкѣ покойнаго же остроумца Лейкина! Вкусы этой части русскаго народа легко прослѣдить въ монастырской книжной лавкѣ или въ „книжной торговлѣ“ на рынкѣ, гдѣ деревенщина расплачивается кровными пятаками за „Битву русскіхъ съ кабардинцами“, за „Пана Твардовскаго“ и т. п. Странно? Нѣтъ, не странно! Изстрадавшаяся „сѣрая скотинка“ ищетъ и находитъ успокоеніе въ псалтыри и въ житіяхъ, а за „кабардинцами“ и за Твардовскимъ тянется „сѣрое невѣжество“, влекомое тоскою по богатырямъ. Да! да! оно хочеть яхъ, оно жаждеть, оно ждетъ не дождется ихъ. Что же дѣлала и дѣлаетъ интеллигенція? Развѣ соль русской земли ударила палець о палець, чтобы замѣнить бездарное кропаніе подъ приведенными выше заглавіями настоящими литературными прототипами? „Битва русскіхъ съ кабардинцами“ Зряхова—это литература, какъ и повѣсти Марлинскаго; „Панъ Твардовскій“, эта версія Фауста,—не дубокъ подъ перомъ Крашевскаго. Интеллигенція любитъ говорить, но „дѣла дѣлають“ смышленные лапотники, прущіе въ купеческую гильдію.

Да я, подобно генералу Сухозанету, „сумлѣваюсь, штопъ“ и многіе „словесники“ даже подозрѣвали о томъ, что жилъ какой-то *Зряховъ* и что въ Твардовскомъ отозвалось нѣчто фаустовское. „Какъ посравнить да посмотрѣть вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій“, лермонтовская „Дума“ невольно придетъ на умъ. Какъ незначителенъ багажъ и запасъ оружія, съ которыми современный молодой человѣкъ рѣшается выступать въ жизнь и отвоевывать у нея себѣ всѣ блага! А загляните-ка въ Россію минувшихъ временъ. Можно всѣми силами души ненавидѣть крѣпостное право, можно смотрѣть на старинныя барскія усадьбы подъ какимъ-угодно критическимъ угломъ зрѣнія, но нельзя не согласиться, что въ рѣдкомъ изъ помѣщичьихъ домовъ не было цѣнной по качеству библіотеки. То были домашнія учебныя заведенія, которыя служили дополненіемъ гимназій, лицеевъ и университетовъ и воспитывали умы будущихъ „людей 40-хъ годовъ“, „шестидесятниковъ“ и болѣе раннихъ государственныхъ дѣятелей. Въ жизнеописаніяхъ ихъ это вліяніе домашнихъ книгохранилищъ очень бросается въ глаза.

У новыхъ помѣщиковъ книгохранилищъ не увидишь, кромѣ развѣ этажерки съ „безилатными приложеніями“ къ „Нивѣ“... Новые люди—новыя требованія. Все легковѣстѣе. Что идетъ въ видѣ безилатнаго приложенія—милости просимъ, пожалуйста на этажерку, а то, за что надо раскошелиться,—минуй насъ, какъ гладь, трусъ, потопъ!

Вышія учебныя заведенія, помимо желанія съ ихъ стороны, замкнули въ свои курсы *достаточный* кругъ знаній, и дипломированный интеллигентъ уже искренно убѣжденъ въ томъ, что то, чего онъ не знаетъ, и не имѣетъ никакой цѣны. Все цѣнное въ его головѣ: помилуйте, у него дипломъ и чинъ. И

как онъ беззаботенъ на счетъ того, что все: и дипломъ, и чинъ, и „конспект-ная“ образованность давнымъ-давно потрескались отъ сатирическихъ громовъ! Что самъ онъ смѣшонъ, какъ дѣйствующія лица въ „Бригадиръ“—бригадиръ, бригадирша, Иванушка, совѣтникъ и совѣтница.

Школа процвѣтаетъ тамъ, гдѣ она видитъ помощницу въ обществѣ, въ семьѣ. Такъ ли у насъ? Маменька, зачитывающаяся „сыскными романами“, развѣ это воспитательница? Каковъ долженъ быть ея авторитетъ въ своей семьѣ и что она будетъ говорить, если бы школа пригласила ее на совѣщаніе по вопросамъ воспитанія? Какова бы ни была школа, она все-таки ведетъ къ свѣту, а мать добровольно и любовно уходить „на дно“ искать развлеченія среди героевъ мрака и въ уготованныхъ для нихъ „беллетристомъ“ перипетіяхъ. Такой ли семьѣ, наконецъ, „квivate на Петра“ и кричать о „недостаткахъ школы“, если самую ея этическія начала черпаются чертъ знаетъ откуда?

Немудрено, что, при очевидномъ весьма широкомъ распространеніи уголовно-порнографической „литературы“, проведеніе въ жизнь нравственныхъ началъ и серьезныхъ запросовъ становится тяжелой задачей, работою Сизифа, предъ которымъ всегда крутая гора. Кругомъ пахнетъ заразою. Въ зараженной ли атмосферѣ толковать о красотѣ жизни, произведеній искусства, научныхъ побѣдъ? Сперва нужно оздоровить атмосферу, иначе проповѣдники вѣдь погибнуть въ ней...

— Ага! о цензурѣ вопіете!—слышу я.—Опять хотите сжать общество въ тискахъ?

Не знаю, есть ли это вопль о цензурѣ, но знаю, что тисковъ я ~~никакихъ~~ не хочу, а хочу говорить, какъ я думаю; я не знаю, нужна ли цензура, или нужно остановить только потокъ „литературы“, создаваемой нечистыми руками; я не знаю, можетъ-быть, мамашу, которая читаетъ „Пинкертон“, надо просто ~~оставить~~ въ уголь, а гимназисту-сыну, наглотаившемуся „Ш. Холмса“, просто дать противодія. Но я знаю, что рыба загниваетъ съ головы, съ одной стороны, а съ другой, что всяческая свобода никогда не была оправдываема благоразуміемъ.

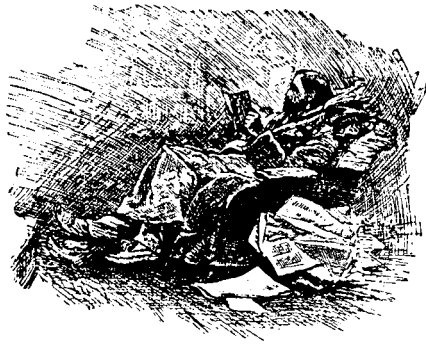
Свобода желательна до предѣла, отъ котораго начинается зло и истекаетъ вредъ для общественнаго организма. Тутъ же ей можно сказать: прекрасная! вы подошли къ опаснымъ мѣстамъ, во имя самохраненія не переступайте черезъ границу... Вы не желаете слушать добраго совѣта? ну, что-жъ, няня имѣется. Няня, сопровождайте прекрасную!... Такимъ образомъ, когда на Дальнемъ Востокѣ подавались японскіе ликеры, я думалъ: а! они и ликеры приготавлиютъ... И я понималъ такую свободу производства. Въ самомъ дѣлѣ, почему бы японцамъ и не варить ликеровъ? На какомъ основаніи западно-европейскіе монахи монополизируютъ право отравлять человѣчскій родъ сладкимъ ядомъ? Но вотъ однажды мнѣ показываютъ какъ курьезъ бутылку японской водки съ мастерски-поддѣланнымъ этикетомъ „Петра Смирнова у Чугуннаго моста въ Москвѣ“... Тоже свобода производства, но это уже гадость!

Въ охранѣ свободы творчества самое главное, чтобы „не переборщить“. Я первый бы возмутился, если бы изъ гаагской картинной галлерей вынесли шедевръ Рембрандта „Лекцію анатоміи“ во имя показаннаго трупа. Но порнографическая фотографическая карточка отличается отъ гениальнаго жанра великаго мастера; замѣняя его „грязнымъ бѣльемъ“, не кощунствуете ли вы въ храмѣ литературы? Рембрандтъ, Достоевскій, любой и маленькій, но непременно—*истинный* художникъ и писатель тѣмъ, вѣдь, и отличаются отъ шарлатановъ въ искусствѣ и литературѣ, что поклоняются истинѣ, неся на алтарь ея цвѣты, а не

труду; ихъ творчество обязательно освѣщается красотою, вотъ какъ лампы освѣщали кельи древнихъ лѣтописцевъ.

Маколей въ полемику съ Гладстономъ замѣтилъ, что дѣло правительства заботиться о благополучіи и спокойствіи гражданъ; очевидно, благополучіе не пострадало бы оттого, что на шарлатановъ надѣли бы узду.

Павель Россіевъ.

С М Ы С Ъ.

Новая теорія движенія земли. Нѣмецкій ученый проф. Симротъ выпустилъ недавно въ свѣтъ капитальный трудъ, подъ заглавіемъ „Pendulationstheorie“, въ которомъ доказываетъ, что земля, кромѣ установленныхъ уже наукою движеній, имѣетъ еще движеніе маятнико-образное; ось этого движенія, по утверженію Симрота, проходитъ черезъ плоскость экватора и оканчивается съ одной стороны на островъ Суматрѣ, а съ другой—въ области Эквадоръ (въ Южной Америкѣ). Плоскость наибольшаго качанія приходится поэтому на меридіанъ, проходящій чрезъ Африку и Европу (10° в. д.) и въ другомъ полушаріи—чрезъ Беринговъ проливъ по Тихому океану. Наибольшій наклонъ, которому подвергается при этомъ качаніи земной шаръ, доходитъ, по вычисленіямъ проф. Симрота, до 30—40 градусоу. Указанное колебательное движеніе земли происходитъ съ крайней медленностью: одинъ полный размахъ продолжается въ теченіе тысячелѣтій и отмѣчается цѣлыми геологическими эпохами, которыя являются, по этой теоріи, слѣдствіемъ колебанія земли. Такъ, въ палеозойскую эпоху, наша Европа двигалась къ сѣверу; въ пермскую эпоху, когда это движеніе достигло крайняго своего предѣла, въ Европѣ начался первый ледниковый періодъ. Затѣмъ, когда земля получила обратное движеніе, ледниковый періодъ постепенно уступилъ мѣсто другому, мезозойскому періоду; по мѣрѣ движенія нашего полушарія къ югу мѣнялся постепенно и климатъ, пока въ мѣловомъ и эоценовомъ періодѣ Европа не попала въ подтропическое положеніе. Когда, съ достиженіемъ землею предѣла размаха земной шаръ опять сѣвернымъ своимъ полушаріемъ сталъ склоняться на сѣверъ, наступила третичная эпоха съ ледниками, слѣды чего имѣются въ Европѣ и теперь. Въ настоящее время земля находится опять въ томъ фазисѣ, когда сѣверное полушаріе имѣетъ наклонъ къ югу.—Помимо приведен-

наго новаго объясненія геологическихъ эпохъ, гипотеза Симрота даетъ гармоническое объясненіе многихъ процессовъ, совершающихся на поверхности земли и объясненія которымъ наука до сихъ поръ еще не подыскала. Таковы, напр., явленія перелета птицъ, распространенія животныхъ и растений на земной поверхности, а также вопросъ о возникновеніи человѣческаго рода въ умѣренномъ (а не въ жаркомъ, какъ слѣдовало бы ожидать) поясъ, о расселеніи расъ и т. п. Теорія Симрота является одной изъ самыхъ широкихъ и блестящихъ гипотезъ новаго времени.

(Народн. Образ.).

Женщина-профессоръ. Недавно въ зданіи московскаго университета произошло скромное по обстановкѣ, но выдающееся по значенію, собраніе. Докторъ медицины В. М. Данчакова, извѣстная своими научными трудами въ области гистологии и эмбриологии, выступила съ пробной лекціей передъ медицинскимъ факультетомъ для полученія званія приватъ-доцента. Темой было: „Современное состояніе теоріи нейроновъ“. Это былъ первый случай выступленія женщины въ качествѣ кандидатки на право университетскаго преподаванія. Лекція была прочитана съ глубокимъ знаніемъ вопроса, сжато, ясно, строго логично и заслужила единогласное одобреніе факультета, постановившаго не требовать прочтенія обычной второй пробной лекціи.

Какъ встрѣтила пресса „Дневникъ Писателя“.*)

(НОВЫЕ ОТЗВЫВЫ).

„Братская Помощь“ 1908. 2.

Съ января прошлаго года началъ выходить въ Москвѣ ежемѣсячный журналъ „Дневникъ Писателя“, издаваемый извѣстнымъ писателемъ А. В. Кругловымъ. Вначалѣ это былъ въ буквальномъ смыслѣ слова „Дневникъ писателя“—всѣ статьи принадлежали перу одного А. В. Круглова. А затѣмъ, съ каждымъ номеромъ число сотрудниковъ увеличивалось, программа росла и журналъ сформировался въ дневникъ многихъ писателей и ученыхъ, не только ничѣмъ не уступающій по полнотѣ—„толстымъ“ ежемѣсячникамъ, но и имѣющій передъ ними преимущество:—„Дневникъ Писателя“ рѣзко выдѣляется изъ общаго тона нашей журналистики, захваченной тяжелымъ кошмарнымъ временемъ,—чистотой мысли и слова, глубокой вѣрой въ свѣтлое грядущее... Бодряшій, жизнерадостный тонъ, талантливое изложеніе, любовное отношеніе къ дѣлу, красивый, а главное и выполняемый, девизъ журнала „Свободная жизнь, покоющаяся на знаніи и религіи“—должны создать несомнѣнный успѣхъ изданію.

Журналъ обильно иллюстрированъ, какъ въ самомъ текстѣ изящными рисунками, виньетками, портретами, такъ и приложеніями на отдѣльныхъ листахъ.

Въ нынѣшнемъ году журналъ увеличенъ въ объемѣ и къ нему добавлены 48 „дневничковъ“, а также премія—книга беллетристическаго содержанія.

Дневнички разбиты на четыре отдѣла, подъ названіями: 1) Запросы духа (въ области вопросовъ церкви); 2) Семья и школа; 3) Родная старина и 4) Военные отголоски—статьи изъ военнаго быта, хроника военной жизни, замѣтки, касающіяся нуждъ арміи, библиографія и т. п.

Въ журналѣ отводится много мѣста вопросамъ арміи. Это послѣднее, въ связи съ основною задачею—„укрѣплять чувство любви къ ближнему, къ

*) См. Дн. Пис. 1907 г. кв. III и 1908 г. кн. V—VI.

родинѣ, къ человѣчеству“—дѣлаеть желательнымъ широкое распространеніе журнала въ офицерскихъ и солдатскихъ библіотекахъ, а также въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Подписная цѣна должна быть признана незначительной (3 р. 60 к. въ годъ съ перес.).

„Современная Лѣтопись“, № 21, 1908.

Большинство нашихъ журналовъ зоветъ читателя не къ желательному для родины миру, а наоборотъ—къ борьбѣ за свободу, но свободу безъ Бога, безъ Христа; изображаетъ пороки какъ добродѣтели.

Зато съ какимъ удовольствіемъ, съ какою отрадою останавливаешься на журналахъ, которые, такъ сказать, обвѣяны истинно-христіанскою любовью, стремятся укрѣпить въ читателѣ любовь къ ближнему, къ родинѣ, къ человѣчеству...

Къ числу такихъ журналовъ принадлежитъ издающійся въ Москвѣ съ прошлаго 1907 года „Дневникъ Писателя“ извѣстнымъ русскимъ писателемъ, поэтомъ и публицистомъ, Александромъ Васильевичемъ Кругловымъ.

А. В. Кругловъ говоритъ: „Въ жизни должна осуществляться правда, жизнь должна быть полна добра, согрѣта любовію и овѣяна красотой“.

Какія это чудныя слова. Они могли вылиться изъ-подъ пера только такого человѣка, который самъ живетъ любовію къ ближнему, къ своей родинѣ, который стремится насадить только то, „что честно, что справедливо, что пречисто, что любезно, что доброхвально“.

„Дневникъ Писателя“ и стремится общедоступнымъ языкомъ и въ общедоступныхъ формахъ раскрывать правду, указывать на добро и красоту, приспособительно ко всѣмъ видоизмѣненіямъ жизни—церковной, умственной, нравственной и общественной.

Отъ души желаемъ самаго широкаго распространенія „Дневнику Писателя“ и также отъ души рекомендуемъ его всѣмъ для чтенія...

Замѣтка.

Въ „Пути Жизни“ (май-іюнь) помѣщена слѣд. оговорка:

„Въ № 4 по недосмотру *корректора* *) пропущена на стр. 9-й подъ стих. „Помолись“ сноска: „Стих. это напечатано по тексту на отрывномъ календарѣ т-ва И. Сытина, 1908 г. лист. 13 янв.“ Этой оговоркой редакция „Пути Жизни“ фактически отвѣтила на нашъ запросъ: изъ какого источника она взяла искаженное стихотвореніе, напечатавъ его безъ всякой подписи автора... Конечно, редакция не виновата, если не подписала фамиліи автора, когда ея не было на листочкѣ календаря. Но нельзя не удивляться, что она не замѣтила искаженія и пропуска стр. (въ этомъ, конечно, корректоръ уже не виновенъ) и даже нынѣ, по прочтеніи нашего запроса, не наша нужнымъ указать автора и сознаться, что напечатала стих. съ пропусками, безобразными стихами... Это слѣдовало сдѣлать, чтобы остаться корректнымъ относительно авторовъ, чьи произведенія журналъ перепечатываетъ.

Ред.

*) Кто же этотъ *корректоръ*? Это видно изъ слѣд. строкъ г. Павлова, редактора журнала: „въ виду невозможности имѣть отдѣльное лицо, на мнѣ лежитъ рѣзка бумаги, фальцовка листовъ, задѣлка бандеролой,—не говоря уже о корректурѣ“. Выходитъ, что *редакторъ Павловъ* обвиняетъ за недосмотръ *корректора того-же Павлова!*... Оригинально!

Почта „Дневника Писателя“.

Л. Н. Т.—Казань; М. О. М.—Харьковъ; Н. В. В-ге, Кіевъ; Курсисткѣ—С. П. Б.; О-й, Ярославль. Въ прошломъ году по поводу 55 л. дѣятельности Толстого, „Дневникъ Писателя“ (въ статьѣ „Левъ литературы“) ясно выразилъ свой взглядъ на Толстого, какъ художника и философа-моралиста. Повторять вновь нѣтъ нужды. Но „Дневн. Писателя“ еще придется подробно касаться религіозныхъ воззрѣній маститаго писателя.

Воронежъ. Р—ку. Произведенія, требующія большой отдѣлки, никогда не могутъ пойти скоро.

Москва. К—му. Вашъ набросокъ „Весна“—не пойдетъ.

Архангельскъ. Я. П—ву „Мірокъ“—не пойдетъ. Вышлите марки для заказной бандероли, если хотите возвращенія рукописи.

В. И. Нех—ву. „На морѣ“ и „Думы“ не будутъ напечатаны.

С—ной. Кіевъ. Ваше письмо напечатать нельзя, но большое спасибо за сочувствіе и пожеланіе.

Нѣсколькимъ подписчикамъ. Портретъ Государыни Императрицы Александры Теодоровны вы найдете въ этомъ №, а портр. Цесаревича Наслѣдника былъ данъ въ прошломъ году (окт. №). Въ отд. продажу портреты не поступятъ.

Спб. Самый послѣдній срокъ для доставленія пропущенъ. Статья, помимо желанія редакціи, пойдетъ уже въ сентябр. книжкѣ.

Контора покорнѣйше проситъ подп., которымъ по жалобѣ высланы №№ вторично, увѣдомить о полученіи.

ВЪ РАЗНЫЕ ГОДЫ.

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ

А. В. Крулова.

Содержаніе:

Министръ народнаго просвѣщенія. — Сказъ о томъ,
что спасло богатую и знатную Акилину. — Старые
шкафы. — Чудашная. — Сумерки. —

(Виньетки соотвѣтств. содержанію).

Обложка раб. худ. Соколова.

ЦѢНА 75 коп. Пересыл. по разстоянію.

Выпис. изъ конторы „ДН. ПИСАТЕЛЯ“ за пере-
сылку не платять (искл. Сибири, куда на пере-
сылку слѣдуетъ добавить 20 к.). Подписчикамъ
„ДН. ПИС.“ книга высылается **всюду за 50 коп.**

- СТВАМИ, ВЪ ЗАВИСИМОСТИ ОТЪ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢ-
НІЯ.—Ст. профессора **И. Т. Тарасова**. 66.
Иллюстр: Портретъ автора.
- XVIII.—**НАРОДНЫЕ ДѢТСКІЕ САДЫ ВЪ КІЕВѢ**.—Очеркъ.—**Ю. Н. Карпинской**. 70.
Иллюстр: Дѣти улицы.
- XIX.—**„НЕ ЗНАЕТЪ ОТДЫХА ПАТРУЛЬ**.—Стихотвореніе.—**А. В. Круглова**. 75.
СРЕДИ ДРУЗЕЙ И ВРАГОВЪ. (Критика и библиографія).
Иллюстр: Критики.
- XX.—**КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**. 76.
Д. И. Введенскій. Небесныя звѣздочки.—**А. Н. Догановичъ**.—
Викторъ Ивановъ. Дѣти въ произведеніяхъ Чехова.—**А. Н. До-**
гановичъ.—А. П. Чеховъ въ значеніи русскаго писателя Н. А.
Покровскаго.—Антонъ Павловичъ Чеховъ В. И. Покровскаго.—
Кргл.—Маркъ Твенъ. Дневникъ Адама.—**А. А. Чумака**.—А. Ку-
принъ. Дѣтскіе рассказы.—**И. И. Вологодскаго**.
- XXI.—**ЖУРНАЛЬНОЕ СБОЗРѢНІЕ**. 80.
1) **НАЦИОНАЛЬНЫЙ НОРВЕЖСКІЙ КОМПОЗИТОРЪ**. (Эд. Григъ, оч. „Совр.
Міръ“) **А. Н. Никитиной**.
Иллюстр: Портретъ Грига.
2) **ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ**.—**Л. Д. Гончаревскаго**.
- XXII.—**БЕСѢДА**.—I. Войнъ мирной арміи.—II. Лавровый вѣнокъ.—
III.—Побѣда писателя.—**А. В. Круглова**. 88.
Иллюстр: Пчелы и книги.—Червильница.
- XXIII.—**У ГРОБА СВЯТИТЕЛЯ-МУЧЕНИКА**.—**А. В. Круглова**. 97.
Иллюстр: Портретъ почившаго экзарха Грузіи, архіепископа Ни-
кона (на отд. стр.).—Портретъ прот. о. Евѣимія Рыбчинскаго.—
Кіотъ.—Передъ раскрытымъ Евангеліемъ.
- XXIV.—**ОБО ВСЕМЪ И ОТОВСЮДУ**.—I. Генераль-адъютантъ Николай Петро-
вичъ Линевищъ.—II. Новая неудачная книга о Пушкинѣ.
—III. Леопарды въ переводѣ Н. Тхоржевскаго. 104.
Иллюстр: Виньетка отдѣла.—Портретъ Н. П. Линевища (на отд.
стр.) :
- XXV.—**ХАМЫ**.—Замѣтка.—**А. К.** 110.
- XXVI.—**ИСКРЫ**.—I. ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ОТЕЛЯ „ДВОРЯНСКІЙ ДВОРЪ“.—Набро-
ски.—**Амфилохія Устюманскаго**.—II. **ЖЕРТВА ЦИВИЛИЗА-**
ЦИИ. (Съчужихъ полей). 111.
Иллюстр: Точильщикъ.—Веселые пріятели.
- XXVII.—**ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ**.—**П. А. Россіева**. 120.
- XXVIII.—**СМѢСЬ**. 124.
Новая теорія движенія земли.—Женщина-профессоръ.
Иллюстр: Виньетка отдѣла.
- XXIX.—**КАКЪ ВСТРѢТИЛА ПРЕССА „ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“**. 125
- XXX.—**ЗАМѢТКА**. 126
- XXXI.—**ПОЧТА „ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ“**. 127.
- XXXII.—**ОБЪЯВЛЕНІЕ**.
- Приложенія: Іюльскіе—Августовскіе „ДНЕВНИЧКИ“: „Запросы Духа“, „Семья и Шко-
ла“, „Родная Старина“, „Военные Отголоски“. (№№ 7—8.)
Въ силу необходимости эт. **ЧУЖИМЪ СВѢТОМЪ** отлож. до слѣд. книги.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1908 годъ

—) Н А (—

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Ежемесячный иллюстрированный журналъ, съ 48 безпл. приложениями — „ДНЕВНИКИ“ — и 1-й преміей-книгой беллетристическаго содержанія, издаваемый **А. В. Кругловымъ**, при ближайшемъ участіи **А. Н. Догановичъ**.

Въ журналѣ сотрудничаютъ извѣстные писатели и ученые.

Программа журнала: романы, повѣсти, рассказы, этнографическіе, историческіе и биографическіе очерки, драматич. произведенія, этюды и статьи по вопросамъ этики, религіи, литературы, сельскаго хозяйства, науки, искусства, критика и библиографія, обзоры журналовъ, худож. музыкальн. и театральн. замѣтки, сатира юморъ (тексты, рисунки и каррикатуры,) — и проч., смѣсь, выдержки изъ печати, письма изъ разныхъ мѣстъ, отвѣты на запросы читателей. Въ каждой книжкѣ „БЕСѢДА“ по текущимъ и „вѣчнымъ“ вопросамъ (этика, жизнь, литература, политика). Помимо постоянныхъ иллюстрацій въ текстѣ, по мѣрѣ надобности, къ книжкамъ журнала будутъ прилагаться картины и портреты на отдѣльныхъ листахъ (на толстой мѣловой бумагѣ), изъ которыхъ можно потомъ составить интересный кипсекъ на столѣ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ подписчики (хотя бы и подпис. въ разсрочку) получаютъ

12 №№ ежемѣс. иллюстрир. журнала.

48 №№ „ДНЕВНИКОВЪ“ (бесплатн. прилож.), изъ которыхъ:

12 подъ назв. „ЗАПРОСЫ ДУХА“, посв. религіозно-церковно-этической области (Истина и заблужденія духа въ поискахъ ея: статьи о церк. строѣ, о бытѣ дух., замѣтки, хроника, библиографія).

12 подъ назв. „СЕМЬЯ и ШКОЛА“, посв. вопросамъ образованія, воспит. школьн. хрон., сельск. хоз., вообще обиходу, гигиенѣ медицинѣ, дѣтск. и женск. вопрос. Нарѣдка разск. для дѣтей. Полезн. совѣты для дома, здоровья и развлечения. Въ помощь воспит. и родит. указанія при выборѣ книгъ.

12 подъ назв. „РОДНАЯ СТАРИНА“, посв. прошлому Россіи. (Статьи, замѣтки, рассказы, библиографія, жизнеоп. и пр.)

12 подъ наз. „ВОЕННЫЕ ОТГОЛОСКИ“, посв. вопросамъ военнаго строя и быта. (Статьи, очерки, замѣтки, хроника и библиогр.)

1 Премія-книга беллетристическаго содержанія.

ВСѢ подписчики, добав. къ подп. 5 к., получ. брошюру „Въ чемъ счастье“.

Книжки „Дневника Писателя“ размѣромъ отъ 3 до 7 печ. лист. выходятъ въ 20-хъ числахъ к. м., причѣмъ май—іюнь и іюль—авг. двойными книжками.

Подписная цѣна:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:		СЪ ДОСТ. въ МОСКВѢ и пер. по ИМПЕРІИ:	
Годъ	3 р. 20 к.	3 р. 60 к.	за границу только
½ года	1 „ 80 „	2 „ — „	на годъ 6 руб.
3 мѣс.	не прин.	1 „ 25 „	

Для полков. и ротн. библиотекъ и для всѣхъ казен. обществ. учрежденій, для лицъ подп. за поруч. гг. казначеевъ разср. по соглашенію съ редакціей, причѣмъ: на 10 оплачен. экз. 1 экз.—бесплатный. Кв. маг. и конторамъ привам. подписку 20 к. уступки съ экз. при условіи годов. подп. и внесенія подп. цѣны полностью. За 1907 г. полный комплектъ „Дн. Пис.“ высылается за 2 р. 50 к., но безъ преміи. Съ преміей 3 р. въ Евр. Россіи. Въ Сибирь за пер. по разстоянію. Въ редакціи, т. е. безъ пер., 2 р. безъ преміи и 2 р. 50 к. съ преміей. За перем. адреса 50 к.

АДРЕСЪ: Москва, Тверская, д. графини Олсуфьевой, контора журнала „Дневникъ Писателя“. (Редакція тамъ же). Телефонъ № 83-00.

Редакторъ-Издатель **А. В. Кругловъ**.